

СТАРАЯ КОЖА И ПЕНСИОНЕР-ИНДИГО

Бывает так: люди смотрят на одну и ту же вещь или явление и видят совершенно разное. Из увиденного потом делают выводы. Проще всего тому, кто не присутствовал, а потому ничего не видел, ему и сказать нечего. Сложнее придется витавшему где-то в облаках: он вроде бы был на месте, но совершенно искренне ничего не заметил, — могут посчитать глупым.

Света Друганова оказалась в непростом положении: она была участницей. И теперь замерла, ожидая, что последует за словами Аллы Альховской. «Все видеть» для нее означало только одно, и о чем же еще она могла подумать? Ждать ей пришлось недолго, и вообще, как оказалось, не стоило напрягаться. Раньше положенного подъехала «газель», и все внимание тут же переключилось на сборы, связанные с отъездом. Еще долго расставались и целовались, выпивали «на посошок», и Зулусов, пошатываясь, неожиданно доигрался до роли обиженного на то, что его тут оставляют одного, — весь набычился и просто сумрачно побагровел.

Ложная тревога, решила Света, или все же нет? Ее не оставляло вполне чувствование неловкости. Какое-то слишком уж обыденное превосходство прозвучало в этих словах: «Я все видела». Да что ты видела-то? Ей показалось, что Альховская усмехнулась, скользнув по ней взглядом, когда садилась в «газель», и тут же Света одернула себя: «Да нет же, конечно, я это себе придумываю, напрасно распалаясь». Она забралась следом и решила больше не быть идиоткой. Максим в ее рассуждениях непостижимым образом отсутствовал — даже тени его не коснулось ее озабоченности.

С Верой же случилось некое преобразование: поговорив по телефону со своей давней подругой Лидой Камнепад, она внезапно успокоилась. Ей, несомненно, стало легче; один только уверенный голос Лиды, повышенный в трубке до степени непререкаемости, внушал надежду не пойми на что, а они ведь еще договорились встретиться в кафе, чтобы все обсудить, тем более что действительно давно не виделись. «Вермишель» на Коммунаров, знаешь? Да, напротив остановки. Я просто тут неподалеку работаю. В обеденный перерыв. Тебе удобно будет?»

Кажется, с Лидой всегда было удобно; душевно — это точно. Она вообще была жизнерадостной изначально, с самых детских лет. Никогда не хныкала и ни на что не обижалась. В ответ на любые невзгоды — улыбка, она же удачно прилагалась к ее энергичному голосу — он приятно рокотал неубиваемым позитивом. И разве могло бы хоть что-нибудь свергнуть ее в уныние? Казалось, ей ничего не приходилось преодолевать; она не замечала преград.

Лида была гуманитарием со знанием двух языков: английского и итальянского, занималась литературными переводами. Успевшие 90-е многим сложили неказистую судьбу, но она каким-то образом счастливо уцелела в эти безобразные годы. Защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Пенелопы Джиллиат, устроилась работать в фирму, торгующую итальянской мебелью, и естественным образом стала ездить на родину этой самой мебели с деловыми целями. В общем, светлый такой человек, от которого всегда можно было зарядиться любовью к жизни и неожиданно уяснить (если уж совсем худо стало и заклинило напрочь в пессимизме), что жизнь это ни с чем не сравнимое богатство.

Вот и сейчас она предстала перед Верой в золотистом солнечном ореоле, подержанном падающими листьями. Из кафе, где устроилась Вера, через промытое дождем стекло было видно, как Лида перебегает дорогу, уверенная в себе женщина, обрученная с осенью по взаимной симпатии, — легкий, словно целлофановый, светлый плащ по фигуре, черные блестящие сапожки по ноге, сама вся такая светлая, объемная, чувствующая себя комфортно в своей счастливой объемности, с волосами до плеч, отливавшими золотом. Славная такая бабенция, словно за кого-то решила Вера, — снабженная готовым к счастью телом, и денек такой славный, с прощальными поцелуями хорошей погоды.

— Давно ждешь? — выдохнула Лида, снимая черную кожаную сумку с плеча.

— Да нет...

— Ты уже заказала?

— Чай с круассаном.

— А я кофе возьму...

Она повесила плащ на вешалку рядом со столиком и пошла к стойке.

Мне есть чему у нее поучиться, подумала Вера. Лида была старше на три года, а значит, ей уже было за сорок. Первый муж ей достался со студенческой скамьи. Поначалу казался умным и даже подавал надежды на предмет компьютерной грамотности после «углубленного изучения предмета». Однако скатился в обыденность, не выдержав испытания действительностью. Раньше у него еще водились какие-то мысли, но потом они исчезли — все пожрал интернет. Он глубоко завяз в социальных сетях; с возрастом стал скрывать свой возраст, убрав его со странич-

ки личных данных; разумеется, и фото его там красовалось, сделанное еще в длинноволосые, а не лысоватые, романтические времена. В общем, хотел оставаться парнем как можно дольше, имея на всякий случай зазор для возможных отношений с девушками. Все это выглядело достаточно пошло и примитивно. Он ставил лайки девицам за их симпатичные мордашки и декольте, восторгался в комментариях скобками и сердечками, писал в личку, постил фоточки. Если у Лиды еще и оставались некоторые сомнения на этот счет, то в какой-то момент они неоспоримо утвердились, и она окончательно уверовала в то, что Фейсбук — это последнее прибежище негодяя.

Больше всего ее тут смутило то, что ее муж оказался стареющим виртуальным идиотом — расслабленным и к тому же слабовольным. Когда она совершила это открытие, ей вдруг представилось, что через какие-нибудь два-три года, а то и пораньше, он просто будет тупо пялиться в монитор и пускать пузыри изо рта. И что ей тогда останется делать? Лида терпеть не могла никаких имитаций, а потому приняла решение с ним расстаться. И ведь вовремя это сделала! Он стал попивать, спутался с какой-то отчаянной девкой из виртуальных френдов, довольно скоро потерял свою и без того невзрачную работу компьютерщика, а потом и вовсе «пошел по рукам» — от одной редакции-однодневки к другой, да все хуже и хуже, окончательно потерявшись и растворившись в каком-то фиговом листке с характерным безутешным названием: то ли «Гражданская позиция», то ли «Добрые дела».

Второй и ныне здравствующий муж Лиды, к счастью для нее, не был творческой личностью; он «занимался делами» и, как деловой человек, зарабатывал деньги, что, впрочем, и было положено настоящему мужчине в нынешних обстоятельствах, отвечая на вызовы времени. Какой именно род деятельности приносил ему доход, Вера не знала (о нем можно было сказать, пожалуй, самое главное — что он «решает вопросы»), да это и не было так уж важно для нее, потому как все равно не имело к ней ни малейшего отношения. Она и видела-то его всего один раз и издали. Впечатление было смазанным и недостоверным, а потому совершенно выветрилось из головы. Одно Вера знала точно: они ладили и, по словам Лиды, «не мешали друг другу». Для него это тоже был второй брак. И если у Лиды от ее союза с горе-компьютерщиком имелся сын, то у него — дочь. Как там все это у них совмещалось и склеивалось, в каких пропорциях участия и обязательности, Вера не знала, но по внешнему виду Лиды могла судить о вполне успешном течении ее жизни.

— Ну вот, — снова выдохнула Лида, вернувшись к столику и сверкнув круглыми от избытка положительных эмоций глазами, — это сколько же мы с тобой не виделись?

— Года два или больше? — предположила Вера, разглядывая не по-здешнему загорелое лицо Лиды. Италия, решила она, но Лида, словно угадав ее мысли, сказала:

— Из Испании только приехала. — И тут же спешно добавила в продолжение: — Слушай, у меня сегодня хорошее настроение и повод у нас есть, возьмем по бокалу вина, а?

«А когда оно у тебя было плохим?» — мысленно ответила Вера, а вслух сказала:

— А как же твоя работа?

— Да что работа, — поморщилась Лида. — Там такая работа, что... Ну как?

— Да нет, что-то не хочется...

— Не компанейская ты девушка. Тогда я тоже не буду.

В кафе было немногочисленно, середина дня. Звучала ритмичная музыка с FM-радио, перебиваемая бойкой рекламой; в дальнем углу кто-то приглушенно говорил по телефону; за вешалкой, через незанятый столик, две девушки чему-то

смеялись; насыщенный запах кофе распространился бархатом в этом отдыхающем пространстве и позволял надеяться на лучшее.

— Спасибо, — довольно сказала Лида, когда перед ней поставили чашку.

— Приятного аппетита, — почти одновременно с ней, а все же чуть раньше, пропела невысокая девушка-официант в белой блузке и с тяжелой грудью; она прижала поднос к животу и пошла между столиками будто стюардесса по салону авиалайнера. Так вдруг Вере это представилось, и она сразу ощутила свой возраст, как самую вероятную возможность проигрыша, — так далеко она отстояла от этой угловатой девушки, а петь вообще никогда не умела. «Еще куда-то собралась — надо же... Молода душой. А начала бы тараторить и хохотать за здоровье — сразу бы превратилась в бабуку!» Ей самой было странно поймать это внезапное снижение настроения.

«А куда полечу я? — подумала Вера. — Неужели в пропасть? Ну уж нет, не дождетесь!» Она и сама не знала, кому пообещала не сдаваться, и уж тем более смутно представляла, с кем собралась бороться.

— Ты такая решительная сегодня, — заметила Лида.

— Я произвожу такое впечатление? — попыталась улыбнуться Вера.

— Вообще, сколько тебя помню, ты всегда была решительной. Разве можно забыть, как ты справилась с пьяным, который приперся к тебе на прием? Я тогда пришла к тебе под конец рабочего дня, а тут готовая история из криминальной хроники...

— Ты преувеличиваешь.

— Ну, конечно! Этот хмырь болотный черт знает что себе вообразил, видно, перепутал поликлинику с магазином. Язвенник-алкоголик. Я и ахнуть не успела, как ты его уже вытолкнула вон... Постой, работаешь все там же, терапевтом?

— Да, представь себе, все в той же поликлинике. Теперь в отделении ремонт, смены у нас поменялись, и сегодня у меня свободный день.

После нескольких необязательных фраз о работе, произнесенных почти таким же дежурным тоном, в котором уже начинало проявляться неожиданное сожаление по поводу собственной уязвимости в этой жизни, укоренившееся в Вере, она наконец-то перешла к сути дела, заставившего ее позвонить давней подруге.

В ее вялом и путаном изложении событий для Лиды не хватало энергии подлинности. По ее лицу слишком было заметно, что она недоумевает. То, что Вера рассказала с Антоном, впечатлило Лиду совсем с другой стороны. Если для Веры безобразная сцена танцев (а у нее так и засело в голове, застыло на языке это слово — «безобразная») с последующим опрокидыванием рюмки водки в разгоряченное от похоти лицо мужа представлялась законченной драмой, то для Лиды это была заурядная комедия. Она просто не могла поверить рассказу Веры и потому высказалась откровенно:

— И это все? И больше ничего? Из-за такой ерунды?

Легкомысленное отношение Лиды к столь серьезному вопросу несколько покорило Веру — совсем не этого она от нее ожидала; впрочем, она не смогла бы точно выразить, чего она хотела, скорее всего, зная Лидин характер, поддержки в радикальном духе, сродни примерно таким словам: «Молодец, давно пора было выгнать этого идиота!» И тогда бы она элегически погоревала, не соглашаясь с суровой оценкой Лиды, — «ну что ты!», тем самым добиваясь, чтобы ее все-таки убедили в собственной правоте.

— Какая же это ерунда? — попыталась возразить Вера. — Когда так нагло, прямо у тебя на глазах... Этого недостаточно?

— Да ерунда полная! — с жаром выпалила Лида; ее и без того спелое, обеспеченное высоким жизненным тонусом лицо словно увеличилось, глаза округлились веским и неоспоримым доказательством.

— По-твоему, я это себе придумала?

— Ты придумала себе последствия — и только.

— Выходит, я — слабоумная идиотка, а он...

— Ну, мать, ты даешь! — перебила ее Лида. — Всего лишь напился твой Антон, и понесло его по ухабам.

— Как у тебя все просто, — не соглашалась Вера.

— А усложнять на ровном месте зачем?.. Это никакая не трагедия, нет тут ее ни с какой стороны... Подожди, — вдруг блеснула у Лиды догадка, — или ты сама хотела так это представить?

— Ну конечно... Зачем мне это надо?

— Ну, тогда вообще все похоже на мыльный пузырь: через день-два вернется твой Антон обратно. Послoneyтся по друзьям, поплачется им в жилетку — «вот зараза какая!» — и вернется. Еще потом с денег помолчите, дуясь друг на друга от переизбытка собственной правоты и исключительности, и все как по маслу пойдет.

— Это после всего?

— О, господи! — вздохнула Лида, закатывая свои красивые глаза-блюдца к потолку. — После всего — чего? После пьяных обжималок с поцелуйчиками? Ты о чем вообще говоришь?

— Я понимаю, для тебя это что-то вроде анекдота. Забавная история в гостях. Это ведь не с тобой произошло, правда? Можно пропустить и простить. Я так не считаю.

— Ну ладно, — вдруг сдалась Лида. — Если хочешь начистоту, то он мне всегда казался каким-то странным.

— Это почему? — насторожилась Вера; поворот для нее был неожиданный.

— Даже не знаю... Что-то такое в нем всегда было несоразмерное...

— Чему несоразмерное?

— Ты только не обижайся, ладно?

— А-а... почему я должна обижаться? — неожиданно заволновалась Вера. — Как это меня касается?

— Да не тебя, — скривилась Лида, — а твоего «бывшего», если тебе так угодно... Какой-то он у тебя «голубоватый» был...

«Был... «голубоватый»... Почему был? — стремительно пронеслось в голове у Веры. — Ах да, в этом смысле...»

— Антон? Это в чем же?

— А попробуй, пойми. — Лида пожала плечами. — В разговоре, в жестях. В общем, мужчины в нем мало.

— С чего это ты взяла? Вот еще... — заупрямилась Вера; у нее в горле пересохло от неожиданности — «для чего она мне это говорит?»

— Слишком любезный такой, предупредительный, — последовательно вытаскивала из своей давней памяти припрятанных козырей Лида. — Я помню, как он с мужем моим первым, фейсбучником-юбочником недоделанным, разговаривал. Такой учтивый не по случаю, аж ладони потирал...

— Волновался, наверное, — возразила Вера; ее уже начинала порядком доставать Лидина напористость.

— Да с чего это он так разволновался? Прямо как мальчик перед девочкой! Или девочка перед мальчиком? — с избытком поинтересовалась Лида непонятно уже у кого. — А только промахнулся, голубок, впустую потел.

«Нет, ну как она уверена в себе! — вдруг выскочило у Веры озарением. — Как решительно обо всем судит — это просто невероятно! Такое мне говорит...»

Должно быть, в лице Веры промелькнуло что-то чужое, черты его исказила какая-то противоположная мысль, и Лида, удержав свой голос ровным и независимым от обстоятельств, как ни в чем не бывало продолжила, уже затихая:

— Это мне просто вспомнилось. Первое впечатление при знакомстве. Разве они спорят? Встретились, называется. Какая нелепость. О чем?

Губы у обеих ищут подходящих слов, похожих на оправдания. Поджимаются, пережевывают сказанное и услышанное.

— Да ладно, я пошутила.

— Пошутила? Зачем?

— Не знаю. Хотела тебе угодить, а вышел перебор.

Этого еще не хватало.

— Да не переживай ты, куда он не денется.

— Мне переживать?

— А может, оно и к лучшему. Сволочь он у тебя порядочная — не ценит того, что есть. Да все они, если разобраться... Копнешь поглубже и получишь.

— И у тебя?

— А ты как думала? Ничего, найдешь себе другого, еще получше. Это не проблема сейчас. Я же нашла?

Это была бесконечная история.

С Антоном все обстояло иначе. Его никто ни в чем не убеждал, не проникался сочувствием, не жалел и не давал советов, как жить дальше. Собственно, Антон и не спрашивал какого-то совета. И у кого? У страдающего похмельем Геннадия Семеновича? Владелец усадьбы, населенной кроликами, гномами и лягушками, тоскливо маялся. Пошатавшись по веранде, взялся посмотреть телевизор и уткнулся хмурым взглядом в новости. От его запала на разговоры почти ничего не осталось — даже на самом доньшке. Он вообще-то любил помусолить какую-нибудь тему — ну так, по «этому делу» как бы, чтобы с бутылкой на столе. Разговоры мужские, обстоятельные, с пониманием. А вот дома, с Ритой, у него этого практически не получалось — больше придирок и крику. Чтобы понимать друг друга, им приходилось разговаривать матом.

По ящичку бойким голосом вещали про заказное убийство, вернее, про его попытку, вовремя пресеченную соответствующими органами. Когда сообщили, что киллер взялся исполнить заказ за миллион рублей, Геннадий Семенович не подбормо оживился. «Надо же, миллион, — зашептал он, хмыкая и сжимая кулаки. — Да я бы за полмиллиона легко согласился... Да что там — за триста тысяч... Да нет, за двести даже... Да мне и ста хватило бы!»

Антон больше не мог выносить этот бред, он как бы неожиданно спохватился: «А, собственно, что меня здесь держит?» Он начал здраво тяготиться своим непонятным положением в этом месте, но предпринять ничего не успел, — Геннадий Семенович прервался и тяжело сказал:

— Я вот что думаю: а не сходить ли нам в гости?

— Какие еще гости?

— Есть тут один человек примечательный. Тебе это интересно будет. Бывший вундеркинд, а ныне пенсионер-индиго. Он тоже марки собирает...

В глазах Геннадия Семеновича зажглась искорка воодушевления, в которой можно было угадать путь к какому-то смутному развлечению.

Антону не было никакого дела до расшифровки странного определения, данного Геннадием Семеновичем явно под вопрос, — сейчас его интересовало совершенно другое. Они шли по улице, засыпанной желтыми и красными листьями, старательно обходя лужи, и тут вдруг Антон сообразил, кто такая Лида, с которой разговаривала по телефону Вера, когда он уходил. «Лида... Да это же Лида Камнепад! Та еще бестия...» Он вспомнил, как несколько лет назад, когда они еще общались, она рассказывала про какого-то своего знакомого постарше, инженера, упертого, непроходимого технаря (да, ему крепко за сорок было), совершенно равно-

душного к гуманитарной стороне жизни, о том, что он развелся с женой — не по своей инициативе, и поначалу вроде загоревал, а потом неожиданно (ни с того, ни с сего, сообщила Лида) увлекся танцами в клубе аргентинского танго, где регулярно собирались такие же одинокие и брошенные сердца. И даже добился больших успехов в этом непростом деле, попутно очаровав какую-то экзальтированную девицу лет так двадцати двух. «Вот еще, оказывается, какие чудеса случаются», — со смехом заключила Лида.

«Погоди, — сказала Вера, — еще неизвестно, что с нами будет. Может быть, тоже затанцуем».

«На углях», — добавил тогда Антон.

Должно быть, это время теперь пришло, подумал он, время для танцев, когда Геннадий Семенович привел его к неказистому, давно некрашеному забору, за которым среди нависших ветвей яблонь и слив можно было разглядеть несколько сумрачную стену небольшого дома с острой, какой-то петушиной двускатной крышей, дома, похожего на увеличенную копию заброшенной сторожки. Геннадий Семенович уверенно снял чипок с шаткой калитки и по узкой тропке, теснимоj разросшейся вширь и ввысь травой, проторил дорожку к крыльцу, где сразу открыл дверь, подпертую кирпичом.

Первое, что увидел Антон внутри дома, через проем, в следующей комнате, так это работающий телевизор. Черно-белая картинка представляла старый фильм с глянцевым, прямо из журнальной рекламы мужского одеколona, Хамфри Богартом — деревянным голливудским героем, равнодушно произносившим свои заготовленные реплики раньше собеседника, которого он совсем не слушал, сраженный невыносимой скукой.

Сзади скрипнула дверь, и чей-то приподнятый домашний голос почти театрально произнес:

— У меня гости?

Геннадий Семенович тотчас же откликнулся в тон:

— Да вот решили провести одинокого старика... Это сосед мой по дому. — Он повел открытой ладонью в сторону замкнуто стоявшего рядом Антона. — Выбрался, наконец, из города на свежий воздух. Тоже, между прочим, марки собирает. Хороший человек. Плохого я не приведу, ты же знаешь.

— Вот как? — сказал тот, кого назвали «одиноким стариком». На Антона испытующе смотрел пожилой мужчина среднего роста в ветровке и джинсах, заправленных в сапоги, с пустым ведром в руке, поджарый, спортивного вида, с загорелым лицом и ладной головой, посеребренной редкими волосками. «Лет семьдесят, больше?» — успел подумать Антон; такому, в лучшем случае, подошло бы определение «крепкий дедок».

— И как величать «хорошего человека»? Я безо всякой иронии спрашиваю, вы не подумайте...

— Антоном его зовут, — вмешался Геннадий Семенович.

— А по батюшке как?

— Сергеевич, — миролюбиво сообщил Антон.

— Очень приятно, Антон Сергеевич. А я Владимир Петрович... Владимир Петрович Вомбатос-Вьюжин. Звучит несколько странно?

— Что? — не понял Антон.

— Моя фамилия, — пояснил Владимир Петрович, изучая его внимательным взглядом серых глаз.

— Да нет... Что-то знакомое...

— Вот так многие говорят. Нет, чтобы честно признаться: впервые слышу... Ну хорошо. Что тут стоять попусту? Давайте в комнату, — пригласил Владимир Петрович, отставив в сторону ведро и принялся стаскивать сапоги.

На первом этаже дома было всего две небольшие комнаты, обставленные в соответствии с переходным, осенне-зимним возрастом хозяина, «по-стариковски»; наверху, над неудобной, крутой лестницей, ведущей сразу от входной двери, угадывалась мансарда. На всем как бы лежала печать незавершенности, маскирующая самую настоящую захламленность. Множество всяких вещей и предметов соседствовали друг с другом в примирительном беспорядке, а взглядом случайно выхватывались старые фотографии на стенах с отошедшими обоями выцветшей акварельной советской тональности, пыльно-коричневый шкаф в створках с мебельными выкрутасами и архитектурными излишествами малой формы, круглый стол, с которого свисали брюки с ремнем, рядом отрывной календарь от вчерашнего числа, сахарница с исторически редкими по нынешним временам кусками рафинада, транзисторный приемник «Атмосфера» с заклеенным синей изолентой боком, сувенирная кружка «50 лет» чего-то, запонка, пинцет, открытка со штемпелем и стандартной советской маркой в 3 копейки, смятая рубашка в клетку на спинке стула, ободранные зеленые лыжи в углу, там же порыжевший от времени горбатый рюкзак, в другом углу масляный обогреватель с оседлавшим его утюгом, серьезные красные гантели наизготовку, семейство паутинно-депрессивных кактусов на подоконнике вместе с пачкой початого печенья, отметившего свою пищевую ценность крошками, скомканный носовой платок на диване, старый номер газеты «Молодой коммунар», какой-то ветхий иллюстрированный журнал с оторванной наискосок обложкой, отвертка, прямоугольная лупа в футляре, выехавшая из своего укрытия прямо под руку Антона, наклонившегося, чтобы взять ее в руки.

По всему было видно, что хозяин пребывает в безоглядном одиночестве, и отсутствие женщины, способной навести элементарный порядок, угрожает окончательно превратить жилое помещение либо в свалку, либо в кладовку, что, впрочем, представлялось одним и тем же.

— Вот это мое царство, — объявил появившийся Владимир Петрович. — Скромно, конечно, по сегодняшним меркам, но меня вполне устраивает. Я ведь «старый русский»... Хотя кто-то увидит здесь берлогу отшельника. Успели осмотреться?

— Да, — ответил Антон, возвращая лупу дивану.

— Я сейчас тут все уберу, чтобы вам было удобно...

— Не волнуйся, Петрович, — сказал Геннадий Семенович, выключив телевизор, — мы и на газетах посидим, если что...

— А ты, я вижу, на застолье тут считаешься? Так это совершенно напрасно.

— Понятное дело, но как бы к разговору...

— Ты же знаешь, у меня чай и прочие радости трезвой жизни. К тому же по лицу твоему заметно, что ты уже преуспел.

Геннадий Семенович вздохнул, но спорить не стал.

— Ты вообще не торопись по жизни, — продолжил Владимир Петрович, — а то привык летать. (Он так и сказал: «летать»). Будет тебе белка, будет и свисток. Вот, пожалуйста, диван в вашем распоряжении... А я что-то простыл немного, чувствую, нос закладывает. Ну ничего, сейчас... — Он достал из-под стола почерневший с годами синий чайник со свистком. — У меня мед с пасеки замечательный.

— Коньяк в этом случае хорошо, — подал голос Геннадий Семенович. — Проверенное средство.

— На ком проверял — на кроликах? — усмехнулся Владимир Петрович и вышел с чайником в руке из комнаты.

— На сухую, значит, — заключил Геннадий Семенович.

Антон ничего не сказал в ответ, он чувствовал себя несколько неловко. «Вот занесло меня, — думал он. — Зачем?» Он снова взял за лупу и раскрыл ее. Объек-

том для вынужденного исследования стала ладонь левой руки, которую ему подставил Геннадий Семенович.

Владимир Петрович вернулся, но не насовсем, а чтобы забрать из угла лыжи.

Геннадий Семенович спросил у Антона:

— А хочешь, я тебе погадаю?

И в это время хозяин дома завершил свои передвижения, усевшись на стул.

— Кажется, все... И что у вас случилось? — неожиданно спросил Владимир Петрович; спрашивая, он вначале посмотрел на Геннадия Семеновича, а закончил на Антоне.

— Он от жены ушел, — с какой-то решимостью, которой от него никто не требовал, сообщил Геннадий Семенович.

— Да хватит тебе, — ткнул его в колено Антон.

— Вот оно что, — вздохнул Владимир Петрович. — В жизни всякое бывает...

И Антону сразу стало ясно, что человек с фамилией Вомбатов-Вьюжин не будет дальше интересоваться его историей, а зацепившись за повод, станет рассказывать о себе, потому что слушать он, судя по его напряженному лбу и ушедшему в себя взгляду, ставшему моментально закрытым для постороннего воздействия, не очень-то любил, предпочитая быть натурой деятельной, ну, по крайней мере, в общении, которое, благодаря его настрою, практически оборачивалось монологом.

— Мне такое ни разу не приходило в голову — чтобы уйти. Это всегда какие-то бессмысленные потуги на поиски совершенства, да и куда от себя уйдешь... Только если забавное что-то может задеть, чтобы подчеркнуть несоответствие вкусов. Да вот последнее хотя бы, что у нас вышло: жена у нас кнута артистку одну очень любила, та по телевизору постоянно красовалась... По мне, так самый настоящий трансвестит с брутальной женственностью, которую никак не скроешь, она из него буквально выпирает, — глаза наглые, бесстыжие... А для нее красавица... Я фамилию уже не помню, это лет пять назад было... Ну как этого не видеть? Сейчас из тебя что угодно сделают по заказу, к тому же, это модно теперь. А она мне: какая молодая, красивая и талантливая! Я ей: ты приглядишься повнимательней, это же парень, мужик, продался за деньги, погнался за славой, неужели не видишь, тебя же дурачат? А она: ну что ты такое говоришь?.. Если уж вбила себе в голову, то все бесполезно. Ну, я и говорю ей: как мне жить-то с тобой после этого, если ты очевидных вещей не признаешь!.. В шутку, конечно, мне ведь этот трансвестит крашенный как шел, так и ехал, а она всерьез это восприняла. Ты, говорит, ничего не понимаешь, только насмехаешься, а раз так, то и ты мне не нужен! Подхватила тут прямо от телевизора, от любимицы своей сделанной, и на улицу — гуляшкам посыпать у подъезда, для равновесия, чтобы успокоиться... Ну, ведь это забава одна, так — взбодриться, взмутить сонный ход вещей... И это она еще при этом глазастая какая у меня — бегущую строку по телевизору читала, а тут уже вообще, бывает, не видишь, где эта строка!

За стеной засвистел чайник — как-то неуверенно, хрипло, беспокоясь через силу, — и Владимир Петрович прервался.

Когда он вышел, стало слышно, как он бормочет сам с собой, усмиряя волнение кипящей воды:

— У меня чайник с заложенным носом, вот даже и он болен, а ты чего-то хочешь...

Антон между тем поинтересовался у Геннадия Семеновича:

— А сколько же ему лет?

— Семьдесят пять.

— Я так и думал.

Продолжение разговора, а вернее, монолога Владимира Петровича, состоялось после появления чайных чашек с блюдцами, пряников и сухарей.

— Мед — по желанию, — добавив он. — Так что принимайтесь... — И еще, но уже к своим мыслям: — Вот такая фитина...

Наступило молчание, которое не решился нарушить хотя бы каким словом даже Геннадий Семенович.

Отпив из чашки, Владимир Петрович как-то вытянулся лицом и снова заговорил:

— Любовь позволяет не замечать несовершенство мира. Когда жена была рядом, было на кого обращать внимание — смотреть и не отвлекаться, а когда ее не стало, огляделся я кругом и обнаружил пустоту, которая угрожает душевному порядку... И это прямо в буквальном виде, стоило только к окну подойти. Всем знаком картина Пикассо «Девушка у окна», а тут получился «Дедушка у окна». — Он усмехнулся и отхлебнул из чашки. — Только в картине этой никакой надежды... Я всего лишь хотел, чтобы меня не доставали, а то ведь у них все вызовы и риски... Я так понимаю, что мною хотят рискнуть, а зачем мне это? Ну уж дудки... Я лучше тут посижусь, если получится, конечно. Верно я говорю? — неожиданно обратился он к Геннадию Семеновичу.

— Ага, — встрепенулся тот, а ведь было уже задремал с дымящейся чашкой чая под носом; один только Антон внимательно слушал.

— Ну вот так... Тут можно жить, попусту не раздражаясь. Надо только знать, как называются вещи вокруг. Если знаешь, то жить станет легче. В городе слишком много лишнего к коже и глазам липнет. Одна только поездка в маршрутке превращается в подлинное испытание человечности... Нам вот все раньше по телевизору втолковывали, какое беспорядочное уличное движение в Египте, Индии там или Пакистане, водители правил не придерживаются и не знают их, на дорогах сплошная неразбериха — кто во что горазд рулит, одним словом, дикари... А теперь этот Пакистан у нас, к нам пожаловал, и все водители оттуда к нам переехали. Да у нас тут те же Индия, Египет и Пакистан вместе взятые. А самые опасные на дорогах, это которые на старых «девятках» гоняют. Просто ездить они по бедности своей не могут. И чем хуже машина, тем громче в ней звучит музыка. Я, мол, хоть и на ржавом корыте езжу, а всему миру заявить о себе обязан.

Он вздохнул, помолчал немного, проводя ладонью по столу, а затем продолжил:

— Вот надо человеку порисоваться... У меня сосед был, нормальный такой пенсионер из обиженных, раньше все правды какой-то хотел добиться, даже в акциях протеста участвовал с табличкой на груди «Верни и уходи!» А потом весь перевернулся, присмирел. Надел затрапезные штаники охранника и стал вдруг называться «секьюрити». Вот как! Напутал, разумеется. На него без смеха нельзя было смотреть, хотя, конечно, грустно. Есть что-то печальное в выражении «пожилой секьюрити»... Это ничего, что я вам все это рассказываю? — спросил Владимир Петрович Антона, бросив на него беглый взгляд. — А не то подумаете, что я совсем рехнулся.

— Да нет, — смутился Антон, — почему же...

Ему неудобно было сидеть на диване и макать в чашку сухари. Геннадий Семенович откинулся на спинку и, заложив руки за голову, широко, даже привольно улыбнулся.

— У Петровича столько всяких историй припасено — не один час будешь слушать. Пока сам не рехнешься.

— Ну, это ты загнул, конечно, — не согласился хозяин дома. — Кстати, а я рассказывал, как у меня в поликлинике деньги вытащили? Случай, весьма характеризующий время... Пришел я однажды осенью в поликлинику на прием к врачу. Понятное дело, раздеваюсь в гардеробе, сдаю плащ. А потом уже, когда получаю его обратно, на выход, обнаруживаю, что в карманах пусто. Однако помню, что

денежки у меня там были, даже помню сколько — две бумажки по тысяче, на лекарство. Просто забыл их взять с собой. Как-то не подумал, спешил. И главное, там ведь у них русским языком предупреждение написано, как в театре каком-нибудь, что «администрация ответственности за вещи не несет».

— Да ты потратил их где-то раньше и забыл, — с сомнением заметил Геннадий Семенович. — Будут у тебя прямо по карманам шарить...

— Ну да, как будто я не помню, совсем из ума выжил, — возразил ему Владимир Петрович. — А теперь попробуй, докажи. Я только на лица гардеробщиц этих глянул, две их было, в двух окнах, так сразу и понял — таких ничем не проймешь, ото всего отобьются да еще и мордой тебя в объявление ткнут: «Мужчина, вы что — читать не умеете? «Администрация не несет никакой ответственности...» Ну что, скандал им устраивать? Лишь посмеются в ответ, а себя дураком на людях выставишь... Я только намекнул одной на пропажу, а она мне с невинным, рабочим лицом: «Да, бывает, жалуются тут бабульки, что у них мелочь из карманов кто-то вытащил». И так буднично мне это сообщила, очередную куртку принимая, что уже, значит, привыкли к таким подозрениям: ну что со старых людей возьмешь? Какая у них память?.. Тут мне и гадать не надо было — той ли я намекнул, или к другой надо было подойти. Я все понял...

— Ты просто понял, что у них зарплата мизерная и что не надо по сторонам рот разевать, а надо глядеть в оба, — рассмеялся Геннадий Семенович.

— Да, в оба окна, — продолжил размышлять вслух Владимир Петрович. — Я вспомнил, как эти же гардеробщицы разговаривали между собой о церковных праздниках и еще поздравляли кого-то, уже не помню, с чем — с Пасхой, кажется. Обычная бабская тяга к суевериям: что можно делать в тот или иной день и чего нельзя. Одно я узнал точно: воровать можно. Как говорится, не пойман — не вор. Это великая христианская, православная мудрость.

— А теперь ты загнул, — вмешался Геннадий Семенович.

— Возможно, что и загнул. Но не забывай: «Администрация не несет никакой ответственности». Бог помогает сильным и предприимчивым, слабые от него получают то, что заслужили. Он снимает всякую ответственность за происходящее с гардеробщиц. Они получили своего рода индульгенцию наперед, разрешение на воровство, ведь ты говоришь, у них зарплата мизерная, и никакой ответственности администрация не несет...

— Ты смотри, как рассуждает! — обратился Геннадий Семенович к Антону. — Какие выводы делает!

— Я слушаю, — пожал плечами Антон.

— Да, сейчас я к выводам подойду, — пообещал Владимир Петрович. — Они у меня, конечно же, под впечатлением случились, но тем не менее... Мне самому интересно, насколько я увлекся... Вы вообще заметили, что мы теперь живем в городе аптек, храмов и пивных магазинов?

— Наверное, — согласился Антон. — Что-то такое я замечал.

— Да это просто в глаза бросается... Выпил, помолился, подлечился, — с готовностью перечислил Геннадий Семенович.

— А потом хвост отвалился, — добавил Владимир Петрович. — Я-то, между прочим, с тех самых пор пор аптеки навсегда забыл и никаких таблеток не покупаю. Можно сказать, даже повезло — разом излечился. Только природные средства... Ну так вот, я когда из поликлиники вышел, зол был ужасно — на все вообще. Теперь мне только пенсии ожидать — и без лекарства. И как-то в голову полезло разом: греха не стало совсем, это понятие отменили. Можно все — никто не несет никакой ответственности...

— Так ты же сам их в грех ввел, если деньги в плаще оставил, — перебил его Геннадий Семенович и подмигнул Антону. — Это же какой соблазн!

— Ты не сутешься, слушаешь дальше... Я в автобус с такой головой сел, — мысль бешено развивается, ее уже не усмирить. Мимо храма проезжаем... церквей-то теперь нет, только храмы, даже остановки так называют: «Храм»... а он от поликлиники в шаговой, как нынче выражаются, доступности находится...

— И пивной бутик напротив? — не удержался Геннадий Семенович.

— Это уж непременно... И вот как только с храмом поравнялись, смотрю, один, лет за пятьдесят, справа сидит, к окну повернулся и перекрестился... тут же еще одна женщина через проход, слева, как по команде шею вывернула и осенила себя крестным знаменем. Надо же, думаю, какая вера в людях поднялась... Это чтобы два разных человека, не сговариваясь, в автобусе... Это прямо по велению сердца... Видели вы такое когда-нибудь?

— Я видел, — сказал Антон, — и не раз. С какого-то момента обратил внимание, а когда это началось...

— Да кто же знает, как начинаются эпидемии? — улыбнулся Геннадий Семенович.

— А меня не отпустило, — продолжил Владимир Петрович, — а только зажгло. Какие передо мной воцерковленные люди, какой благости преисполнены — просто спасу нет! А ну, как наворовали где-то и теперь, благодарные, молитву возносят? Вот какой ход мыслей у меня вдруг обнаружился!

— Понятное дело, — зашевелился на диване Геннадий Семенович, — расстроился... В обиде можно до чего угодно додуматься. Вот моя Ритуля ненаглядная однажды...

— Твоя Ритуля не с тобой танцует вальс прощальный свой, — поморщился Владимир Петрович. — Тут, Геныч, совсем другие сферы раскрываются... ты уж извини, не в тему сейчас заладишь, я ведь тебя знаю...

— Это теперь называется «возвращение к истокам», — пояснил Антон.

— Вот это точно, — согласился Владимир Петрович, — осталось еще барщину и оброк ввести — и тогда совсем вернемся или даже вернемся. Ни шагу вперед, только назад... По сути, ведь это все те же советские люди, только обманутые в большей степени. И мне даже ничего объяснять не надо... Мы почему-то решили, что мир соткан из добра, но сколько в нем еще зла — неосознанного зла, потому что его носители твердо убеждены в том, что они справедливы. Часто это представление основано на обмане. На самом-то деле, вокруг все устроено так, чтобы нам не быть. Но мы каким-то непонятным образом существуем. А потом ведь еще давят на тебя, попробуй устоять... — Он отодвинул от себя чашку, прикрыл сахарницу; пальцы беспокойно пробежались по столу и затихли. — А главное, непонятно, к чему это все — вот хоть для кого...

— Ты о чем это, Петрович? — спросил Геннадий Семенович.

— Да о жизни, о чем же еще... Бога не существует для того, у кого нет памяти, кто не способен думать. Вот животные о нем ничего не знают, им легче. А человеку — все испытание, даже память. И куда от нее денешься? В итоге с памятью грустно жить — ведь это уже все прошло, о чем помнишь... А каково это — жить прошлым, а не настоящим? С годами еще и печальнее — ничего этого уже нет, все превратилось в пыль, в конечное ничто.

— Но ведь есть же что-то? — усомнился Геннадий Семенович. — Какой-то высший разум?

— Вот именно «что-то»... — усмехнулся Владимир Петрович. — Что? Так и хочется пощелкать в воздухе пальцами, правда?.. Эмоциональное заблуждение. Когда у меня умерла жена и ее в гроб положили, она уже этим свою правду сказала. И я ее понял. И каждому в итоге предстоит ее сказать — придет черед. Отнесут на кладбище и закопают. И будет одна правда для всех — для правых и виноватых. Изношенная оболочка, бывшее тело обратится в кладбищенскую пыль. На

священном месте для отходив. Даже внешне все будет соответствовать свалке, помеченной уродливыми оградками, похожими на снятые с кровати грядущки... И вот лежит она там, кто знает, с кем рядом... А ведь неподалеку место захоронения братвы, отдавшей свои жизни в кровопролитных боях за новую Россию. Сколько их там, сложивших свои головы... Аллея Героев... В полный рост на памятниках, с цепочками, со своими любимыми джипами и мерседесами. Вот так... Может ли быть достоинство у мертвых? Лежать под землей среди куч мусора — сомнительное удовольствие. По мне, так лучше прах развеять... Какая страна большая, а места для людей в ней мало. Живем тесно, как японцы какие-нибудь на островах. И даже после смерти теснимся... Но мне кажется, для вас это звучит несколько цинично? — неожиданно повернулся к Антону Владимир Петрович.

— Мне сложно судить.

— С возрастом закономерно приходишь к циничному отношению к жизни.

— Наверное, если она не удалась? — решил уточнить Антон.

— Без разницы... Если она не удалась, тут цинизм осознанный, а неосознанный цинизм у тех, у кого все замечательно... Степень воздействия на человека нынче совсем другая, охват масштабнее — вот и слабеет человек. Интернет, телевидение, радио — вот откуда несет таким неприкрытым цинизмом, что поневоле вспомнишь о «старых добрых временах». Но похоже, уже все привыкли и будут привыкать дальше... Тут недавно одного парня невероятного в каком-то ток-шоу показали, уж не знаю, что за тема была... Так вот он, подумайте только, взялся бы сто человек зарубить топором за миллион то ли долларов, то ли евро, при верном условии, что ему ничего за это не будет.

— Должно быть, казнить преступников собрался? — не вполне понимая, неловко предположил Антон, а Геннадий Семенович заерзал на месте:

— Да это у них шутки такие, знаю я это телевидение! Им бы все аттракционы какие-нибудь устраивать...

— Если бы... Нет, в том-то и дело, что просто так, первых попавшихся с улицы, без разбору. Причем за день, чтобы не растягивать надолго, а то и за часы управиться... Да если бы и преступников, что бы это изменило? Это какой же расклад надо иметь? А потом еще и про известность заикнулся — что, мол, прославится этим, звездой станет, все знать его будут и это ему еще больше денег принесет, вот уже до чего доходит! Вот до каких раскладов!.. Ну, там расшумелись на него, конечно... женщины в основном, глаза с обруч, а с другой стороны, если подумать, может быть, это такое «веление времени», может быть, тут уже не надо удивляться и негодовать, а просто принимать как данность? А вдруг мы пришли к самому естественному желанию человека, которое теперь нет нужды скрывать?.. Вот вы что думаете по этому поводу, как представитель другого поколения? Я имею в виду про откровения подобного рода? — Владимир Петрович предпринял еще одну попытку вывести Антона на острый разговор.

В это время у Антона затрещал мобильник. «Извините», — сказал он, вытащил телефон из кармана куртки и увидел, что его вызывает Зулусов. Пришлось ответить.

— Да... Нормально... Я сейчас занят... Да, перезвоню... Нет, все нормально, правда...

Он нажал отбой и сунул телефон обратно.

— Извините еще раз, но мне нужно идти.

— Разумеется, — сказал Владимир Петрович и поднялся из-за стола. — Много разного я сегодня для вас наговорил... наверное, даже чрезмерно... Необходимо время, чтобы это переварить, но несомненно одно: все когда-нибудь заканчивается. Так что продолжим в другой раз...

«Вряд ли он будет, этот «другой раз», — подумал Антон.

— Кстати, — задержал свою руку, поданную Антону для прощания, Владимир Петрович, — моя фамилия вовсе не Вомбатов-Вьюжин. Это я разыграл вас.

— Понятно, — сказал Антон.

Когда возвращались к дому Геннадия Семеновича, он спросил:

— А какая же у него фамилия на самом деле?

— Не знаю, — ответил Геннадий Семенович. — Зачем мне это, да и тебе тоже?

Я привык: Петрович да Петрович... Мне этого достаточно.

— Марки свои он мне так и не показал, я только лупу увидел... Про жену он как-то... Отчего она умерла?

— Ее машина сбила. Парень какой-то на «девятке»...

Антон вспомнил: «Любовь позволяет не замечать несовершенство мира», а он теперь его видел во всем. Он вдруг почувствовал себя опустошенным.

Глава десятая

НА УГЛЯХ

С Аллой Альховской дело обстояло так: Света на ее счет несколько не ошибалась, она, конечно же, все видела, действительно, все, когда в самый неподходящий момент спускалась по лестнице в туалет, да и как ей было такое не увидеть, хоть в каком состоянии находишься? Если у тебя прямо перед глазами все происходит, а ты очнувшейся тенью вынуждена проскользнуть, чтобы не обнаружить себя? И что ей было делать дальше? Как поступить? Сохранить то, что она увидела, в себе, запрятать это внутрь, потому что это ни с какой стороны ее не касается? Тут не может быть вариантов: разумеется, нет. Почему это она должна «делать вид»?.. Вид — чего? Даже если это подруга. Ну уж нет, она стала свидетелем, и просто так держать это в себе, словно ничего не было, это же просто какая-то нелепость — тут иначе и не скажешь!

Долго крепиться, чтобы смолчать, ей не пришлось. Такими секретами обязательно хотелось поделиться. Обсудить такое вдвоем и не за минуту — это испытать своего рода упоение. Ну как же можно было от этого отказаться?!

С Игорем говорить — пройдет впустую, его этим не проймешь, от него не дождешься живой реакции, вряд ли он пересилит свое равнодушие, он другого поля ягоды, растущая особняком, да и вообще это разговор не мужской, а сугубо женский. А потому, как только представилась возможность потрепаться, Алла Альховская позвонила Оле Бесединой, справедливо полагая, что найдет в ней достойный отклик. Так и случилось: Оля сразу вписалась в предложенную тему, поддерживая свой интерес голосом, и даже в трубке было слышно, как искренне она произносит: «Да ты что!» и «Вот это да!», позволяя еще представить, как она удивленно округляет глаза и держит открытым рот, чтобы мимо ничего не проскочило. Воодушевленная успехом, Алла проговорила с Олей почти полтора часа, и ей сразу же стало легче: она освободилась от тайны, сбросила груз... да как угодно можно было это понимать. История была выпущена на волю; то, что Оле ее не удержать, было ясно.

Когда Зулусов звонил Антону, он таких подробностей не знал, он просто хотел узнать о последствиях случившейся у него на даче ссоры — как там Лепетовы, преодолели себя, поладили? Паша Приставкин ему сообщил, что благополучно доез до дома надувшуюся друг на друга пару, а дальше, что дальше? Антон, возобновляя прерванный звонок, сразу показал, что находится в явном упадке и чего-то не договаривает, — как-то невнятно тянул слова в ответ, стал вдруг вздыхать с непонятным для Зулусова сожалением и так постепенно, как бы нехотя переваливаясь с боку на бок, неожиданно раскрылся и выдал все, до самой последней

отгоревшей эмоцией. Ему-то, конечно, хотелось какой-то поддержки, чтобы он за что-то мог уцепиться и выбраться из трясины плохого настроения.

На Зулусова его случайная исповедь произвела впечатление. Он почувствовал в ней несомненный драматизм — что-то такое сродни театральной драме, которую любил ставить; словно он ждал нечто подобное и даже искал, но, с другой стороны, от какой-то придуманной истории, и вот вдруг оно появилось оттуда, откуда он и не мог предвидеть. Перед ним был живой театр, человеческая драма в естественных декорациях, и от нее он никак не мог отмахнуться: само пришло — бери и пользуйся.

Зулусов заволновался; держа телефон у правого уха, которое стало теплым и влажным (жирный отпечаток он потом стер пальцем с экрана) сразу ото всего — от усердия, ожидания, переданной ему энергии события, — он видел перед собой лицо актера-неудачника, Антона Лепетова, просто обязанного вырасти в провинциального героя с последующим выходом на широкое обобщение, поддержанное психологическими и социальными характеристиками, равное выходу в космос.

— Ты знаешь что, — сказал он Антону, не желая потерять ни минуты, — я к тебе сейчас подъеду и заберу. Точный адрес мне скажешь? Где это?

— Откуда же я знаю точный адрес, — ответил Антон, оглядываясь по сторонам и натываясь на гномов, лягушек и клетки с шепутными, никогда не отдыхающими кроликами. Ему бы мог помочь Геннадий Семенович, но тот отдыхал в доме, утомленный неоправданной пустотой дня после томительного похмелья. — Сосед мой спит беспробудно, а спросить больше не у кого, так что я лучше сам доберусь.

— На чем? Как? — не отступался Зулусов.

— Тут автобус ходит. Справляются как-то люди. Не все же на машинах...

— Даже улицы не можешь назвать?

— Не уверен, что у улиц тут есть названия.

— Да есть, конечно... Ну ладно, — сдался наконец Зулусов. — Давай знаешь, как сделаем... Тебе вообще сколько времени потребуется?

И он рассказал, что договорился сегодня встретиться с Пашей Приставкиным, дело им одно обсудить надо, мужской разговор, Кристины и Иры не будет, это в центре, есть один ресторан не затрапезный, с человеческим лицом, и кухня хорошая, пока что марку держат, так что ни о чем не беспокойся, все будет кстати, с пониманием, к тому же, насколько я понял, иди-то тебе сейчас все равно некуда?

А вот об этом Антон по-настоящему как-то не подумал. Одним чувством питался. Первый порыв все же был, если себе в этом признаться, — к матери. Но стоило ли ее беспокоить создавшейся ситуацией? Еще неизвестно, что там проснется в ней, — вдруг какая-нибудь женская солидарность? Всего он ей не расскажет, но виноват, из-за умолчания, будет точно. Нет-нет, это уже совсем крайний случай, к этому еще надо подготовиться, это потом...

В доме скрипнула дверь, раздался убойный кашель доходяги-туберкулезника, и шаркающей, вдавленной в пол походкой на веранду выбрался Геннадий Семенович. Его заспанная, смятая как черновик неудавшегося письма физиономия потеряла где-то один глаз, который никак не хотел открываться. Замученным голосом человека, у которого где-то с год уже, если не больше, болит зуб, он неожиданно спросил:

— А где собака?

— Какая собака? — удивился Антон. — Нет тут никакой собаки.

— Убежала?

— Ее и не было.

— Не было?.. Так собака лаяла, прямо надрывалась, что я проснулся. — Кри-

вой взгляд Геннадия Семеновича блуждал в поисках объяснений. Антон только пожал плечами. — Значит, приснилась мне. Я еще подумал, как там кролики мои, целы, пес-то ведь, наверное, здоровый.

Геннадий Семенович спустился в сад, взъерошил волосы на голове.

— Приснится же такая чепуха, вот как тебя видел... А ты чего тут делаешь? — К нему возвращалось нормальное зрение, с щеки сползал флюс, голос наконец все вспомнил.

— Поеду я... — вздохнул Антон.

— Куда это?

— Друг позвонил, надо с ним встретиться.

— Понятно. Старый друг лучше новых двух... Автобус, знаешь, где останавливается? Или ты полем? На такси?

— Да нет, — собрал морщины на лбу Антон, — я лучше автобусом.

Он вытащил телефон из кармана и тут же понял, что сделал это для того, чтобы проверить, не звонила ли ему Вера — пропущенный вызов, вдруг sms, — выходит, еще надеялся на что-то?

— Успеешь, — сказал Геннадий Семенович. — Сдается мне, что ты еще вернешься сюда.

— Все может быть.

— Ноутбук свой не забудь, филателист. Номер моего телефона знаешь?

Цепкий холодок осени держал воздух в заботливых тисках. Ветра не было. Все было в каком-то едва уловимом серебре, тронувшем и листья, и землю. Темные провалы луж выглядели спуском в бездонное метро. Даже Антону теперь не верилось, что впереди возможно бабье лето. Еще раньше в этом засомневались в телевизионном прогнозе погоды. Дело шло к вечеру. Принялся накрапывать мелкий дождик, шелестя в опавшей листве. Антон поднял воротник куртки и вышел к автобусной остановке.

Доехал скоро — как подсказало нетерпение. Вышел на Острогжской и сделал пересадку на Краснознаменной, в сторону центра. Пока ехал, испытывал возбуждающее чувство раздвоенности, обострявшее мысли, — он словно торопился к какому-то немедленному и, разумеется, благоприятному результату, вряд ли осознавая, что в нем просто выросло стремление к неясным переменам. Уже одно только движение (ясное дело, что вперед) в общественном транспорте при такой убежденности как бы придавало всей его фигуре обновленный смысл. И тут же прошлое — неотмененное, стойкое, как оловянный солдатик со штыком наготове — держалось тенью у него за спиной, буквально висело на нем, ухватившись за ручки, как надоедливая обезьянка, но он упрямо не хотел сейчас ни оглядываться, ни думать про это.

Небо было темно-серым, надутым облаками до сварливого недовольства, с уходом в холодную угрюмость, а ему казалось, что свет от тысячи городских фонарей и витрин укажет ему новую дорогу в жизнь без ошибок.

Ресторан был совсем рядом с проспектом, совпадая по адресу и описанию, сделанному Зулусовым. И едва только Антон потянул на себя дверь, чтобы войти внутрь, как с ним самим и столкнулся.

— Наконец-то, — сказал обрадованный Зулусов. — А то я уже выходил покурить, чтобы тебя встретить.

— Как видишь, нашел, не маленький.

— Да я не об этом... Мне тебя предупредить надо.

— О чем? — удивился Антон; ему эта задержка в дверях начинала не нравиться, — разве тут есть какой-то подвох?

— Понимаешь, — замаялся Зулусов, — там Паша уже сидит за столиком. Он ничего не знает... Вернее, до конца не знает. Ну, то, что со Светой у тебя было...

Он вытянул сигарету из пачки, задвинул обратно. — Так вот, надо, чтобы он и не знал... Хотя бы сегодня.

— А что... Зачем? — Антон ничего не понимал; он словно перешел мост, а его хотят вернуть обратно: оказалось, он обронил по пути что-то тяжелое, это что-то осталось на мосту, и надо его либо протолкнуть дальше, либо куда-то спрятать. — Тебе это зачем?

— Тут не надо быть героем. Я потом объясню. Договорились?

— Даже не знаю... Что это дает? Кого спасет? Если тебе это...

— Да, — перебил его Зулусов, — так надо. Для тебя надо.

— Ну, может быть, тогда войдем? — предложил Антон в нетерпении, оглядывая непонятно почему разгоряченное борцовское тело Зулусова, обтянутое плотной белой рубашкой. — Я замерз совсем.

Они поднялись на второй этаж, где за столом у окна, в блеклом, желто-коричневом клетчатом пиджаке, упершись локтями в клетчатую же скатерть, но другой, более яркой расцветки, под негромкую и приятную, закольцованную к настроению, в фон, музыку, сидел меланхоличный Паша Приставкин с надутыми губами и печальными глазами.

— Ну что надулся? — поприветствовал его Зулусов.

— Я думаю, что мы еще не пришли к окончательному соглашению, — ответил каким-то своим мыслям Паша и прибавил Антону: — А ты садись, актер погорелого театра.

— А почему «погорелого»? — спокойно спросил Антон. — И из актеров я уже давно вышел.

— Ну как же... — развел руками Паша. — Такая захватывающая история с продолжением приключилась. Я-то ведь тогда, когда на дороге тебя подобрал, решил, что все глупости закончились...

— Ладно, — коротко бросил Антон, отодвинул коричневый стул, ножки которого были так выгнуты, словно им недавно пришлось танцевать вприсядку, и сел за стол.

— Вот меню, — предложил Зулусов. — И прошу тебя, не стесняйся.

— Да, — подтвердил Паша, — не тот сегодня случай.

Меню в тяжелой красной папке было похоже на доклад о красивой и стильной жизни. И чтобы его изучить от корки до корки, потребовалось бы много времени. Антон решил действовать наугад, доверившись музыке названий, однако не забывая оставаться в рамках приличий. К тому же исключительная оригинальность заказа в глазах его сотрапезников и собутыльников могла бы придать его состоянию преувеличенную степень подавленности — вот, мол, как понесло парня по кочкам, как допекло.

— Уже выбрали? — спросил подошедший официант.

— Да, — твердо ответил Антон, остановившись на солянке с грибами, котлетах из щуки и судака с соусом из шпината, картофельном пюре и греческом салате. — А вы что пить будете? — решил он уточнить у Зулусова и Паши.

— Водку.

— Тогда я тоже.

Откинувшись на спинку стула, Антон неожиданно приободрился и даже до такой степени, что, отбарабанив пальцами по столу, отважился похвалить интерьер, непринужденно оглядываясь по сторонам:

— А тут довольно мило. Никогда прежде здесь не был.

Выражение «мило» прозвучало довольно фальшиво, потому что не входило в словарь Антона. Он уже предполагал, что многое в этот вечер в его поведении будет неоправданно, но не он ведь предложил эту встречу, а потому он запросто мог реагировать на что-то невпопад. Подыгрывая Зулусову и Паше у него все равно

бы не получилось, — ситуация к этому не располагала. Единственное, что он помнил для себя, что ему не следует напиваться и обнаруживать тем самым свою слабость. Он хотел не сочувствия (вот еще!), а деятельной поддержки. Оставалось только понять, в чем она должна выражаться...

— Мы тут обычно встречаемся совсем по другому поводу, — обронил Паша. — Ну что ты там устроил? Окончательно и бесповоротно, без возможности возврата?

— Подожди, — вмешался Зулусов. — Это не нашего ума дело.

— Тогда в чем вопрос?

— Даже я об этом ничего не знаю, — стараясь выглядеть беззаботным, сказал Антон.

— Вот он всегда такой, — заметил Зулусов Паше. — Хочет перед нами порисоваться. Словно с ним ничего не произошло. Но ведь произошло!

— Вы ошибаетесь, — серьезно сказал Антон и выпил водки.

— Тогда для чего мы здесь собрались? — засомневался Паша и тоже махнул стопку.

Разговор пошел совсем не так, как предполагалось. Зулусов с Пашей, конечно, поудивлялись, что у Антона с Верой до такого дошло, и совершенно естественным для Паши было подметить: «Из-за такой ерунды!» Они этого просто не понимали. Ну там в зеленом студенческом возрасте, от избытка чувств, по природной глупости и неразумению, это еще все можно было объяснить, но вот черт вас дерит, теперь-то зачем? Выходит, все эти годы впустую? Вот так легко от них отказаться из-за бараньей упертости?

— Вот что нам с тобой делать? — спросил изрядно захмелевший Паша.

— Нет, — перебил его раскрасневшийся Зулусов, — ты лучше скажи, что ты собираешься делать?

Антон вдруг сообразил, что перебрал лишнего, а ведь собирался держаться. Как это быстро случилось, удивительно... Помнил, помнил и забыл. Не вышло, увлекся. Даже что-то доказывал и не мог теперь вспомнить что. Вообще, все в жизни такая ерунда... какая разница, если в итоге для всех без разбора она закончится свалкой. Хоть делай что, хоть ничего совсем не делай — уйдешь в никуда, станешь ничем, останками, ничтожество сравняется с величием... Ему стало душно и нехорошо. Зажгли красный ночник на столе для придания атмосферы домашнего уюта и отражения размытой картины ночного города, которую запечатлела в окне чья-то скользкая на выдержку фотокамера.

— Вы сейчас, наверное, очень довольны собой? — спросил Антон, поморщившись. — Такие рассудительные, уверенные в себе. Да что вы обо мне знаете? Вы о себе-то ничего не знаете и знать не хотите. Вам так удобно. У вас все шито-крыто, запрятано так, что не отыскать. Вам не в чем признаться, вы от этого свободны...

— А пока что ты признаешься, — сказал Паша, — да так нелепо это делаешь. Может, хватит?

— Нет-нет, — вмешался Зулусов, — пусть выговорится. Ему легче станет.

— То есть ты мне разрешаешь? — развязно произнес Антон. — Так, доктор? Ты ведь еще у нас и доктор, а? Давайте выпьем за умного доктора, он вам выпишет рецепты ото всех болезней и недугов!

— Это уже просто какая-то дурь, — вздохнул Паша. — Такое не лечится.

— А ты что так загрустил, кот? — обратился к нему Антон. — Ты на кота похож. Тебе об этом никто не говорил?.. Доктор, посмотри, мы за одним столом с котом сидим! Ни-че-го себе!

— Все нормально, еще немного побесится и устанет, — ответил на нетерпеливый взгляд Паши Зулусов.

— В общем, все у тебя под контролем, — не унимался Антон; раздвоенность вдруг открылась в нем спортивным азартом: увертываясь от рассудка, он захотел

покуражиться до самой последней точки; тут уж если так вступило, то надо дуть до конца. — Ты просто само спокойствие. От тебя все отскакивает, как от стены. Только почему у тебя лицо такое жирное — блестит, как таз. — Он приподнялся с места, захватив салфетку, и потянулся к Зулусову. — Дай-ка я тебе фары протру.

— Сядь ты! — рявкнул на него Зулусов. Пара от дальнего столика в углу оглянулась. Замерла оживленная беседа двух друзей, сидевших наискосок через проход. Подошел официант:

— У вас все в порядке?

— Да, — сказал Зулусов, глядя в глаза Антону. — Мы просто товарища приводим в чувство после ДТП.

Все вернулись к исходным позициям. Успокоенный официант удалился.

— Плохо играешь, — прокомментировал стычку Зулусов.

— По морде бы ему съездить, — с досадой заметил Паша.

— А может, лучше мне водкой в лицо плеснуть? — покривился Антон.

Пауза.

— Я же вам говорил, — я не актер!

Оставаться дальше не было смысла. Расплатившись по счету, они выбрались на улицу. Антона пришлось поддерживать, чтобы он не упал. Он и так был недоволен собой, а теперь еще постоянно спотыкался, задевая нетвердыми ногами случайные и несуществующие препятствия. В какой-то момент его не удержали и едва подхватили у самого асфальта — он просто соскользнул при транспортировке, как крупногабаритный предмет, у которого разъехались крепежные ножки, на шершавую и влажную горизонтальную поверхность.

— Какое неудачное продолжение, — высказался Зулусов.

— Так ведь в голове неурожай, — отозвался Паша.

— Да-да, сейчас искать ничего не нужно, — сказал Зулусов, подмигнув Паше.

— Конечно, — обрадовался Паша. — Все уже найдено и открыто.

— Надо только уметь пользоваться.

— Причем правильно пользоваться!

— Вот-вот...

— Философия потребления.

— А как же без нее? — заключил Зулусов.

— Эй! — подал голос снизу Антон. — Вы о чем это? Пьесу надо мной, что ли, репетируете?

— Как догадался? — спросил Паша.

— Значит, не так плох, воображает... — Зулусов подхватил Антона под мышки и вытянул на человеческий уровень. — На, забирай его себе. — И передав беспокойное тело Паше, добавил, отряхивая ладони и одергивая куртку: — С ним невозможно разговаривать.

— Я в ваших грязных делишках участвовать не намерен! — запротестовал Антон.

— О боже, — закатывая глаза, произнес Паша, — ну что он несет?

— С усердием. Чрезмерность. — Зулусов сунул руки в карманы; он был спокоен и размерен. — Кругами будущего ада вырастает злость.

— Он должен жизнь свою убийством оправдать? — воскликнул Паша, придерживая Антона, как свернутый ковер у распахнутого плаща.

— Поступок это будет, — нахмурившись, заявил Зулусов. — Будут уважать.

— Да пошли вы к черту! — выругался Антон.

Паша и Зулусов рассмеялись.

— А вообще, куда мы идем? — вдруг очнулся Паша.

— Куда вы, я не знаю, — пожал плечами Зулусов. — Я-то домой, мне тут рядом.

— А мне куда с ним деваться?

— Ему же все равно больше некуда идти, так что...

— Вот еще приключение!

— Как это — некуда? — заупрямился Антон. — Мне есть куда пойти. — Он весь

задрожал, словно в лихорадке. — Ведь это невозможно так, чтобы совсем некуда было пойти человеку. Непременно надо, чтобы было куда пойти!

— Вот видишь, — сказал Зулусов Паше. — К тому же, я знаю, Ира у тебя сегодня уехала к брату, ты все равно остаешься один.

— Да он мне спать не даст! — не согласился Паша. — Замучает!

— Всех сновидений нам никак не угадать, — рассудительно произнес Зулусов.

— Не разгадать, — поправил его Антон и опустил голову.

Паша горестно вздохнул:

— Но в нем молчанья нам не отыскать.

— Сейчас такси вам вызову, и всего-то делов, — приободрил его Зулусов.

Машина доехала быстро. Антону никогда прежде не доводилось бывать в гостях у Приставкиных. Раньше, если и встречались, то все время где-то на стороне, в связи с профессиональной деятельностью — на каких-то мероприятиях по случаю театральной премьеры, в кулуарах, в буфете, в гардеробе и на чествованиях. И всегда Паша был оживлен особой, деловитой веселостью, не попусту, и жена Ира его поддерживала на более умиротворенном уровне, а Антон как бы жался и был беспокоен по непонятной причине — что-то, возможно, его тяготило, не позволяя обрести и выказать широкую душу. Как бы там ни было, а общение у них, в житейском смысле, выходило необременительное, большей частью внешнее, без особых дружеских обязанностей и попыток притянуться друг к другу поближе; это вполне устраивало и Веру, которая иной раз, по настроению, к ним присоединялась, что только добавляло Антону веса.

Жили Приставкины на втором этаже. Каким-то образом Паша добился для себя редкой привилегии — до его квартиры можно было подняться на лифте.

Паша включил свет в коридоре, снял обувь. Антон теперь следовал за ним, как за лощманом в незнакомом фарватере. Выход в комнату, толстый, раздувшийся от спеси диван перед телевизором, выползшее из шкафа одеяло, спрыгнувшая оттуда же подушка. Лысая голова, живые глаза быстро соображающего человека — несмотря на нагрузку, принятую организмом. Это Паша.

— Ну все, приплыли, — вздохнул он и указал на приготовленное лежбище.

— И что мне делать? — заторможенно спросил Антон; в его голове больше было не хмеля, а дурости, он даже куртку еще не снял.

— Раздеваться и ложиться спать. Мне не нужны тут задушевные разговоры до утра, я устал.

— А когда же нам еще поговорить?

— Дурак ты, — с неожиданной ясностью сказал Паша.

— А ты нет? — парировал Антон.

— Я не дурак. — Паша снял с него куртку. — Хватит из себя разыгрывать проигравшего жизнь... Ты не гениальный аутист, не гей, у тебя не диагностировали болезнь Альцгеймера — и кому ты нужен, чтобы с тобой возиться?

— Погоди, — ответил Антон, опустившись на диван, — я, может, еще запишусь в гейское ополчение.

— Если раньше не записался, то чего уж теперь...

— Так вот и повод как раз появился, неужели не понимаешь?

— Дурак, — зевая, выдал из себя Паша и выключил большой свет, оставив включенным торшер. — Спокойной ночи, ополченец!

Оставшись один, Антон недолго пребывал в промежуточном состоянии. Едва его голова коснулась подушки, как у него перед закрытыми глазами беспокойно

закружились радужные круги, в которых он узнавал асфальт, небо, стол, покрытый клеенкой, лужу, красный ночник и свой телефон, упавший в лужу. Он потянулся к нему, чтобы вызволить его из беды, но напряжение было настолько велико, что он тут же, обессилив, заснул. Именно в эту минуту, всего в нескольких километрах правее его сна, Вера у себя дома, уже лежа в постели, прежде чем погасить свет, коснулась мобильного, лежащего на тумбочке, и вдруг поняла, что сделала это неслучайно, — просто она хотела проверить, нет ли у нее пропущенного вызова от Антона.

Глава одиннадцатая

РЕПЕТИЦИИ

Где-то через неделю на смену холоду и ночным дождям пришло долгожданное «бабье лето» — кратковременная вспышка тепла в заданном и неуклонном осеннем расписании, прощальная и беспутная пора неоправданных надежд, блеска в глазах и последней дарованной попытки успеть что-то сделать, возможно, для ровного отношения к переменам в жизни.

Антон, по шутливому выражению Паши, у него «зажился». Нет, он его не гнал и ни на что не намекал; просто Ирина еще не вернулась, задержавшись у своего брата, вот Антон и «зажился». Он не был Приставкину в тягость, Антон его не донимал. Сходил как-то в гости к матери, ни словом не обмолвившись о том, что у него приключилось. На все ее обычные расспросы «как там и что», Антон отделивался общими фразами и, конечно же, пообещал передать Вере привет. Не мог он так вот сразу ее разочаровать. А скажи хоть одно только слово, и поневоле вытянутся все остальные, и тогда уже придется открыть всю правду. Нет-нет, не в этот раз, как-нибудь в другой. И потом, кто знает, что еще может случиться?

Сидя за тарелкой борща на кухне и глядя на то, как его мать, стоя у окна, смотрит на улицу и рассказывает ему о дворовых кошках, которых подкармливает из душевного участия, Антон вдруг сообразил, что она ведь запросто за эти дни могла позвонить ему по домашнему телефону, а не по мобильному — ну мало ли по какой причине? — и трубку взяла бы, конечно, Вера, больше некому, и тогда бы она не оставалась такой благой, как сейчас (она ведь была уверена, что у Антона дома все хорошо), женщиной из телевизионной рекламы про действенное, проверенное средство от всех невзгод и болячек (имеются противопоказания, необходима консультация специалиста), женщиной с приятной улыбкой, аккуратной прической, с активной жизненной позицией и тонусом, в общем, находящейся на счастливой пенсии, а возраст так даже еще и позволяет ей раскатывать на роликовых коньках между зачетными отметками 60 и 70. Конечно, ее надо подготовить, в противном случае, если она вдруг воспримет все слишком близко к сердцу, ей придется пить совсем другое лекарство. «Что-то я нервничаю, — подумал Антон. — Какие глупости».

Она повернулась к нему и спросила:

— Ну а что вы с деньгами от квартиры решили?

— Да что... — Надо же, он совсем забыл об этом, а ведь это важно, даже не то слово, как важно, особенно при нынешних обстоятельствах. — Пока что ничего.

— По-моему, вы затанули. Смотрите, а то ведь всякое может быть. Вон какая инфляция...

Ему не понравилось, что она говорит «вы», это объединение теперь не имело никакого смысла. Есть только он, и деньги эти принадлежат ему. Но попробуй ей сейчас об этом заявить. Ее внимательные светлые глаза и мягкий подбородок выражали умиление. Ну как такую картину можно разрушить? Нет, он подлец.

— Как там Вадим, звонит?

Идиллия продолжалась. Внука она очень любила, у нее на него были определенные надежды... Да, вот еще что оказалось отложенным не только на завтра, а даже на послезавтра. Деньги от квартиры, сын... Как он мог забыть о сыне? Почему он выпал из его расчетов? Да просто не было еще никаких расчетов, все держалось на одних только эмоциях. Они заслонили ему реальность; он противостоял Вере, спорил с ней и отрицал ее. А как же Вадим? Вот он узнает, и к чему это приведет?

— Нормально, — однозначно ответил он.

— Ты сегодня какой-то немногословный, — заметила мать и, как женщина, в большей степени увлеченная своим мнением, чем ответной реакцией собеседника, продолжила с внезапным оживлением, не дав возможности Антону как-то оправдаться: — Да, знаешь, а я Юлю Полеву случайно встретила. Тут у нас, в магазине, когда за молоком ходила. Ты же помнишь ее? Представь себе, она меня узнала, сама подошла. Про тебя спросила — как ты и где... Знаешь, она мне нравилась, и когда вы в школе дружили, я, признаться, думала, что...

Антон уже не слушал мать — ее речь оборвалась в его голове, как магнитофонная пленка со старой записью. Юля Полева — его школьная любовь. Десятый класс — все впереди, новые, свежие чувства. Больше неясных надежд, чем четких планов. Интуитивное постижение жизни с распирающим в груди от избытка сил. Но что-то не сложилось — как раз вместе с окончанием школы. И теперь в нем пробудилось не чувство узнавания, связанное с признанием могущества времени, а странное и неудобное чувство возврата к забытым страницам какого-то наивного подросткового дневника. Его никак нельзя было сравнить с тем, как он потом стоял у окна в мастерской художника на последнем этаже, обозревая ставшие вдруг значительными для его будущего окрестности, помеченные верхушками тополей, попавшими в прицел закатного солнца, — тогда ему принадлежал весь мир. Он словно разом перешел в иное качество, расставшись с детским увлечением, альбомом с марками. Юля осталась где-то на его листах, хотя были танцы, были объятия и поцелуи.

— И вот она мне говорит, — не сбавляя взятого темпа, повествовала мать, — Екатерина Дмитриевна, вы не передадите Антону, что у нас намечается встреча одноклассников, всем очень хотелось бы его увидеть, и даже телефон свой мне задолжала, чтобы ты смог ей позвонить и обо всем договориться. Я тебе его сейчас представлю...

Она потянулась к навесному шкафчику, достала с полки контейнер с надписью «рис» и вытянула из него записку.

— Да, вот смотри... — Антон не заметил, как у нее на переносице оказались очки. — Так у меня записано: Юля Полева и номер... Мобильный телефон...

Излишняя обстоятельность и неспешность, которые она распространяла на любой пустяк, указывали на годы матери и раздражали Антона. Нет, чтобы просто отдать бумажку, так ей еще обязательно надо зачитать какое-то важное сообщение.

— Хорошо, спасибо, — не выдержал он и поднял руку.

— Да, тот самый номер... — Зоркий взгляд, пушенный сквозь стекла очков, продолжил поиски еще какого-то соответствия в неведомых Антону данных. — Подожди, я тут рецепт один интересный записала. Пирог, по радио передавали. Мне надо его переписать.

Она еще продолжала слушать городское радио, аудитория которого неуклонно сокращалась, а там выдавали рецепты на всякие мудреные препараты по акции, со скидкой, чудо-лекарства с названиями «выздоровин», «неболин», «исцелин», и, кроме того, оказывается, еще пекли пироги.

— Это гораздо проще делается: давай, я этот номер занесу себе в телефон... — Пальцы Антона уже ухватились за важное сообщение, как за самую рядовую, не стоящую такого скрупулезного внимания бумажку. — И все дела.

— Да погоди ты! — отстранила его руку мать. — Дай разобраться-то... Ты погляди, какой нетерпеливый! — Она посмотрела на него поверх очков с совершенным удивлением по поводу его подростковой несдержанности; а у него следом промелькнула быстро погасшая мысль: неужели и я буду такой занудой?

Антон осознал свою оплошность: вышло все так, словно он выказал неожиданное рвение, обозначил для себя необходимость Юли Полевой, казалось бы, навсегда позабытой, растворившейся в невинных школьных годах. Но вот еще какая странность: ему вдруг показалось, что мать ее ему словно навязывает, но с какой целью? Она что-то почуствовала, или это опять же «школьные годы чудесные» вызвали у нее прилив благодушного умиления?

«Какой же я стал подозрительный, — подумал Антон, — везде мне мерещатся знаки». И мать сказала ему: «Вам надо обязательно встретиться, ведь это так интересно — посмотреть, какими вы стали...» Она имела в виду одно, говорила про весь класс, а он слышал совершенно другое...

Он шел по улице и, как всякий человек, склонный в любых происходящих с ним событиях находить неслучайный смысл, неожиданно для себя вдруг ухватился за номер телефона Юли Полевой, как следующий ход в жизни, подсказанный судьбой, предопределенный ею. Почему бы нет? Вдруг это то, к чему он шел? И возможно вернуть прошлое, переиграть все заново?

Он перешел на другую сторону улицы. Навстречу ему молодая мать везла коляску с ребенком. Ребенок в коляске неожиданно улыбнулся Антону — его улыбка была бесхитростной и ободряющей. Из парикмахерской вышла привлекательная блондинка в красном плаще и скользнула по нему заинтересованным и оценивающим взглядом. Из остановившейся у тротуара машины вылезла девушка с приложенным к уху мобильником; она опознала что-то в Антоне и, продолжая разговор, улыбнулась ему. Все сходилось и подтверждалось.

А между тем, покуда Антон пытался разобраться в себе, с ним уверенно разбирался Аркадий Зулусов. В его квартире, на диване перед телевизором сидели Галка Обойдина, диджей Егор Коновалов и Оля Беседина. Зулусов тыкал пультом в экран и переключал каналы. По первой программе показывали, как два известных актера готовят в кухонной студии плов. По второй программе другой актер рассказывал о прожитой жизни и пройденном творческом пути. Третья программа предлагала посмотреть, как еще один актер, под гитару, пародирует одного из тех, кто готовил плов. Четвертый канал демонстрировал награждение пародиста орденом из рук президента страны. На пятом канале производили ремонт в доме одной заслуженной актрисы. На шестом шла прямая трансляция похорон того самого актера, который рассказывал о прожитой жизни и пройденном творческом пути. В ней принимали участие все вышеупомянутые актеры.

— Прямо какая-то страна актеров, — сказал Зулусов и выключил телевизор. — У нас теперь свои герои есть.

— Ну подожди, — попыталась прояснить ситуацию Галка Обойдина. — Неужели так все и было? Мне кажется, ты тут что-то сочиняешь...

— Зачем мне сочинять? — возразил Зулусов. — Ты просто тогда не все видела, а ведь это настоящие чувства, это любовь...

— Вот еще! — прыснула со смеху Оля Беседина.

— И это же хорошо, — не замечая ее, добавил Зулусов, — это просто замечательно! Как я им завидую...

— А тебе-то что завидовать? — хмыкнул Егор Коновалов, повернув голову в сторону вошедшей в комнату Кристины.

— Вот и свежеевбрый кофе пожаловал, — пошутил Зулусов, принимая из ее рук поднос; Аркадий был оживлен, ему хотелось обсудить историю с Антоном, случившуюся у него на даче. — Я ведь по-хорошему завидую — обновлению чувств, страстям... Нет, вы, я вижу, ничего не понимаете...

— Я пока что одно поняла, — вступила в разговор Кристина, усаживаясь в свободное кресло рядом с мужем, — что он ушел из дома.

— К возлюбленной? — съехидничала Оля Беседина.

— Антона захватила внезапная и сильная страсть, — вздохнул Зулусов.

— Ой ли, — засомневалась Галка.

— Интересно полюбопытствовать: а Максим об этом знает? — спросил Коновалов.

— Да что тут Максим? — поморщился Зулусов. — Максим сюда никак не вписывается.

— Вот как, — усмехнулась Оля Беседина.

— Я в каком смысле... — вынужден был поправиться Зулусов. — Он же на следующий день уехал по делам, не зная всех подробностей этой истории. Это только теперь нам все открылось... Да хоть бы и узнал он, это ничего бы не изменило.

— Так уж и ничего? — спросила Кристина.

— Ровным счетом ничего, — уверенно заявил он. — Максим ведь придуманная и идеализированная фигура для Светы, проекция ее мечты на конкретный объект. А объект не только символ для почитания, он живет своей жизнью, он тоже в сторону смотрит...

— Как — в сторону? — не поняла Галка.

— Да что уж тут непонятного, — покачала головой Оля Беседина.

— Я так думаю, что надоела она Максиму, — раскрылся Зулусов. — Надоела ее восторженность, ее почитание... Она ведь другого в нем видит, не его. Да от ее восторженности кто угодно устанет.

— Пока что ее восторженность привела к кризису, — заметила Кристина.

— Это не кризис, — не согласился диджей, — всего-то лишняя рюмка...

— Ну хватит, — одернула его Оля. — Мы ведь про обновление чувств.

— Вашему поколению только бы ерничать, — веско произнес Зулусов, так что даже непонятно было, откуда вдруг в нем объявился такой пафос, если только не предположить в его словах непонятную иронию. — Вам бы все скользить по поверхности, не прикладывая никаких усилий, ничему не идти наперекор. Подлинная глубина и сила чувств вам непонятны, как папуасу непонятно устройство компаса.

Наступило молчание, в котором каждому необходимо было как-то переварить услышанное. Оля закашлялась и поднесла руку к горлу. Первым отреагировал диджей.

— Я всего-то хотел сказать, что каждый кузнец своего несчастья.

— Ты это про какое несчастье говоришь? — не понял Зулусов; он отпил кофе из чашки и смачно повел губами.

— Подождите, про Веру-то мы забыли? — сообразила вдруг Галка. — А она теперь как? С ней что будет?..

С Верой творилось что-то странное. Ее слова «я же все видела», сказанные Антону с драматическим напряжением и даже отчаянием, обозначили лишь известный ей предел, принятый, в конце концов, в силу стечения обстоятельств за катастрофу, а скажем, тем же Пашей Приставкиным, также знакомым с видимой стороной конфликта, за нелепость, дурь и просто ерунду. Для Антона же вот это вот «я все видела», с горечью брошенное ему в лицо, по сути означало только одно — его безоговорочную капитуляцию, после которой уже невозможны никакие оправдания. Он тогда не знал, что ошибался. Не знала этого и Вера, потому что, как оказалось, знала не все и уж тем более не все видела.

Но тайное становится явным еще и потому, что люди поспудно жаждут горячих новостей, ну, примерно, как десерта к столу, — возможно, что и не воспользуются им, а все же какое-никакое разнообразие, дополнение или даже украшение. На бытовом уровне оповещение происходит так: Алла звонит Оле, Оля делится с Егором, Егору звонит Галка Обойдина, чтобы порасспросить его о модной музыке, потому что ее попросила соседка для своего сына-оболтуса (а Галка ведь всегда полна участия), но тут вон какая неожиданная «композиция» вырисовывается, и дальше Галка уже передает услышанное Кристине (а Кристина ведь все видела, однако промолчала по каким-то своим соображениям), и кажется, что дальше этой новости ходу нет, круг замыкается Зулусовым, непонятно почему повторяющим «там сильные чувства, страсти, там роман», однако редкое простодушие Галки творит чудеса: она случайно встречается на улице Веру и, конечно же, не может пройти мимо, всего-то одного вечера в гостях у Зулусова хватает им для того, чтобы стать подругами (обычное, впрочем, дело), как если бы они были знакомы уже много лет; и тут Галка выкладывает ей все, что слышала, — неумышленно, что самое интересное, безо всякой задней мысли — и как бы с некоторым возмущением: ну ты посмотри, что понапелели-насочиняли! А может быть, все было совершенно иначе, и Галка тут оказалась случайной фигурой, а главным проводником идей и новостей выступил сам Аркадий Зулусов. Как бы там ни было на самом деле, а у Веры наконец-то открылись глаза. И все вдруг стало непросто; если и оставались какие-то глубоко запрятанные сомнения и даже надежды на иной исход, то теперь они растворились — ерунда с пустяками окончательно исчезла и возникла проблема.

Ей в голову неожиданно полезло что-то — словно отовсюду, каким-то подстроенным беспорядком, обрывками воспоминаний, дождавшихся своего часа. Вот она вдруг вспомнила, как однажды Антон рассказывал ей про каких-то своих старых знакомых, мужа и жену, которых уже лет пять, наверное, не видел, а ему про них поведали, что они стали свингерами, обретая таким образом новых семейных друзей и соратников в разных городах, и он тогда как-то пытался развить эту тему, демонстрируя ироническое отношение, целую захватывающую историю ей развернул, строя догадки и предположения, — как они к этому пришли, что послужило толчком и какие расходы они, должно быть, в связи с этим несут, постоянно выезжая в гости и принимая гостей. «А что тут непонятного? — сказала Вера. — Если у тебя есть деньги, то ты свингер. А когда их нет, то свинья». Еще предстал перед Верой некий безымянный персонаж пенсионного возраста, который, по словам ее коллеги по работе, занимался «окончательным решением женского вопроса» и в итоге дозанимался до того, что в состоянии аффекта подписал свою трехкомнатную квартиру в центре какой-то молоденькой и совершенно безголовой (а может, наоборот, как раз с головой, подумала тогда Вера) «писечке» с Машмета. Следом некстати всплыла девочка из ее класса, Наденька, которую, спустя годы, она еле узнала в крупной тете-продавщице с фирменной пилоткой на голове и с плохими зубами во рту, оказавшейся стюардессой вино-водочного отдела гастронома. (Еще одна стюардесса — вот странность!) А закончилась вся эта мешанина дочерью ее учительницы по музыке (Вера раньше играла на пианино), носившей колоритное имя Анжелика. С 14 лет она настолько оказалась погружена в любовные приключения, что к 35 годам от нее почти ничего не осталось.

Вся прежняя жизнь вдруг представилась Vere сплошным уродством, пропущенным прежде для трезвого взгляда из-за опасной снисходительности. Да, у нее имелся сын, но он находился далеко, и это был мужчина, который всегда больше тяготел к отцу.

Вера почувствовала себя незащитной и уязвимой для окружающей ее жизни, и надо было как-то выдержать этот удар. Она поймала себя на том, что уже и разгова-

ривает с собой. Так и обращается к себе, сожалея и блуждая в поисках совета: «А чего ты хотела, подруга» или «Вот и получила за все хорошее, что делала для него».

Для него, от него, с ним — эти слова хотелось отодрать от себя, как присохшую старую кожу, чужеродный нарост. Да, все казалось ерундой и пустяком до того момента, как она узнала про Свету. И внутри у нее вдруг все замерло, словно она открыла еще что-то большее, чем обида или презрение. Как если бы она одна в целом свете узрела невидимые нити, связывающие людей, и признала в себе обязанности, о которых раньше и не подозревала.

Вера утвердилась в стремлении увидеть ее. Это решение давало ей возможность каким-то неясным образом забыть себя прежнюю, ту, от которой поскорее хотелось отказаться, чтобы стать другой, — только так, идя навстречу вчерашним неприятностям и переживаниям, преодолевая внутреннее сопротивление, забывая о нем, можно продолжить жить и даже начать с чистого листа. Она вовсе не собиралась заниматься расспросами, втягиваться в выяснение отношений, — ей нужен был прямой и свежий взгляд, чистота и ясность.

Эта сбивчивая и спасительная мысль пришла ей в голову в самый неподходящий момент — в магазине, в очереди в кассу. Только что были куплены гель для душа, средство для мытья посуды, туалетная бумага, городская булка, мягкий сыр в упаковке, кефир, четыре яблока и шоколадное масло. Зеленая корзина в руке, торговая сеть «Пятью пять», день переходит в вечер, час пик. Рассеянность прячется в глазах; внешне это пристрелки-перебежки от одной стойки к другой. Жевательная резинка, презервативы, сигареты... Она ничего не забыла? Батарейки. Ей нужна одна для настенных часов, они как раз отсоединились. Как раз? Какой символ... Что еще? Леденцы, спички, зажигалки, — пустое. Она должна ходить с ровной спиной и высоко поднятой головой. Не забыть пакет... Они напомнят. Она знает, кого ей забыть, кого простить. Она не должна горевать у разбитого корыта, а уж тем более смаковать подробности падения. Это все ларс-фон-триеровская манерная пошлость — определение ее мужа-киномана. А теперь — бывшего мужа? Нет, шоколадные батончики ей не нужны, ей хватит масла... И вдруг вспомнила, и все, что ее тяготило, осталось разом в прошлом; она выпрямилась и застыла. «Ну что заснула, красавица? — весело подковырнул ее подвыпивший мужичок позади с поллитровкой в руках. — Твоя же очередь! Давай не задерживай!» И кто-то хохотнул еще дальше. Вера очулась и попала под нетерпеливый и в то же время сочувствующий взгляд касирши; та только что вздохнула; заминка, очевидно, длилась уже какое-то время. Ее ждали! «Извините», — смиренно произнесла Вера и принялась вытаскивать товар из корзины.

День для звонка Юле Полевой был выбран Антоном случайно. Накануне он выпивал безо всякого повода вместе с терпеливым и приспособленным к изменчивой человеческой природе Пашей Приставкиным; его Ирина, по всей видимости, серьезно завязла в истории со своим старшим братом, любителем женщин, пережившим очередной, третий или четвертый по счету, развод с последующим разделом совместно нажитого имущества, продажей дома и прочих сопутствующих процессу неприятных вещей. Она звонила и сетовала на его выдающуюся безмозглость. «Он как ребенок», — вздыхал Паша, но больше в болезненную тему тактично не углублялся, меньше всего желая вызвать ненужные и неловкие сопоставления с положением Антона. И это оказалось верным решением для обоих.

С похмелья Антон был настроен решительно. В этом он как бы уподобился Геннадию Семеновичу, некстати вспомнив о нем. Антон поморщился и принялся набирать номер, сохраненный для него доброжелательной матерью. Надо было наконец разрешить все сомнения и установить истину, какой бы она ни оказалась, если это вообще было возможно. И у него забило сердце — один гудок, второй, третий... Значит, действительно ждал чего-то.

— Алло! — задыхал ему в ухо знакомый голос — совсем прежний, на удивление школьный, как будто и не было прожитых лет; она словно торопилась, чтобы успеть ответить, потому и запыхалась, а он неожиданно застыл, словно безнадежный идиот, погруженный в вечность.

— Алло!

Голос был теплый, обогретый воспоминаниями. От такого голоса в пору было растерять все заготовленные слова. Наивность, чистота, воодушевление... что там еще... все, что он расслышал, встало перед ним непреодолимой преградой. Он было захрипел, упав голосом на самое дно замешательства, но все же сумел выправиться, сдержанно кашлянув, как на разминке перед ответственным выступлением.

— Юля, привет! Это Антон.

— Антон? Рада тебя слышать. Как здорово, что ты позвонил!

Да, воодушевления в этом голосе оказалось больше всего. Оно было таким воздушным. Двух-трех минут Антону хватило для того, чтобы понять: Юля представляет собой восторженное эфирное создание. Как она так сумела сохраниться? Что с ней произошло или, скорее всего, не произошло?

— Нет, ну правда, так замечательно, что ты позвонил! И главное, все ведь случайно произошло... А если бы я не встретила в магазине Екатерину Дмитриевну, представляешь?

Да, он уже представил, как они встретятся, а в том, что это произойдет, он нисколько не сомневался. Он слышал ее смеющийся голос и видел ее. Она стояла прямо перед ним и продолжала отчаянно ворошить прошлое, связывая его с настоящим, перекивая во все памятные и выпавшие из памяти уголки. У нее получалось все — все вдруг выстраивалось неожиданным порядком и обретало сокровенный смысл.

Антон, несомненно, увяз в этой счастливой заполошенности и суете и как-то оторопело и скудно отвечал Юле, со всем соглашался, почти мямлил, а потом, когда наконец договорились встретиться, дав словоизвержению на время отбой, он подхватил эстафету ее воспоминаний, но в одиночку справиться с ними не смог. Довольно скоро он растерял внушенный ему запал, споткнувшись на вспыхнувшей в уме фразе: «Петушка хвалит кукуха за то, что хвалит он петушку». Он уже ехал в маршрутке, и тут вдруг его словно заклинило. По какому поводу они тогда, в школе, так дурачились? И даже подсказки какие-то в голове мелькали... «А кто «кукух»?» — спрашивала Юля, и он, должно быть, что-то отвечал ей. «А кто «петушка»?» — продолжала она смеяться. И к чему все это было? Чем вызвано? Про кого?

Он так уперся в этот неожиданный шлагбаум, что проехал свою остановку. Очнулся от тщетных попыток вспомнить в «газели», в которой кроме него находились еще четыре человека. У водителя было включено радио, и Антон только сейчас услышал эту назойливую околomuзыкальную белиберду. «Все будет хорошо!» — прозвучало в конце, и он сразу подумал: уже не одно десятилетие на «Русском радио» обещают, что «все будет хорошо», но так когда же наконец?

Впереди образовалась пробка, «газель» остановилась. «Петушка хвалит кукуха» — вот же прицепилось к нему; это «петушка» его подвела... Водитель, чтобы не томить ожиданием пассажиров, открыл дверь, — Антон уже и поднялся готовым на выход следом за парнем с большими наушниками на бритой голове, — и как раз напротив печально известного П Токуо. Отсюда он смог перейти на другую сторону улицы, чтобы пешком вернуться назад.

Воздух был наполнен ускользнувшим от опеки осени теплом, в котором еще угадывалась некая утверждавшаяся сладость — как ожидание, как надежда на то, что природа уже не сможет отменить свое временное отступление и поблajкка окажется нормой. В общем, можно было расслабиться, и у некоторых это получалось как нельзя лучше — с перевыполнением и предвосхищением. Дело близи-

лось к вечеру, однако склонившееся солнце по-прежнему оставалось веселым; на встречу Антону попался здоровый, загорелый дядя средних лет в тесной летней футболке, едва ли не готовый лопнуть от его физического совершенства, а еще буквально через несколько шагов его обогнала угловатая, коротко стриженная девчушка в короткой майке и в шортах, да к тому же еще и в пляжных шлепках на худых ногах. Антон в своем джемпере поневоле поежился от такой открытости и доверчивости; наверное, в прогноз погоды закралась какая-то ошибка, и он просто не слышал об изменениях.

У памятника Белому Биму, блестящему бронзовым ухом, Антон повернул к Кукольному театру и, пройдя между домами, миновал шоколадно-бабаевского Маршака в зимнем пальто, с прицепившейся к нему девочкой с крылышками. Дальше был тяжелый Высоцкий с обнаженным торсом и застывшей улыбкой гоблина. Широко расставив ноги, он восседал на стуле, поставленном задом наперед, и держал в руке большую гитару вместо меча. На бульваре было малоллюдно; Антон обернулся, чтобы взглянуть на широкую спину барда, и понял, что его отвлечения на этом закончились. Сейчас он увидит Юлю и... и тут он вдруг засомневался: а что, если не узнает ее? Да, голос остался прежним, но... но развить банальную идею всеильного и безжалостного времени, способного запросто стереть милые черты, ему не удалось. К нему подошла женщина сдобных, хозяйственно-домашних размеров, в короткой сиреновой куртке и длинной серой юбке. Но еще прежде, чем она подошла к нему (а ведь он не знал, что она направляется именно к нему), Антон боковым зрением успел отметить ее дальнюю, заранее приготовленную улыбку, и каково же было его удивление, когда оказалось, что эта улыбка предназначена ему. Замешательство, однако, продлилось недолго. Ее выдали и тут же оправдали глаза. Это была Юля.

— Думал, опоздаю?

— Нет.

Он вообще ни о чем не успел подумать. Вот только если сейчас — чтобы поразиться. Сколько в ней живости сразу, и еще это прерывистое дыхание — ведь бежала, наверняка... Какая непринужденность — словно они и не расставались со школы. А у него настороженность; представилось вдруг, что она, Юля, попросила кого-то вместо себя прийти на эту встречу. На замену была выбрана самая подходящая кандидатура — с тем, чтобы хоть как-то напомнить утраченный оригинал. Теперь он уже видел несколько кукольное, вывернутое к неоправданному упоению лицо; милые черты расширились, левая бровь была как бы приподнята в удивлении; копия была заряжена на улыбку, и могло показаться, что если она перестанет улыбаться, то сразу же высветится в ней непроходящая грусть. Антону только и оставалось, что спросить непонятно у кого (все же у времени, наверное), когда это она успела пройти путь от длинноволосой девушки-непоседы до запыхавшейся (и кажется, ростом поменьше), вполне габаритной тети со стрижкой каре?

— Нет, это просто невероятно, что мы с тобой вот так встретились, — продолжала больше убеждать себя, чем Антона, Юля (а все же это была она; ее глаза улыбались ему и открывались из минувшей поры). — Надо же, время как одним днем прошло, я даже не заметила. Вот как будто вчера — все помню...

— Двадцать лет спустя, — решился прийти ей на помощь Антон.

Они как бы топтались на маленьком пятачке действительности, цепляясь для уверенности за тени и эхо общей школьной памяти. Однако надо было как-то выбираться к свету.

— День сегодня выдался какой замечательный — как специально, — сказала Юля.

— Да, — согласился Антон, — подгадала природа.

— Ну что, пойдём? — предложила она.

Он кивнул, не спрашивая куда. Понятно было, что инициатива принадлежит ей.

— А ты совсем не изменился... Такой же осторожный.

— Разве?

Он тоже улыбнулся, потому что больше ничего не смог придумать. Но она, кажется, не увидела его улыбки, и тогда он глупо спросил:

— А в чем это выражается?

— Как будто ты урок не выучил и боишься отвечать... Да ладно, шучу я. — Теперь она и засмеялась. — Экзамены давно сданы, аттестат об образовании получен, можно расслабиться. Вот для этого мы и соберемся прежним составом, чтобы посмотреть друг на друга и предаться воспоминаниям. Нам ведь есть что вспомнить!

— А что, много народу ожидается?

— Ты не поверишь — почти все, даже из других городов приедут!

— Надо же... — протянул Антон; он почему-то несколько терялся из-за бойкой манеры Юли (или все же странной какой-то ее копии?) вести разговор; теперь ему вдруг представилось, что раньше она все же была другой, более спокойной, что ли (он даже подумал, опережая события, — более уравновешенной), хотя, конечно же, ошибался, связывая и путая ее солнечную беспечность со своим, как-никак, подавленным настроением. Должно быть, он готов был увидеть в ней некоторую сдержанность, даже степенность и немногословие, близкое к молчанию (это бы сейчас больше всего подошло), а тут прямо «незамутненное дыхание жизни» его безоглядно тормозит.

Так они, обратным путем, вышли на широкий и особенно многолюдный по случаю хорошей погоды проспект, и Антон, наконец, поинтересовался:

— И куда мы теперь?

— Как куда? — удивилась Юля. — В кафе, конечно. Или нам не о чем с тобой поговорить?

Подходящее заведение с арочными окнами, украшенными цветами, было рядом. Она решительно потянула звякнувшую колокольчиком дверь на себя, и они вошли внутрь.

В небольшом помещении, вытянутом от входа, мест хватало от силы на десять-пятнадцать человек. Пространство было узким, занятым еще и стойкой, где привычно, с отстраненными лицами орудовали парень с девушкой, шипела кофемашина, гудел еще какой-то прибор и на безудержном круглосуточном позитиве болтало музыкальное FM-радио. Антон успел услышать, как хрипловатый женский голос произнес: «И снова у нас в студии наш любимый и неподражаемый диджей Егор Коновалов». Следом вступил сам Егор и знакомым, но еще и каким-то приподнятым, деланным голосом с ходу выдал: «А теперь мы послушаем замечательную композицию группы «Нирвана», которую я очень люблю, и надеюсь, что вы тоже разделите мои чувства. Итак, «The Man Who Sold the World». Он как-то скоро и ловко провернул все эти звуки языком во рту, так что вышло весьма правдоподобно и похоже на матерого зарубежного меломана. Девушка за стойкой оторвалась от приготовления кофе и, растягивая губы в приветливой улыбке, подошла к Юле и Антону.

— Здравствуйте! — сказала она и стандартным жестом гостеприимства отвела руку в сторону свободных столиков (а занятым был всего один). — Проходите, пожалуйста!

— Мы наверх, — сообщила ей Юля, быстро оценив обстановку, и стала подниматься по крутой металлической лестнице.

Пространство второго этажа было вытянуто вдоль фасада здания. В дальнем углу сидела молодая пара, еще две девушки о чем-то весело, приглушенно щебе-

тали — и все. Возбуждающе пахло ванилью и корицей, радио здесь снигло до невнятного дежурного фона. Напротив светлых окон жирно горели заходящим солнцем декоративные витражи, рядом со столиком, за которым, наконец, уселись Юля и Антон, высилась стеклянная пирамида с пирожными.

— Это просто чудо какое-то! — воскликнула Юля. — Ну нет, так просто я сегодня отсюда не уйду, от такой-то красоты... несмотря ни на что... Если бы ты знал, как я люблю всякие пирожные и тортики, ну так, что просто не могу себе отказать, и тут уж ничего со мной не поделаешь...

— А что-нибудь посущественнее тут есть? — любопытствовал Антон.

— Еще бы! Пицца здесь очень хорошая, не сомневайся.

— Ну, если рекомендуешь, возьму.

— Только одно, — с жаром выдохнула Юля, не отводя глаз от пирамиды, — для утешения. Ты будешь?

— Тоже одно — для воодушевления, — согласился Антон.

— И по чашечке кофе.

— Обязательно. Для гармонии.

Пицца, действительно, оказалась на высоте. Антону оставалось выяснить еще кое-что. Глядя на то, как Юля бережно обращается с коричневым пирожным, увенчанным вишенкой, он спросил:

— Ты не помнишь, мы с тобой в школе над чем-то смеялись... вот всплыло в голове: «Петушка хвалит кукуха за то, что хвалит он петушку»... Дурацкое что-то... К чему это было, не знаешь?

— Петушка? — удивилась Юля. — Понятия не имею.

— Странно. А у меня, представляешь, именно ты перед глазами... Как производишь эти слова, и мы с тобой смеемся...

— Ну не знаю. — Она пожала плечами. — Я помню, как тебе Игорь Леонидович сказал на уроке, что ты будешь «кум королю, сват министру», если ответишь на его вопрос.

— Какой Игорь Леонидович?

— Как — какой? Наш учитель истории!

— Правда? А я и забыл, как его зовут, не говоря уже о том, чтобы мне помнить про кума с королем.

— Да ты что? Весь класс тогда так смеялся!..

Оказывается, у них были разные воспоминания. Они не совпадали в прошлом. Кум с королем никак не соприкасались с какой-то непонятной петушкой.

— Ну ладно. Что это мы все о прошедшем? — встрепенулся Антон. — Ты лучше о себе расскажи — как ты, где...

— Да что я? — вздохнула Юля. — Сейчас же знаешь, какая жизнь... Как почти у всех: лучше полсинички в руках, чем журавль в небе. Или даже лапка от синички. Нам не до журавлей... А так у меня двое детей, муж, работа самая обыкновенная, о которой даже не стоит говорить... Ну, а у тебя что получилось в жизни?

— У меня? — Он запнулся, задержавшись с ответом, подыскивая оправдание. Что он может сказать именно сейчас? — У меня тоже ничего особенного... Сын, жена...

— Ты, я слышала, актером вроде бы в театре... Просто меня здесь не было, я десять лет в Питере жила, — пояснила она. — Я бы, конечно, ходила, чтобы увидеть тебя на сцене.

— Было дело, но это уже пройденный этап. Теперь что-то вроде «свободного художника» — пишу о кино.

— Надо же, — с уважением сказала Юля. — Мне кажется, ты всегда тяготел к сочинительству.

— Да просто стечение обстоятельств. Жизнь так складывается.

— А вот у кого-то не сложилась... Ты знаешь, что Вадика уже нет?

— Вадика? Как — нет?

— Уже лет пять как умер.

— А что с ним случилось? — Антон помнил Вадика — его круглое насмешливое лицо, коренастую фигуру; в классе он сидел в первом ряду, прямо перед доской, рубаха-парень — это как раз про него; и тут же Антон вдруг снова вспомнил про Сашку Горелова. — Он покончил с собой?

— Зачем? — поджала губы Юля. — Чтобы Вадик руки на себя наложил? Вот еще... Просто по дурости своей природной — он же всегда был с вывертом. А тут вот какая глупость случилась: зимой, в гараже, с какой-то девкой уединился в машине... сомлели оба и задохнулись от выхлопных газов.

— Да, дурацкая смерть.

— Это не то слово. Жена осталась с двумя детьми. И о чем он только думал в этом своем гараже?

У Антона перед глазами замаячило добродушное лицо Вадика: голова немного склонена набок, готова вот-вот прорезаться ухмылка. Он подмигнул Антону, сказал свое привычное «не бойсь» и растаял в вечности.

— Вот так и задумаешься, — продолжила Юля, — что такое жизнь и из чего она состоит.

— Я не знаю, из чего состоит жизнь, — отозвался Антон.

— А кто знает? Я тоже не знаю, — сказала Юля. — Люди просто живут и все. Так уж повелось, и ничего нового тут не придумаешь...

— Я тоже могу иронизировать, — неожиданно сказал Антон, — это несложно. — Его теперь занимало другое, и ему просто надо было этим поделиться. Толчок был сильным, его не останавливало то, что он может выглядеть глупо и непонятно. — У меня давний знакомый был, ты его не знаешь, дело не в этом... Звали его Сашка Горелов. Общались когда-то по случаю. Последний раз его видел лет пять, наверное, тому назад. А недавно узнал, что он повесился... Долги какие-то вроде бы накопились, из-за них... Так вот... — Антон сделал паузу. — Я его лица теперь вспомнить не могу, смазалось совершенно... словно его и не было никогда. А ведь он был — я же помню, как его зовут, какие-то случаи с ним связанные... Вот Вадика, хотя это давно по времени было, помню отлично, а Сашку... Пусть и не были мы близкими друзьями, но все же... Я с ним разговаривал... Но как же так произошло, что ничего, кроме имени, у меня от него не осталось?

— Это для тебя не осталось, — заметила Юля. — Возможно, он не был для тебя так важен тогда, как стал сейчас. Ты смотрел на него вскользь и потому не запомнил.

Антон сбился. Вскользь? Простота объяснения Юли обезоружила его и остановила для дальнейших рассуждений. Что он вообще хотел этим сказать? Для чего это затеял? Она же перешла к другим темам, занимавшим ее в разной степени как приятия, так и беспокойства, — двигала по столу пустую чашку, продолжая вспоминать учителей, какой-то небывалый ливень перед выпускными экзаменами, который он тоже должен был запомнить (ну и как можно забыть ее подхваченные бешеным потоком босоножки, канувшие в водовороте?), снова вернулась к детям, к тому, что они сейчас намного свободнее, чем были тогда мы, но что теперь зато надо думать, кем они станут в этой жизни, которую им всем предложили... А он досадовал на себя за то, что так неудачно отвлекся, ведь надо было говорить совсем о другом. Момент был упущен безвозвратно.

Кажется, она заметила перемену в его настроении и общую рассеянность, которую можно было понять как усталость или внезапный уход в недоступную ей озабоченность из-за какого-то нектасти всплывшего вопроса. Она тоже замолчала, поймав на паузе отскок заходящего солнца от насыщенной цветом проекции

витражей, возврат к началу и концу одновременно, к тому, что осталось далеко позади, как совершенство юности, к возбуждающей невесомости материального мира, к свежести восприятия и душевной чистоте, выхватив на секунду себя прежнюю, девчонку из 10А с наивными мечтами и неясными желаниями; ее лицо порозовело, глаза проявили бездонность, она оставила, наконец, чашку в покое и тихо произнесла:

— Жаль, что у нас тогда ничего не получилось.

— Наверное, — с сочувствием сказал он, поднимаясь из-за стола.

Договорились созвониться, когда время подойдет ближе к намеченной дате знаменательного сборища, и расстались с какой-то ощутимой недосказанностью, которую все же предполагалось, очевидно, с обеих сторон, устранить в результате этой встречи.

Возвращаясь домой, к своему временному пристанищу, Антон сидел в маршрутном «пазике» и смотрел по закрепленному наверху монитору мультфильмы. Показывали «Тома и Джерри». Наблюдая за тем, как ловкий мышонок немилосердно дубасит ошалевшего кота, он вдруг подумал об «ударах судьбы». Да, именно такое выражение пришло ему в голову. А больше ни о чем не хотелось думать и ни во что не вникать, — он просто устал, ощутив бесполезность происходящего.

Из чего состоит жизнь...

Глава двенадцатая

КАК ИЗБАЛОВАННЫЕ ДЕТИ

Все когда-нибудь заканчивается, переменам надлежит торить дорогу. Паша Приставкин, верный в несчастье друг, объявил Антону, что жена Ирина наконец-то возвращается домой. Она спасала своего непутевого старшего брата, попавшего то ли по собственной глупости, то ли по злему умыслу в безвыходную ситуацию. Он любил целых десять лет, а в доказательство своей большой любви подписал любимой женщине дом. Теперь вот развелся, в третий, кажется, раз, заметил Паша, и лишился всего, чтобы в очередной раз начать жизнь сначала.

Брат Ирины оказался обобраным балзаковским персонажем, чем-то средним между кузеном Понсом и полковником Шабером, особенно, если принять во внимание, что был отставником-майором, — в общем, униженным и оскорбленным. Ему оставалось только дожидаться колена под зад. «Вот будет глупость, если Ирина вдруг надумает его сюда притащить, чтобы он тут свои раны зализывал, — рассуждал Паша. — Мне просто страшно подумать об этом». Его, однако, на улицу пока что не выгоняли.

Несмотря на предпринятые усилия, спасти такую тусклую фигуру Ирине не удалось. Нанятый адвокат из местных прохиндеев сработал вхолостую; словно отбывая номер (за гонорар, между прочим), покорно повторял судье одно и то же: «ваша честь» да «ваша честь», не вступая в дебаты; так, на молчании, покорности и соответствии закону, благополучно сплавил своего безнадежного клиента. Ирина и сообразить ничего толком не успела, как все уже кончилось. Так что пора было Антону съезжать с квартиры.

— Тебе есть куда податься? — вздыхая, неловко спросил Паша. — Или может быть...

— Да все нормально, — прервал Антон его возможные поползновения на возврат к невозвратному. — Я на дачу поеду.

— У тебя есть дача? Не знал...

— У знакомого. Он там один быкует.

— Это кто такой?

— Соседом по подъезду оказался...

Антон ничем лишним обременен не был. У него не имелось ни узелка, ни котомки. Ему подпоясаться совсем легко — взял ноутбук и в путь. Он стал жить, как и живут у нас многие люди, даже когда им кажется, что они живут иначе, — в полном неведении относительно завтрашнего дня и собственной судьбы. Расчет был по-детски наивный, самый примитивный, такой, какой сухо отщелкивался костяшками на старых, вышедших из употребления, почти сказочных счетах. А ну вдруг какое чудо случится? Падет неожиданно крупный выигрыш в лотерею, при том что лотерейный билет куплен не будет. Или все уладится само собой, осядет, как взметнувшаяся пыль. Или так еще может быть: вдруг получит какую-то не подспешную ко времени награду — пусть с опозданием, но определенно заслуженную. Вариантов было много — один другого лучше!

В то время как Антон Сергеевич Лепетов преисполнялся каких-то радужных надежд и болезненно воодушевлялся от самого себя, стоящего как бы на краю, в том мире, общения с которым он был временно лишен, происходили совершенно невероятные события, и если бы он узнал о них, то тотчас же, словно оглушенный ударом, непременно сошел бы с автобуса, взявшего направление на сады, чтобы почувствовать под ногами неподвижную поверхность.

Эту новость в круг, твердо очерченный Зулусовым еще у себя на даче, принесла Галка Обойдина. С Галкой дело обстояло так: она была весьма общительной, даже бойкой в какие-то моменты, когда ей надо было проявить свою отзывчивость. В прежние времена она бы именовалась «общественницей», теперь же, чтобы как-то уяснить это ее простодушие и добросердечность, мог возникнуть закономерный вопрос: а может, ей просто больше нечем заняться, как только быть в курсе событий из жизни всех ее знакомых и, кроме того, за отсутствием собственной личной жизни принимать в них участие, быть чем-то вроде «друга семьи» или «своего парня»? У нее самой парня вроде бы не было. Во всяком случае, никто ее с ним не видел. Для всех она была удобной фигурой, в том смысле, что она доставляла новости, — так уж повелось ей быть вестницей.

В последнюю субботу сентября она возвращалась из гостей от очередной подружки, где ей надо было понянчиться с детьми, в бывшем школьном немецком автобусе, замаскированном под обновление городского маршрута. Проезжая мимо парка Танаис, она обратила внимание на две фигуры, выбежавшие из сосен на центральную аллею. Эти две женщины в спортивных костюмах и кроссовках, бежавшие легкой трусцой по хвое и опавшим листьям и сменившие бег на скорый шаг с оживленным разговором между собой, были ей, несомненно, знакомы. Она с удивлением узнала в них Веру Лепетову и Свету Друганову. Но как это было возможно — увидеть их вместе? Галка тут ничего не могла сообразить или придумать, у нее это просто в голове не укладывалось, и потому она сразу отправилась к Кристине, чтобы поделиться с ней своей растерянностью.

— Ты только подумай, — начала она с порога в каком-то чрезмерном возбуждении; было слишком заметно, что она завелась на большой разговор. — Какую историю, какую сцену я сейчас наблюдаю, что творится, что делается, такое себе представить невозможно, а оно вот что выходит!

Казалось, что она так и будет дальше беспорядочно восклицать. Вот такая она была, Галка Обойдина, все принимала на себя, все ее касалось.

Кристина была одна дома. Она привыкла к Галкиному сумбуру, но все же надо было ее как-то остановить.

— Да что выходит-то? — не выдержала она. — И у кого?

— Как — у кого? — непонимающе спросила Галка, словно Кристина пропустила ее объяснение по собственной рассеянности. — У красавиц наших — у Светы и Веры...

Каким образом они вдруг стали «красавицами», что было подчеркнуто Галкой как бы даже и с некоторым негодованием, кроме несомненной иронии, Кристине было непонятно. Причем негодование в ее голосе преобладало.

— Они теперь прямо лучшие подруги у нас — только что в парке их случайно увидела!

Пришлось объясняться — чтобы не впопыхах, за чашечкой кофе, сидя на диване и приходя в равновесие.

— И это после всего того, что у них произошло! — продолжала удивляться Галка. — Понимаешь, словно ничего не было. Они улыбались... Так все непринужденно, буднично... Они там, в этом парке, получается, спортом занимаются. Они вдвоем совершенствуются!

— Ну и что? — искренне не понимая Галкиного возмущения, спросила Кристина.

— Как это — ну и что? — не сдавалась Галка. — Значит, Антон со Светой, а Вере его все равно? И они еще потом вдруг задружили?

— Ну, положим, не все равно, если взять Антона...

— Так вот и я об этом! Он-то где в этой истории оказался?

— Ты меня об этом спрашиваешь? — неожиданно понизила свой и без того негромкий голос Кристина. Галка не обратила на это внимания — уж слишком была занята не поддающимися здравому смыслу и объяснению фактами; ей словно кто-то поручил расследовать это темное и загадочное дело.

— Тут вообще какая-то ерунда выходит... Получается, им на него наплевать? — сделала она неожиданный вывод. — Это прямо комедия: жена становится лучшей подругой любовницы своего мужа! Все, занавес... Так, что ли?

— А как это тебя касается? Чем тебя все это задело? — спросила Кристина, заглядывая Галке в лицо, — так ей не понравилось то, что та сказала.

Галка замерла на мгновение, держа чашечку кофе прямо перед собой, как бы даже ничего не видя вокруг, потом отпрянула, словно какая-то прежде скрытая мысль вдруг перевернула ей весь ход рассуждений.

— Ты, правда, не понимаешь?

Она произнесла эти слова с расстановкой, сразу сбавив взятый ею темп, сбросив весь напор, отказавшись от ажиотажа в пользу спокойной и неспешной беседы, так что Кристина вдруг поверила в то, что Галка сумеет донести до нее свою озабоченность по поводу...

Ничего этого Антон не знал, он держал у себя в голове следующую картинку: какое-то белое от снега поле с непроглядной далью и больше ничего, — непонятно, финал ли это, к которому он подошел, или новый старт по свежей пороше; в общем, девственная белизна, нетронутая ногой человека, иллюстрация к выражению «начать с чистого листа». Тут автобус дернулся, Антон очнулся и открыл глаза. Остановка уже на выезде из города, кто-то вошел; Антон посмотрел в окно и за несколько секунд рассмотрел и узнал то, на что прежде, в другом состоянии, он бы либо не обратил никакого внимания, либо ему надо было потратить годы жизни, прожитой на ощупь.

Парень с девушкой стояли как раз напротив. Похожи на школьников-выпускников или студентов первого курса. Наверное, они никого и ничего не ждали. Просто им было хорошо вместе. Она была немного выше его; у нее черные, завитками, волосы, он почти белобрысый, у него светлый ежик на голове. Она держалась вполборота к нему и, кажется, была готова уткнуться носом ему в щеку или ухо. Он что-то говорил, глядя прямо перед собой, не на нее, скупко отвешивая слова, а она буквально пожирала его глазами. Бралась то за одну пуговицу на его распахнутой легкой куртке, то за другую. Тянула вниз, отпускала. Улыбалась ему влажным, обведенным ярко-красной помадой ртом, и зубы ее, показавшиеся между губами, тоже улыбались и тянулись к нему.

Для Антона эта сцена в своей естественной открытости была невыносима. Он был беззащитен перед ней, ему совершенно нечего было ей противопоставить. Он даже поежился от неожиданной неловкости, словно его раздели догола и выставили на всеобщее обозрение. Это была какая-то безысходность, возникшая на сравнении, и теперь только один вопрос буравил его мозг: как он будет жить дальше?

Автобус уже поехал, а он все пытался справиться с чувством потери, засевшим в нем глухой пустотой. Вот так вдруг внезапно понимаешь, чего лишился и чего в твоей жизни больше никогда не будет. Неужели на этом все, и дальше его ничего не ждет?

Если внутри Антона в этот момент воцарилась пустота, то снаружи его подстерегала жизнь, заполненная до краев. Собственно, жизнь уже довольно продолжительное время, и только сейчас это стало ясно, представляла одна женщина, сидевшая через проход у окна, на ряд впереди. Она разговаривала по телефону, отправляя в прижатую к левому уху трубку неразборчивые тирады, безостановочно жестикулируя правой рукой. Ее рука совершала виртуозные движения и словно жила своей жизнью: выбрасывала вперед пальцы, сжимала их, растопыривала, указывала на что-то, вращала ладонь вокруг невидимой оси, колдовала, распускала водоросли, выпускала побеги, раскрывала лепестки цветка, расчесывала воздушные нити, предостерегала, приглашала, отказывала, уточняла, подтверждала, уничтожала, негодовала... Уже и не до краев, а через край.

Антон испытал к ней раздражение — не к женщине больше, а к ее беспокойной руке. Она была неуловима и неостановима. Она маячила у него перед глазами признанием его несостоятельности. Он отводил взгляд в сторону, закрывал глаза, открывал — и снова попадал на перпетуум мобиле чужой жизни. В этом неожиданном пропеллере было больше жизни, чем в нем, в Антоне Лепетове, целиком, с его руками, ногами, глазами и всем остальным. Ему вдруг показалось, что по сравнению с ней, этой рукой, он не живет. Почему — показалось? Конечно, уже не живет.

Продолжение безысходности. Наваждение. Его буквально все цепляет, как будто у него отсутствует кожа.

На конечной остановке его мучения закончились. Уже на подходе к даче Геннадия Семеновича, он озаботился совсем другим: а что это он так запросто к нему идет — вдруг его дома нет? Однако отступить было поздно, к тому же через несколько шагов Антон заметил Геннадия Семеновича, выглядывавшего наружу поверх знакомых ворот. Тот тоже увидел Антона.

— Какими судьбами? Ты что, не помирился?

— А должен был? — почти огрызнулся Антон; он не хотел поддерживать разговор на эту тему.

— Я-то думал, что у тебя все наладилось, — простодушно выдал Геннадий Семенович и спрыгнул вниз; мгновение спустя он открыл скрипнувшую калитку и вышел Антону навстречу.

— А ты чего тут висишь? — спросил Антон.

— Ритулю свою высматриваю, — подъехать должна... Ты бы позвонил, чтобы предупредить, а то мало ли... Меня же дома могло не быть, чудак-человек!

— Так я же телефона твоего не знаю, наудачу ехал — сразу и не сообразил...

— Ты же вроде его записывал?

— Да вроде бы и записывал, не знаю... Не нашел...

— Ну тогда снова запишешь, раз такие дела пошли, пригодится...

За воротами по-прежнему возились кролики, а в доме Антона ждал сюрприз. Геннадий Семенович был не один. За столом на веранде сидел Владимир Петрович, пенсионер-индиго, недолго побывавший Вомбатовым-Вьюжиным. У него был сосредоточенный вид; вытянутая рука находилась в подчинении прибору, изме-

ряющему давлению. Нарастающий звук прибора соответствовал важности момента, и выходило так, словно пассажирский авиалайнер натужно набирает высоту.

— Ну как, полет нормальный? — шутейно осклабился Геннадий Семенович.

Владимир Петрович отщипнул от руки манжету и сдержанно сообщил:

— Сегодня что-то не... — но не договорил. — Я вижу, у тебя гость знакомый.

— Здравствуйте! — откликнулся Антон.

— А я по-соседски тут зашел... Утром еще зарядку делал, все было нормально, а сейчас, чувствую, голова гудеть начинает, сигналы мне посылает, надо проверить. Погода, наверное, поменяется. Ну, не беда...

Владимир Петрович поднялся из-за стола и перебрался в кресло-качалку.

— Да и вообще, надо было приятеля вашего навестить, — продолжил он рассказывать Антону, — а не то он, не ровен час, сопьется без меня.

— Я разве пью? — Геннадий Семенович недовольно развел руками и даже для одному ему понятной убедительности потряхнул рубахой, как если бы у него там, на груди, прежде мог быть припрятан мерзавчик или чекушка. — Где? Поищи! Ничего в доме нет!

— Ну, конечно... Рита вот-вот с инспекцией нагрянет.

— Какая инспекция? При чем тут это?

— Тебе легко говорить, — не отступался от своего Владимир Петрович, — ты у нас человек пьющий, энтузиаст своего дела, можно сказать, на допинге сидишь. Эта привычка тебя в тонусе держит.

— Ну, если когда-то по случаю выпить, чтобы повод был, не просто, — что же, совсем нельзя?

— Да почему же нельзя, можно, конечно... — вздохнул Владимир Петрович. — Наш друг тут на днях отличился, просто рухнул в непотребном виде, вот тут, прямо с крыльца, а потом радовал унитаза, можно сказать, братался с ним, никак не хотел выпускать из своих объятий...

— А это ты к чему? Это же по другой причине совсем, — запротестовал Геннадий Семенович, — там ступенька... Я просто ступеньку не заметил, стемнело уже, нога и подвернулась!

— Понятно, — заключил Владимир Петрович, — главное, Геннадий, чтобы душа у тебя не подвернулась, целой осталась, а то ведь, знаешь, сколько в жизни всяких коварных ступенек?.. Однако так мы Антону... простите, отчество подзабыл...

— Сергеевич, — подсказал Антон.

— ...Антону Сергеевичу совсем мозги забьем, и у него тоже голова разболится. Давайте чай пить, тем более человек с дороги, в ногах правды нет, а мы ему тут пустые байки травим...

После разговора с Галкой Обойдиной у Кристины испортилось настроение. То, что она говорила, вызвало у нее чувство досады. Галка представилась ей закоренело одинокой женщиной с устаревшими и к тому же неверными понятиями, сующей свой нос куда не следует. А, собственно, почему — представилось? Так и есть, одинокая, растрачивающая всю свою энергию на других людей, не живущая своей жизнью. Больше ведь некуда ей эту энергию приложить, вернее, не с кем ей поделиться, отвечая физическим и химическим законам.

Впервые за все время их отношений Кристина оказалась недовольна своей подругой. «Вот ведь какая», — уже и негодовала она. Она вдруг увидела ее со стороны; раньше у нее такой возможности просто не было, она всегда находилась внутри приятно обволакивающего их кокона, слишком близко к расслабленному и нерассуждающему согласию и очень далеко от трезвой оценки. И почему бы это должно быть иначе? Галка ее устраивала, у них не было поводов для столкнове-

ний. Она была рядом в нужные минуты, ее всегда можно было легко вызвать. Действительно, очень удобно. Еще и расскажет что-нибудь новенькое об общих знакомых, а это так занимательно потом обсудить в уютной домашней обстановке. Но не в этот раз.

Теперь все было по-другому. Станным образом эта история стала касаться ее, Кристины. Она не могла оставаться равнодушной слушательницей. Антон и Света, Вера и Антон, Света и Вера — почему это продолжало развиваться и разрастаться? Кристина вдруг поняла, что больше не может слышать об этом, тем более от Галки. Она смутно почувствовала в своей подруге еще какой-то интерес, кроме того, что имеет отношение к заурядным сплетням. Или ей показалось? Как она высказывалась об Антоне... Кристина слышала, как Галка только о нем и говорит. Нет, это какая-то ерунда, в самом деле. Она просто придумала себе это подобие страсти и очарованности в ней. Кристина решила, что она не выдала себя своей реакцией, потому что никакой реакции, собственно, не было, хотя в какие-то моменты ей трудно было сдержаться, — она по большей части молчала, пряча свое раздражение... А может быть, Галка просто оказалась глупа? Нет-нет, это слишком просто.

Она говорила с жаром, чуть ли не с выпученными глазами, с раскрасневшимися щеками, с наивной открытостью и детской непосредственностью, с почти ушедшим комсомольским задором и того же рода непримиримостью. Она словно обглаживала косточки и горстями кидала их в расписное декоративное блюдо. Это было неприятно и вызвало у Кристины ревность. Да, теперь она это поняла. Только одна она могла говорить об этом про себя и для себя, никого другого еще здесь быть не могло. Она обладала исключительными правами на Антона, и ей никому не надо было объяснять почему. Это осталось в ней памятью детства, это была ее страна, населенная неизвестными остальным героями, войти в которую не суждено больше никому.

Кристина шла по улице. Ей надо было забрать сына из детского сада. Лето он проводил у бабушки, матери Аркадия, в Чертовичком, а осенью его отводили в детский сад. Это было что-то вроде возможности для Кристины разнообразить ее вялотекущую жизнь домохозяйки; к тому же ребенку, чтобы потом не быть ему «белой вороной» или «маменькиным сынком», нужна была социализация. Так решил Аркадий.

Бабушка, находящаяся в постоянном возрастном умилении, звала внука Андрейкой. У Кристины имелся только один известный ей вариант имени для сына: Андрей. Ей не хотелось попусту сюсюкать, выказывая избыток чувств, и превращать его в некую игрушку для взрослых. У него самого игрушек предостаточно, а для Кристины он сын, будущий мужчина и уже человек. Внешне ее любовь к нему не отличалась от обычных материнских проявлений, и только имя выглядело твердым следованием принципу.

— Андрей!

Она увидела его за оградой, у входа в корпус. Его держала за руку воспитательница, разговаривавшая с одной из мам, а он топтался в ворохе желтых листьев — дутая куртка серебристого цвета, красные кроссовки с огоньками, синяя с белым вязаная шапочка, видный и самостоятельный карапуз, мужичок. Они помахали друг другу рукой.

Кристина подошла, поздоровалась с воспитательницей и уже хотела забрать сына, но только теперь она обратила внимание на мужчину в мохнатом сером свитере, присевшем на корточках перед детским велосипедом, прислоненным к стене.

— У Стасика шина проколосась, — рассказал Андрей. — Ему папа чинит.

Спина у папы Стасика зашевелилась, отодвинулся назад локоть, с усилием вер-

нулся обратно, и Кристина увидела велосипедный насос. Еще мгновение и пошла работа: пых-пых-пых — плотным, частым звуком, зашивающим пространство.

— Мам, а знаешь, кем я хочу быть?

— Кем? — Она не могла отвести взгляда от широкой спины папы Стасика и насоса в его руках.

— Я хочу быть Человеком-пауком. А знаешь, почему?

— Почему?

— Я хочу людям помогать.

— Да... это хорошо, — рассеянно проговорила Кристина; папа Стасика поднялся, справившись с проблемой, и она наконец повернулась к сыну. — Ну что, пойдешь?

— Мам, а ты купишь мне Человека-паука? Помнишь, ты говорила?..

— Я говорила? — Осень, Алексей Иванович, рука Антона, задержавшаяся в ее руке... — Конечно, куплю.

— Он такой, как трансформер, только лучше. — Андрей попытался пальцами что-то изобразить. — А папа где?

— Папа? А вот мы ему сейчас позвоним.

— Ты скажи ему, что мы с Человеком-пауком придем. Надо его предупредить на всякий случай. Он же не будет знать!

— Ладно. — И тут она улыбнулась.

Так и не дождавшись Ритули, уже сидели у Владимира Петровича — это он их к себе позвал. Снова пили чай, а теперь даже играли в шахматы в проверенной обстановке, располагающей к разговорам. В сущности же, говорил один пенсионер-индиго; он двигал фигуры на шахматной доске вместе с Геннадием Семеновичем, а Антон был наблюдателем и слушателем.

— Так что, Геныч, я с тобой не соглашусь, — вещал Владимир Петрович довольным голосом полководца, быстро оглядевшего поле битвы, на котором его конница успешно теснила пехоту противника. — Мы же все — как избалованные дети. Всего хотим сразу — дай то, дай это. Сломаем или потеряем игрушку, плачем. Какая это жизнь, — кутерьма сплошная... То один кризис, то другой — и так, похоже, до бесконечности. Эти постоянные черные пятницы, среды, вторники, понедельники, четверги. И только воскресенье у нас кровное.

— А если так? — предположил его соперник, пустив слона по резвой диагонали.

— Ну что же... — протянул Владимир Петрович. — Это твой выбор, который я уважаю. Вот только не знаю, спасет ли он тебя от неминуемого и сокрушительного поражения...

— Ты видал, как уверен? — подмигнул Антону Геннадий Семенович.

— А тебе, значит, весело. Ну, тогда жуй пешку.

— И почему бы мне ее не съесть? Ам-ам.

— Тебе скоро надо будет ставить скорбное танго Шнитке, — вздохнул Владимир Петрович, — некуда тебе от него будет деться... А кстати, про это самое танго. Вы заметили, как у нас на телевидении его буквально заиграли в разных передачах об искусстве? — спросил он, больше адресуясь к Антону и совсем, кажется, не рассчитывая на ответ. — От частого использования оно просто стерлось и уже стало символом пошлости. Как заведут это болезненное танго Шнитке, так сразу понимаешь, что тебе сейчас очередную бездарь на слабых ножках будут поднимать. И все это подается с оттенком вымороченного декадентства, как высшей степени их самого высокого и непостижимого искусства в мире. Вообще, особенность нынешнего искусства в том, что оно стремится быть фальшивым, его главная цель — подвергнуть все опошлению... Ну что, Геныч, призадумался, есть повод для уныния или все еще пешку мою перевариваешь?

— Почему это? — нахмурился Геннадий Семенович. — Уже и подумать над ходом нельзя?

— Ну, думай, думай... Так вот, — продолжил Владимир Петрович, — потом выставят тебе, после духоподъемного музыкального вступления, этакого лощеного дядю, генерала от искусства, позера с перстнями, унижавшими почти все пальцы на его руках, само собой, грани у камней на этих перстнях прилажены друг к другу по особому рецепту и вот уже почти тысячелетие испускают божественный свет, и ты вроде бы должен быть заморожен от того, что наблюдаешь в этих гранях проблеск и ответ великодержавного идиотизма, а он тебе еще начинает тыкать в глаза своей избранностью и учить жизни.

— Рокировка, — объявил Геннадий Семенович.

— Агония, предсмертные хрипы.

— Так уж и агония, всего лишь маневр.

— Ага, отсрочка приведения приговора в исполнение... Так на чем я остановился?

Владимир Петрович взялся за ладью и черный конь Геннадия Семеновича пал.

— На перстнях, унижавших пальцы, — неловко влез в разговор Антон. — Мне это тоже как-то не очень... Я даже обручальное кольцо на пальце носить не смог, — всегда мешало, задевало за что-то... слишком чувствовал его отдельность, — пояснил он.

— Не сошлись характерами, — пошутил Геннадий Семенович, продолжая маневрировать слонем. — Инеродное тело.

— Я и цепочку пробовал носить золотую, чтобы быть как все, — разоткровенничался Антон. — Да только все впустую — ничего хорошего из этого не вышло. Грудь натирала, кожа зудела... Пришлось отказаться.

— Да просто не хватило врожденного аристократизма, — улыбнулся Владимир Петрович. — У нас особый путь — брутальность должна сочетаться с женственностью... Шах, Геныч.

— Отобьемся.

— Мужчины становятся женственными, женщины — брутальными. Но кое-какие оазисы, неподвластные веяниям времени, все же остаются, — сказал он, сделав очередной ход. — Я вот в «Пятерочку» раньше ходил за продуктами и там женщину одну в кассе заперметил, в том смысле, что к ней часто выходило в очереди стоять... Обычная женщина, возраста неопределенного — то ли перед пенсией, то ли просто жизнь так сложилась. А потом гляжу...

— Тебе шах, Петрович. — Геннадий Семенович азартно потер ладони.

— Ну-ну, подыши еще немного... Да, пригляделся — кого-то она мне напоминает. Лицо вроде бы знакомое, голос: «Пакет нужен? Наличными будете расплачиваться или картой?» И вот вдруг вспомнил и признал: да ведь это Наташа! Девушка у меня была еще после школы, первая любовь, можно сказать. Хоть столько лет прошло, а признал, и тоже блондинка. Лицо, правда, какое-то печальное, посеревшее, но держится. Понятное дело: целый-то день вот так сидеть и чеки пробивать — с ума сойдешь. А, с другой стороны, попробуй у нас еще найди повод для радости... Ну что, Геныч, еще на что-то надеешься?

— А как же — до последнего патрона!

— Ну, смотри, не застрелись... А я для нее самый обыкновенный покупатель, рядовой посетитель магазина, — уже повернувшись к Антону, продолжил Владимир Петрович. — Ей во мне признавать некого. Сколько перед ней таких проходит, и одно и то же надо им говорить: «Спасибо за покупку, приходите к нам еще». Тысячу раз, если не больше... Но она-то для меня та самая Наташа, меня теперь ничем не собьешь, смогрю на нее юношескими глазами. И вот все думаю только — как ей себя объявить, как сказать «Наташа», чтобы и она меня вспомнила.

Сколько лет ведь прошло, и неловко как-то... А вдруг я ошибся, и она не моя Наташа вовсе, или Наташа, но совершенно чужая и незнакомая мне женщина?

— Да ведь это легко узнать, имя хотя бы, — сказал Геннадий Семенович, не отрывая взгляда от шахматной доски.

— Знаю. Только ведь зрение уже не то, чтобы так запросто прочесть, что там у нее на груди висит, как ее звать-величать...

— Очки, — подсказал Антон.

— Конечно, они самые. Вот так однажды, я и подошел, наконец, к кассе в очках, чтобы узнать, как же зовут мою Наташу.

— Ну и как? — спросил Геннадий Семенович.

— Ну. Тебе шах и мат. Вот и все: как говорится, и жабы были молодые, и чушь прекрасную несли.

— Да ну тебя! — притворно расстроенный Геннадий Семенович смешал оставшиеся на доске фигуры, а Антон вдруг подумал, что только что видел перед собой настоящего Вомбатова-Вьюжина.

Еще через какое-то время к ним присоединилась жена Геннадия Семеновича Рита. Не обнаружив мужа дома, она недолго думала, где его искать, и направилась напрямик к Владимиру Петровичу. Она объявилась в дверном проеме упитанным и уверенным колобком с полномочиями.

— Калитка у вас распахнута, заходи кто хочешь... Что же ты, друг мой любезный, не дождался меня? — Ее укоризненный тон за игривостью прятал явное недовольство.

— Так сколько же тебя ждать? — попытался защититься Геннадий Семенович. — Я вон даже на воротах висел, тебя высматривая, — свидетель подтвердит.

— Ой, а тут сосед наш, — только сейчас она заметила Антона, процедившего ей в ответ в некотором смущении «здрате». «Конечно, разве могла она предположить, что встретит меня здесь? — подумал он. — Интересно, уже знает обо мне?» Рита удивилась, зыркнув в сторону Антона слишком живыми темными глазами, голос ее сразу стал мягче, однако о главном для себя она спросить не забыла:

— Ну как тут мой, не отличился по пьянке?

— Тьфу ты, — сплюнул в сердцах Геннадий Семенович, покуда она по привычке стала шарить по сторонам охотничьим взглядом, как будто в чужом доме, именно у Владимира Петровича, должна была вдруг обнаружиться батарея пустых бутылок, по которой можно определить степень низости и падения ее мужа.

— Да что ты, Рита, — всгупился за понапрасну обиженного Геннадия Семеновича гостеприимный хозяин, — у нас тут самая настоящая вакханалия добра: играем в шахматы, обмениваемся масками добропорядочных граждан и совершаем полезные для здоровья пешие прогулки.

— Хотелось бы в это верить, конечно, — вздохнула Рита, — да только шахматист мой внезапный у меня на большом подозрении.

— И совершенно напрасно, — сказал Владимир Петрович, а Геннадий Семенович обратился к Антону:

— А ты что молчишь? Подтверди!

— Да, — как бы очнувшись от лицемерия семейной сцены Антон и сказал невпопад, прогоняя неожиданную хриплость голоса: — Висел, я видел. На воротах висел и ждал.

— Ладно, поздно уже, — неожиданно согласилась она. — Ну что, пойдем?

— А как же Антон? — Геннадию Семеновичу надо было определиться с другом.

— Действительно, уже и сумерки к нам подобрались. Но я думаю, наш вечер на этом не закончен, — сообщил Владимир Петрович сначала чете Карпухиных, а затем Лепетову. — Я еще не показывал Антону Сергеевичу свои марки. Конечно,

жалкие крохи от коллекции, но кое-какие раритеты остались. Кстате, переночевать он у меня может, место найдется, если не возражает, разумеется...

Утро для Антона было похоже на неприятное открытие. Пробуждение определило его в неудачники и поставило на грань опустошения, словно лопнула внутри него какая-то заведенная до сих пор пружина, а на дальнейшее у него не хватило инерции движения, и он остановился в растерянности: что я здесь делаю? На снижение настроения безусловно повлияло неожиданное появление Маргариты; ему был неприятен ее цепкий взгляд, опознавший в нем не соседа по преимуществу, а чужого, каким-то образом попавшего не в свою компанию. В ее глазах он, конечно же, сразу опустился, лишившись прежнего положения, притом, что они ничего не потеряли, продолжая жить привычной для них жизнью. И если Маргарита уже знает о том, что он изгнан из квартиры, то это для нее повод порадоваться его падению. Ну и как она может не знать, если Геннадий Семенович ей уже все выложил подчистую? Разве возможно, чтобы она до сих пор оставалась в неведении? Нет, ну что он, Антон, тут делает, в самом-то деле, вместе с бытовым алкоголиком и дачным пенсионером-индиго? Как до такого дошел? Какой приют хотел здесь обрести?

Он вспомнил завершение вчерашнего дня: неспешное перелистывание страниц кляссера с марками, бельгийскую железнодорожную почту, Непал, Занзибар, немецкие надпечатки времен инфляции 20-х годов прошлого века, Гибралтар с профилем английской королевы, американский Пионер-Юпитер и подробный, опять-таки оригинальный комментарий Владимира Петровича по этому поводу. И Антону вдруг стало так неловко, что он захотел немедленно исчезнуть отсюда — как-нибудь так незаметно испариться, не попрощавшись. Он уже сел на некоем подобии лежанки, вполне, впрочем, удобной, чтобы наспех одеться и улизнуть, как услышал бодрый голос хозяина дома:

— Как почивали? А я уже пробежку совершил. Сейчас будем завтракать.

Это прозвучало так буднично, во славу утра состоявшегося, с уверенностью в дне грядущем, что Антону не оставалось ничего другого, как признать свое поражение. Часовая стрелка будильника, мерно цокавшего на облупленной голубой тумбочке у изголовья, приближалась к семи.

После продолжительного завтрака, состоявшего из яиц, сваренных вкрутую, и неперменного чая с печеньем, а в этот раз и с сыром, оставалось еще какое-то время для исследования запущенного участка перед домом, на котором Антон обнаружил яркие осенние цветы и совершенно некстате (до сих пор же благообразно сохранял молчание), как бы из пустого интереса, по глупости спросил:

— А это что за цветы?

Владимир Петрович благодарно посветлел лицом, и Антону пришлось выслушать очередную лекцию не только о цветах, а о непростом устройстве жизни вообще и возможных путях ее разумного преодоления. С другой стороны, пенсионер-индиго не лез к нему в душу, ни о чем не расспрашивал, хотя, возможно, прежде Антон и сам бы захотел с ним поделиться своими невзгодами, но, похоже, Владимиру Петровичу просто был нужен покладистый слушатель, и за одно это Антон, как ни странно, мог быть ему благодарен.

— Всего-навсего астры и георгины, — сообщил Владимир Петрович, приподнимая козырек кепки. — Для придания вида и оживления окрестностей. Чтобы совсем тут не захиреть. Огни жизни, утешение... У нас ведь цветы — это не просто цветы, как в других странах. У нас это что-то еще, кроме них самих и даже наоборот, в первую очередь что-то еще, и только собственно цветы — в самую последнюю очередь. Цветы у нас не могут расти сами по себе, по своему природному естеству, они растут для кого-то и для чего-то. Это предмет торговли, использования, статуса, желанья, принуждения, способ доказательства, оправдания... Цве-

ты — клин от сердца, дорога к счастью, оформление траурной церемонии, сопровождение до могилы, пошлость в чрезмерности, откровение в единственности, буйство красок букета и неприглядность высохшего веника... У них много назначений, и почти все они будут коммерческого толка. Я же особо с ними не возжусь, даю им свободу. Пусть слушают голос природы, а не мой. Целей я никаких не преследую, наживы никакой не жду, так что...

Монолог просвещенного отшельника был прерван мобильным телефоном, надрывно задышавшим в кармане джинсов Антона.

— Извините.

Владимир Петрович оценил важность момента, согласно опустил глаза и даже сделал шаг в сторону, чтобы не мешать.

— Алло, Вадим? — Это был сын. — Ты где? В Питере?

— Да, собираюсь приехать.

— Это хорошо. — «Да чего ж тут хорошего? — оборвал себя Антон. — Хорошо тут мало».

— Что у вас случилось? Я маме звонил...

Можно только догадываться, что она ему рассказала. И как теперь быть?

— Понятно. — «Да черта с два ему понятно», — Антон злился на себя.

Пауза.

— Па, ты сейчас где?

— Я? — Он растерялся; координаты существования оказывались неверны. — Я у знакомого.

— Не у знакомой?

Антон поморщился: значит, наболтала.

— Нет.

— На следующей неделе только удастся вырваться. У меня занятия...

Он придет — и что это будет? Выяснение отношений, борьба, перетягивание каната.

— Главное, чтобы у тебя все было хорошо... Да, наладится... Наверное... Ну пока...

Поспешно, скомканно. Слова вообще ничего не значили, они всего лишь обозначали расстройство. Голос Вадима принадлежал уже другой, далекой и обособленной жизни, о которой Антон ничего не знал. Ему ничего нельзя объяснить, нельзя даже попытаться это сделать, в атмосфере была разлита неловкость, возраст сына лишал Антона какого-либо, самого минимального преимущества и делал его безнадежно уязвимым. К сожалению...

— Тут такое дело, — сказал Антон, спрятав телефон в карман. — В общем, мне надо ехать.

— Ну что же, — развел руками Владимир Петрович, — надо так надо... Генячу что передать?

— Не надо ничего, я ему позвоню.

— Однако, кажется, моросить начинает, — заметил пенсионер-индиго, сняв кепку и поглядев на тусклое и бесцветное небо. — Ну, желаю преодолеть все неурядицы. — Он протянул ладонь и прибавил: — А ежели что, так пожалуйста к нам. Это у нас всегда просто.

Когда Аркадий просил Антона не раскрывать до конца Паше Приставкину всю эту скандальную историю со Светой, случившуюся на даче, он предполагал, что Антон в результате тесного общения с Пашей, конечно же, проговорится по заурядной душевной слабости, своим признанием облегчая мутное душевное состояние и обретая взамен дружеское участие. У Паши намечались общие дела с Максимом, и он бы затем мог легко его возбудить при встрече, желая, что называется,

раскрыть глаза и предупредить. Так бы оно, возможно, и произошло. Однако Антону до всего этого простору не было никакого дела, да и с чего бы он стал чесать языком направо и налево, он вообще забыл об этом разговоре с Аркадием еще и потому, что довольно скоро, погрузившись в тоскливые размышления, уверовал в то, что всем все уже известно. И тут он отчасти был прав. Не поделился с Пашей он, не видя в этом никакой тайны, так через день, максимум два, кто-то еще ему доложит.

Зулусовым, скорее всего, двигало желание оставить Максима Друганова последним непосвященным в это дело, нежели еще какие-то лирико-романтические соображения — ну, что-то вроде того, что нельзя, мол, вот так сразу объявлять человеку в лоб, если он сам ничего не видит, это, дескать, срзлит его наповал. Как раз наоборот, наповал будет, если узнать последним, когда всем вокруг давным-давно известно.

Понятное дело, что за время отсутствия Максима Друганова в городе произошло многое. На натуру более щепетильную и ответственную это должно было произвести соответствующее впечатление, но только не на него. Его поездка на счет заключения очередного рекламного контракта вышла удачной, и он оставался в полном неведении относительно душевных и умственных движений среди общих знакомых, связанных Зулусовым. Встреча со Светой не заронила в нем какого-либо беспокойства. Даже если она выглядела чем-то озабоченной, отвечала односложно и отводила в сторону глаза, то это еще не давало ему повода насторожиться, — мало ли, какие там бывают у женщин причуды. Он был беспечен по праву сильного и обожаемого — эта уверенность осталась в нем со времен их знакомства. Света сама его добивалась, и он был к ней снисходителен. Просто многое так совпало, чтобы им расположиться лицом друг к другу. Он позволял ей себя любить, к тому же ему было приятно, что прежде она работала моделью. Теперь у них был общий бизнес. Его все устраивало, и ее, он был уверен в этом, тоже.

Пропущенные подробности об отличившемся на дне рождения Зулусова Антоне Паша узнал от вездесущей Галки Обойдиной, которая не по злому умыслу исполняла обязанности сороки; ее сообщение можно было заключить одной емкой фразой: «У них там вон чего было». Это «вон чего» Паше многое объяснило в прежде непонятном поведении Антона; теперь ему предстояло увидеться с Максимом (нужды театра встречаются с возможностями рекламы) и в подходящей их доверительным отношениям форме его просветить, если он, конечно, уже не оповещен. Сложность была только одна: сидя на двух стульях и находясь между двух огней, постараться при этом не навредить Антону.

Бросив трезвый взгляд по сторонам, можно было обнаружить, что это было время расцвета безграничной невозможности, которое декларировалось как поступательное движение. Подразумевался эмоциональный и духовный тупик, взбадриваемый праздничным телевидением, выход из которого можно было искать только имевшимися средствами упадка. Стали привычными невесомые и неуловимые занятия, невозможные лет двадцать-двадцать пять назад. Они пришли на смену твердым профессиям и должностям, исчезнувшим в одночасье, и позволяли держаться на плаву: кому — хотя бы, а кому и преуспеть. В ряд к рекламщику Максиму Друганову и диджею Егору Коновалову вставали детский аниматор Галка Обойдина, менеджер-маркетолог Алла Альховская, бывший боксер Игорь Истомин, а ныне куратор, занимавшийся логистикой транспортных перевозок, и ландшафтный дизайнер Оля Беседина.

Все двигалось по замкнутому кругу, чтобы неизбежно приходиться к тому, с чего начинали. Не было ничего основательного и постоянного. Это была текучая стабильность без опоры. Сегодня ты промоутер, завтра — телемаркетолог, а послезавтра — еще кто-нибудь из офисного призыва — без разницы, последовательность

могла быть какой угодно. В равной степени и взлету, и падению было уготовано топтание на месте.

Однако легковесные занятия предполагали легкость отношения к жизни. В Максиме Друганове легкости в соответствии с окружающей обстановкой было даже в избытке. Никогда с ним не случалось ничего такого, о чем стоило бы действительно переживать. Переживать не стоило вообще ни в каком случае, особенно, если ничего уже нельзя изменить. Живи дальше и смотри на мир простым открытым взглядом.

Квартира Паши Приставкина — случайная площадка для встречи, так уж сошлось. Толстый и напыщенный диван, на котором сидел Максим Друганов, словно отвечал какому-то неудобству, разлитому в воздухе. А тут еще телевизор глухо бубнил про позитивные макроэкономические показатели. В то время как Паша Приставкин примеривался к неприятному повороту в разговоре, Максим мысленно оценил его повышенную суетливость в русле недавно заключенного рекламного контракта: «Ловкий и скользкий, как Черутти». Но дальнейшего развития ирония не получила. Пашин лоб двинулся морщинами финального рекевиема, он почесал свою лысую голову, губы при этом изобразили какую-то кислую зюзу и неловко прожевали в завершении: «В общем, такая вот история получилась».

Молчание было недолгим, но насыщенным. Со стороны могло показаться, что Максим засопел, но это так судорожно задышал диван, принявший спинкой его большое, откинувшееся удобнее назад, тело. Его тяжелое, по-прежнему непробиваемое лицо поискало что-то перед собой и, не найдя, повернулось в сторону окна.

— Не знаю почему, но ты мне сейчас вдруг деда напомнил, — невопад сказал Максим. — Дед у меня был, неродной. Отец маминой сводной сестры, в наследство нам достался. Очень был такой тихий, стеснительный. Водочку весьма уважал, ни дня, кажется, без нее не пропускал. Никогда ни на что не жаловался, до самой смерти так прожил... Бывало, спросят его: «Иван Трофимович, у вас ничего не болит?» А он в ответ: «Нет-нет, ничего». Лежит, одеяло к подбородку подтянет. К нему опять: «Вам ничего не надо?» А он: «Да все хорошо». И только в потолок смотрит. Или в очках к окну выберется, выставит свои стеклышки на солнце и молча все изучает: небо, деревья, машины, прохожих...

Паша замер, не зная, что на это ответить.

— Слушай, а может, морду ему набить? — неожиданно предложил Максим.

— Морду? — наконец сообразил Паша. — Я уже думал об этом. — Он вспомнил эпизод с Антоном в ресторане — как хотел съездить ему по физиономии. — Нет, не поможет.

— Я вот тоже думаю, что не поможет.

С Максимом ничего не случилось. Тем не менее, надо было как-то реагировать, а не то, что на тебе будут ездить, а ты молчишь. Он-то ничему не удивился. Он просто решил, что она восторженная дура. «Какие люди!» Он позволил собой восторгаться, и вот такая неблагодарность... С такой может все что угодно случиться. Ну, сука же... Он сам был не без греха, но все же соблюдал себя в рамках, не попадая в такие истории, о которых потом могли рассуждать все кому не лень. А как же иначе? И потом, одно дело он, и совсем другое дело она. Он был на виду, от него многое зависело, его, как это говорят, *хотели*, и было бы глупо не воспользоваться теми возможностями, которые ему предоставлялись. Но это ведь все оставалось с ним. Он не трепал языком. Ну если только иной раз ребята были в курсе — Паша или Аркадий... «Да дура, конечно», — убежденно решил он. Зачем она ему? В принципе, что его держит и что он теряет? Детей у них нет. Тут много думать не надо. Он уже знал, что ему следует делать.

— Выключи телевизор, задолбал он своим оптимизмом.

Кристина мыла голову в ванной, когда появился Аркадий. Она вышла в халате, с полотенцем на голове; взяла в руки фен.

— Привет, Человек-паук.

— Привет... А Андрей где?

— Спит. «Спокойной ночи, малыши» уже закончились.

По лицу Аркадия было хорошо видно, что он продолжает быть чем-то занятым, — он втянул за собой в квартиру печать сосредоточенности на каком-то деле, а потому не обратил внимания на смену тона в голосе Кристины.

— Представляешь, Максим собирается разводиться со Светой! — неожиданно сообщил Зулусов; вся его коренастая фигура и строй речи были словно пронизаны каким-то энтузиазмом по этому поводу. — Мне Паша сейчас позвонил...

— И похоже, тебя это почему-то радует? — прервала его Кристина.

— Не знаю... — Он пожал плечами. — А причем здесь радость?

— Я вот тоже думаю: причем? Ты и мне как бы предлагаешь теперь порадоваться.

Тем не менее, у него была приготовлена улыбка, и теперь она сползла с его лица — просто лопнула, как резиновая перчатка, надетая для предохранительных целей; она уже ничего не защищала и ни от чего не спасала.

— Вот еще придумала, — запоздало хмыкнул Аркадий; она никогда прежде так с ним не разговаривала, для него это было совершенной неожиданностью, в ее настоятельности читался какой-то вызов. — Зачем мне это? Я тебе просто рассказываю...

— Ты мне каждый раз просто рассказываешь об одном и том же, — уже не сдерживалась Кристина, — обо всей этой нелепой и дурацкой истории, которую за чем-то последовательно раздуваешь.

— Я раздуваю? — почти искренне удивился Зулусов.

— И я должна каждый раз выслушивать эти совершенно ненужные мне подробности про Антона и Веру, про Веру и Антона...

— Я тебе про них сейчас ничего не говорил.

— Ничего, еще скажешь... А тут новое событие. Надо же — как у вас все посыпалось...

— Ты о чем?

— Вы как заговорщики.

— Разве в твоих словах есть смысл?

Он хотел мирно разрешить назревающий конфликт.

— И что мне теперь делать после сногшибательного звонка Паши?

— Разумеется, ничего. А разве ты что-то должна?

Спокойствие. Сейчас все уляжется и придет в норму. Осталось совсем немного подождать.

— Неужели нам больше не о чем поговорить? — сверкая воспаленным взглядом, спросила Кристина.

— Да что с тобой такое случилось? — нахмурился Зулусов. — Я думал, что тебе это интересно. Это же наши знакомые, друзья...

— Это все твои друзья! И случилось с тобой, а не со мной...

Да, теперь он определенно увидел: все ее выдвинувшееся вперед лицо, свежее после душа, влажные волосы, освобожденные от полотенца, приподнявшийся подбородок и неуступчивые, неожиданно резкие глаза выказывали сопротивление.

— Ты обиделась, что я с вами не встретился? — наконец-то сообразил он.

— А ведь Андрей хотел тебе показать Человека-паука.

— Ну, так получилось... Вернее, не получилось. — Он принялся оправдываться. — Прости. Срочный звонок, по делу...

— Паша позвонил — вот и все твои дела? — Иронии в ее голосе хватало на многое.
— Нет, это совсем другое. — Он вдруг поймал себя на том, что выглядит нелепо; давно с ним такого не было. — Ну, хорошо, — сдался он. — Теперь все будет по-другому. Я понял, что ты хотела мне сказать...

И все же ему не была до конца понятна природа этого вызова, близкого к истерике; понятно было только одно: ей надоело, она устала от его новостей. Конечно, ему надо что-то сделать, чтобы исправить ситуацию. Но пока что...

— Ты извини, но мне завтра надо будет в Москву по делам уехать. Тот самый звонок.

Он сумел это сказать.

Она вздохнула:

— Как знаешь...

Она тоже сдалась.

Глава тринадцатая

ЧАЙ С СОБАЧКАМИ. ЗАТМЕНИЕ

Прошло две недели — срок вполне достаточный как для любых сумасбродов, так и для людей умеренного толка, если им вдруг пришла бы нужда привести свои мысли в порядок. У Антона Сергеевича Лепетова так просто и благоразумно распорядиться собой никак не получалось. Время лечит — это не про него; оно его только возбудило и выводило из себя. Его вдруг стало все касаться — буквально всякая мелочь словно впивалась в тело и сдирала с него кожу. Он вдруг стал замечать то, мимо чего прежде прошел бы, не тратя своего внимания. Замкнувшись в себе, он теперь более всего походил на оголенный провод. Это была изоляция без изоляции — опасное и подвижное состояние. Сотни одинаковых слов, разделенных на двух собеседников, пронеслись в его голове. Конечно же, он подавлял того, с кем спорил, но о его маленьких победах знал только он. Ему нужен был простор, в котором он мог бы затеряться. Однако город с ним не церемонился — наваливался на него своим тяжелым дыханием, наступал на ноги, толкал в спину и понукал. Все вокруг него превращалось в символические каракули и оборачивалось злой сатирой. Картина жизни окрасилась в депрессивные тона.

Он слышал только громкое глоса, видел искаженные лица — болезнь пряталась у них внутри, он в этот был убежден, и даже чье-то веселье для него выглядело довеском к пошлomu действию. Раздражение вцепилось в него и уже не отпускало, в лучшем случае застывая в подозрении.

Он ехал в неприглядном маршрутном «сарая» и вдруг ловил два насмешливых взгляда, обращенных на него. Он не мог ошибиться. Две подруги примерно такого же возраста, как и он, стояли впереди, он сидел сзади. Они даже обменивались какими-то замечаниями между собой, снова оборачивались в его сторону и как бы смущенно фыркали. Он их не знал. А они его? В чем тут дело? Что с ним не так? Возможно, причина все же была не в нем; он уже хотел, в свою очередь, обернуться, чтобы проверить, и вдруг вспоминал, что сидит на самом последнем месте, а значит, сзади него никого нет.

Выглядело все это довольно бесцеремонно и длилось несколько остановок. Черненькая, та, что потолще и с принципиально выдающимся носом, в какой-то момент утратила к нему интерес. Светлая, а точнее, даже ярко-желтая, не отступалась от выбранного объекта наблюдения и продолжала бросать проверяющие взгляды, словно желая в чем-то убедиться («да неужели правда?»), не забывая при этом тормозить свою напарницу и раскрывать ей новые обстоятельства и детали в его забавном, несуразном, ущербном или каком-то еще облике.

Антон, так и не сообразив, с чем ему тут надо бороться, чему противостоять и стоит ли вообще это делать, наконец, принял единственно верное решение: просто отвернулся к окну, стараясь по возможности сохранить равнодушный и независимый вид, а на деле — нахохлившись. Салон маршрутки по пути следования заполнялся людьми, а когда стало свободнее, Антон, оторвавшись от окна, обнаружил, что насмешниц уже и след простыл. Неприятный осадок, однако, остался, ведь он испытал покушение на свою сущность.

В другой раз, странным образом сочетая в себе расслабленность с ожиданием подвоха, он столкнулся с тем, что не смог выйти на нужной ему остановке. Все тот же «сарай», только другого маршрута, просто не остановился, хотя на всех предыдущих остановках делал это безо всяких напоминаний. Водитель, не славящийся скорости, продолжил свой путь, несмотря на то, что Антон недвусмысленно стоял у передней двери, взявшись за поручень. Именно этого пассажира для него словно не существовало.

Антон недоуменно повернул голову к кабине, уже давая себе отчет в том, что ожидание какого-то подвоха, если не сейчас, то позже, сидело в нем загодя (и вот нате, пожалуйста), и что только с ним могло приключиться нечто подобное, — но сидящий за баранкой рыжеватый малый с лицом, похожим на подгоревший праздничный блин, не обратил на него ни малейшего внимания.

— А почему вы остановку пропустили? — подал недовольный голос Антон.

— А вы меня не просили, — не отвлекаясь от дела, совершенно спокойно заявил блинлицей.

«А как же тогда на других остановках?» — хотел возмутиться Антон, чтобы оспорить удивительное спокойствие водителя, но тот вдруг посмотрел на него с таким несокрушимым превосходством, что Антон едва сдержался, чтобы не вскрипеть.

— Да остановитесь же! — вскричал он наконец, впадая в отчаяние, и только после этого ненавидимый им «пазик» выпустил его из заточения — прямо на мосту, посередине между двумя остановками, в самом неудобном месте, у какой-то нелепой ржавой трубы, отделяющей проезжую часть от узкой пешеходной дорожки, представляющей собой вспученный и выщербленный асфальт, своего рода аварийную полосу препятствий; охваченный негодованием, сомневаясь в случайности произошедшего, бормоча проклятия, Антон поплелся в обратную сторону.

Было еще что-то подобное, как бы в продолжение «черной серии», о чем ни за что не хотелось бы вспоминать, отнимающее всякую уверенность в себе, — снова непонятно по какому поводу насмешливые взгляды, опознающие в нем какого-то беззащитного бедолагу, попавшего в переplet, ехидные реплики за спиной, замечания в лицо без стеснения, — к нему липло все, и спасло его, а вернее, отвлекло, хотя опять же не в радостном направлении, однако все же без пустой и оскорбительной загадочности, но с пониманием происходящего и знанием проблемы, неожиданное внимание Галки Обойдиной.

Сначала была встреча Антона с сыном; нельзя сказать, что долгожданная, скорее, необходимая для уяснения положения, в котором оказались супруги Лепетовы, а значит, вынужденная, как ни крути. Как раз относительно этой встречи можно было говорить о «понимании происходящего и знании проблемы», — на предварительном этапе, разумеется. Конечно, Антон хотел бы переждать, чтобы вся эта неприятная ситуация постепенно рассосалась, словно ссыпавшись крупинками мерного песка в песочных часах, тогда бы их можно было перевернуть и начать новый отсчет, но выбора у него не было, тут ему приходилось неоправданно бодриться, как бы совсем позабыв про Веру и сосредоточившись исключительно на одном только Вадиме. Это он так себя заставил думать, чтобы не думать о плохом.

Мать Антона, заботясь о своем здоровье, по сложившейся осенней традиции, отбыла на санаторно-курортные Минеральные Воды, в этот раз обозначенные Пятигорском. Для Антона это, несомненно, явилось удачным стечением обстоятельств. Ему не надо было как-то таиться, уваливать от ее случайных расспросов, бояться, что откроется его незавидное положение; возможность провала исчезала — на время, конечно, но и то хорошо, ну а там посмотрим, что еще впереди будет, глядишь, и как-то обойдется, и не будет ей нужды расстраиваться из-за его разлада с Верой (он еще никак не мог примириться с тем, что это разрыв); к тому же бабушка не увидится с внуком и, соответственно, ничего не узнает; и, наконец, самое главное — в распоряжение Антона предоставлялась свободная квартира, которую он, как заботливый и внимательный сын, обязался на время отсутствия матери посещать по возможности, не оставляя совсем уж без присмотра, а еще ведь цветы надо полить... Таким образом, Антону на целых три недели была обеспечена крыша над головой. Целых три недели! В тот момент это выглядело вечностью.

Антон хотел встретиться с Вадимом где-нибудь в центре — вполне подошел бы Кольцовский сквер или какое-нибудь кафе. Оба варианта были хороши тем, что сохранили бы нужную сейчас для Антона дистанцию в вопросе с Верой и вряд ли позволили им разговориться на эту тему. Если на улице, так уж точно, — навязчивый фон повседневности не дал бы сосредоточиться и сгладил противоречия. Но затем Антон решил, что такая встреча будет выглядеть нарочитой, заранее обреченной на отчуждение, а этого он все же никак не хотел и потому пригласил Вадима в знакомую ему с детства бабушкину квартиру. Внук изолирован от бабушки — и это самое главное, дальше, как получится. Антон был близок к состоянию эйфории, наверное, поэтому он так бодрился.

Он полил цветы, теперь открыл холодильник, думая, чем станет угощать Вадима. До назначенного часа оставалось пятнадцать минут. Ничего серьезного он придумывать не будет. Скорее всего, можно обойтись чаем. Там ведь Вера уже постаралась, а как же иначе... Да, будет чаепитие с печеньем и пряниками. Но вот какой у них состоится разговор?

Он набрал воды в чайник. Поставил на стол вазочку с печеньем. Включил радио, случайным набором станций пытаюсь попасть в тон непринужденного настроения, которое надо было как-то вызвать. Ничем не вдохновился и выключил. Открыл дверцу шкафчика над плитой, впуская поиском глазами, не зная к чему. Закрыв — и подошел к окну. Теперь только ждать, совсем немного осталось. С какой стороны он подойдет к подъезду? Смотря на чем приедет. Если от Веры, то справа. Если еще где-то успел побывать, то слева. Итак, возможные маршруты размечены, осталось только дожидаться...

Вот прошли две одинаково веселые девушки-школьницы с разноцветными рюкзаками за плечами, тянущиеся всем телом к утверждению беззаботной и счастливой жизни. После них, в другую сторону, свободной пацанской походкой отшагал смурной доходяга запущенного возраста, одетый не по сезону, в распахнутой клетчатой рубашке на синюю футболку и даже в сандалиях; он что-то ожесточенно доказывал в мобильный телефон, помогая свободной рукой; окно на кухне было прикрыто, и потому Антону не было слышно слов, и хорошо, что не слышно. Еще была старушка с тележкой, с притороченным к ней мешком, заполненным наполовину (что там — картошка?), скупыми шагами отмерявшая себе путь нужды. Кошка с ленивой тигриной грацией, удачная копия довольного хищника, вышедшая из-за припаркованных машин, усыпанных опавшими листьями. А где же Вадим? Опаздывает?

Антон вдруг сообразил, что, задержавшись у окна, у этого пункта наблюдения за жизнью, он занял место своей матери, вышел ей на замену. Ему только оста-

лось еще руками облокотиться о подоконник, чтобы полностью совпасть с ней. Она отдыхает на водах, а он тут работает, несет вахту.

Ему стало неприятно от такого открытия. Ну да, говорят, что дети повторяют своих родителей. Еще неизвестно, что с нами будет, когда мы состаримся. Как же неизвестно... Вот уже стал, превратился. Но почему это проявилось так рано?

Его отец никогда не стоял у окна. Ему было некогда, он работал. Постоянные командировки. Антон его видел раз или два в месяц. Особенно в школе было заметно его отсутствие, — на родительские собрания всегда ходила мать. Лет десять назад что-то случилось, — родители развелись. Отец как бы навсегда уехал в командировку — в другой город, то ли в Краснодар, то ли в Ростов. И все — никаких больше контактов. Антон уже не мог вспомнить, от кого он услышал, что у него там новая семья. Значит, он в отца. А все же история каким-то образом повторяется? Нет, не хотелось об этом думать.

К подъезду подъехал серый микроавтобус, не «газель», как успел заметить Антон, а «фольксваген» из разряда подержанных иномарок, с надписью Ski-Club Ruhpolding e.V. на боку. Однако скромная табличка, прислоненная к лобовому стеклу, сообщала об истинном назначении этого транспортного средства; там значилось одно веское и обязывающее к определенным эмоциям слово «ритуал».

Кто-то умер, подумал Антон, вот некстати, и именно в нашем подъезде. И тут же: при чем здесь это?

Он отошел от окна, вздохнул. Теперь уже было понятно, что Вадим опаздывает. А может такое быть, что он совсем не придет? Еще немного, и от бывшего настроения не останется ничего.

И как раз в этот момент раздался звонок в дверь.

— Привет.

В подъезде не хватало света, и Антон не сразу узнал Вадима. Последний раз они виделись на новогодних каникулах. С тех пор он еще прибавил в росте. Козырек от бейсболки скрывал часть лица, и, наверное, из-за этого, а еще из-за того, что Антон был заранее настроен на непростую встречу, ему показалось, что Вадим выглядит настроженным.

— Привет.

Голос у Антона предательски дрогнул, он еще кашлянул зачем-то, сменяя уверенность на слабость, и вдобавок ко всему испытал внезапное чувство подавленности.

— У вас тут похороны? — не спросил, а скорее подтвердил Вадим, войдя в коридор и снимая куртку.

— Да, наверное... Ты из дома?

Понятие дома для сына еще никто не отменял.

— Я от знакомых.

Ну, ясно, друзья детства. Значит, слева. Пропустил.

— Проходи на кухню. Бабушка у нас в санатории, так что... — Антон не договорил, сообразив, что может размотать клубок обыденных фраз в совсем ненужную ему сторону, — за эту случайную нить его можно крепко дернуть. — Ты что будешь? Могу предложить чай или...

— Чая достаточно.

Ну вот, наконец-то он мог подробно рассмотреть сына. Изменений, на его взгляд, мало: все та же короткая стрижка курсанта, разве что волосы потемнели; лицо неуязвимо заострилось, расставшись с юношеской мягкостью и обнаруживая склонность к серьезности намерений по отношению к жизни, она в скулах, свидетельствующих о твердости характера; на лбу залегла недавняя складка — примета возраста, готового взять ответственность на себя, и тут же, ниже, по-юношески непосредственная прямота носа; но главное тайлось в выражении глаз — распах-

нитуется задумчивого лиризма и романтизма в них оказалась стерта и заменена на темное ожидание каких-то решительных действий в суженном разрезе. Молодой штурман будущей бури, решил про себя Антон, но ему было не смешно.

— Чай — это хорошо, — сказал он, — это сейчас самое что надо. Помнишь, как мы пили чай с собачками?

— Помню.

— Даже не знаю, почему я их так назвал, собачками. Не пирожное, не печенье — что-то между. Вот как их назвать? Ведь как-то они называются в магазине. Я и не помню... Вырвалось однажды в шутку и пристало навсегда. Забавно. — Антон пододвинул вазочку с собачками к сыну. — Ну, рассказывай, что у тебя нового?

— У меня ничего, новое только у вас...

Да, в этой ситуации что ни спроси, все будет выглядеть оплошностью. Он как бы сам попался, теперь держи ответ. Пытаясь отвлечь Вадима, Антон выдал неожиданно приподнятым тоном:

— Собачки знатные. Я к ним так привык, что только с ними чай и пью. Уже никак без них. Если нет собачек к столу, то и чай без них не чай...

Что-то сверкнуло в его лице, и он продолжил:

— А помнишь, как ты в детстве вареньем перемазался, а потом к книжным полкам полез, начал грязными руками хвататься за корешки книг, приговаривая: «Сейчас книжечки читаем»? Так разошелся, что я еле тебя остановил, пришлось подзатыльника дать, рассердился очень. Я тебя в ванной потом отмывал, даже голову пришлось вымыть — тоже в варенье почему-то была... — Антон засмеялся, продолжая воодушевляться своим рассказом и словно убеждая в чем-то Вадима. — Нет, ну правда смешно. И откуда только взял это: «Сейчас книжечки читаем». Как это придумал... Тебе сколько тогда лет было — три, четыре? Помнишь этот случай?

— Па, — коротко сказал Вадим, прерывая его, обезоруживая, лишая мнимого чувства уверенности. — Па, я все помню. Что у вас с мамой произошло?

— А что она тебе рассказала?

— Ты не хочешь говорить об этом?

Вот это поворот — впору растеряться. Стало ясно, что Вадим вырос и требует ответа. Несомненно, все это касается и его. Попробуй такому дать подзатыльник.

— Я просто не знаю, что ты хочешь услышать.

— Я хочу услышать, что все хорошо, что все будет как раньше.

— Ну-у, — протянул Антон, — я тоже хочу, чтобы все было хорошо. Кто этого не хочет? Вопрос только один: как сделать так, чтобы всем было хорошо.

Он вдруг увидел, что Вадим на него обижен. Но что он мог ему рассказать? И как?

— Вас совсем нельзя одних оставлять, — попытался улыбнуться Вадим.

— Наверное, — с готовностью согласился Антон. — Вдвоем мы скорее себе что-нибудь придумаем. Никак не можем без сложностей.

Он готовился к борьбе, к тому, что придется обходить острые углы, умалчивать, даже изворачиваться, но Вадим сам пришел ему на помощь. Его не оттолкнули: за одно это можно было испытать чувство благодарности к сыну. Мир посветлел на какой-то миг и принял удобные для существования формы. Антону представилось, что он правильно уловил настроение Вадима, и теперь ему оставалось только подхватить его. Открылась возможность говорить о другом — совсем о другом, о разном, словно он наконец освободился от давившей его тяжести.

— Ты даже себе не представляешь, как все меняется с возрастом.

— С возрастом? — удивился Вадим. — Ты уже говоришь о возрасте?

— Ну а что тут странного... Меняешься именно тогда, когда меньше всего это-

го хотелось. Неожиданно обнаруживаешь в себе какого-то другого человека, не того, каким был в школе или институте, каким намеревался стать. И главное, не знаешь, как это произошло, почему случилось, когда? Просто не заметил. Думал, как казалось, все той же головой, какая у тебя была, а на деле... А на деле получается так: все, что ни делается, делается к худшему. Жизнь не дает, а отнимает. Выиграть ничего нельзя, можно только проиграть. Да, важно, не с каким ты счетом выиграешь, а важно, с каким проиграешь. Хотелось бы с минимальным, но пока что выходит иначе... Тут ведь вот в чем дело: даже если ты не согласен с тем, что жизнь испытание, она все равно испытание... Я непонятно говорю? — вдруг спросил он Вадима, заметив в его лице какое-то принужденное движение.

— Да нет, кое-что проявляется.

Антон находился в возбужденном состоянии, и теперь неожиданно сбился; его возбуждение сыграло против него. «Ну, вот что ты сейчас говорил? — укорил он себя. — К чему?» Он проглотил комок в горле.

— Так о чем это я?..

— Об испытании. О том, как важно проиграть с минимальным счетом.

«Да он смеется надо мной». Вадим стал похож на доктора, которому приходится терпеливо выслушивать безнадежного пациента. Однако сомнения и неуверенность продолжили свою работу.

— Да, испытание, как бы высокопарно это ни прозвучало. И ничего нельзя объяснить, к сожалению...

— Если бы ты захотел, то...

— Никакие «если» теперь не принимаются.

— Ты в этом уверен?

— Да. К сожалению.

— Тебе хочется вот так взять и все разрушить?

— Мне?!

Его поймали, он будет вынужден сдаться. Но какой тон, какой взрослый и всезнающий тон! Как он довел до такого тона, как его позволил!

— Ты ведь не все еще можешь понять, — начал Антон в свою защиту.

— Так объясни мне, — парировал Вадим. — Иначе зачем я здесь?

— Никакие объяснения не дадут понимания, ни к чему не приблизят, а только отдают, запутают, даже сделают то, что было понятно, совершенно непонятным... А мы что-то про чай совсем забыли. И к собачкам так и не притронулся, разлюбил? Чай, наверное, уже холодный. Давай, еще согрею.

— Не надо.

— Ну как же... — Антон растянул надутые губы в улыбке. — Горячего, с собачками, хочешь — с медом. Я про мед забыл начисто. Сейчас исправимся... И поговорим еще заодно.

Он взялся за край стола, но Вадим его опередил.

— Правда, не стоит. — Он вздохнул и поднялся. — Ну, я пошел.

— Как — уже? Так рано?

— А что мне тут еще делать? Все понятно.

Вадим был уже в коридоре, надевал обувь, когда Антон очнулся и вышел вслед за ним.

— Да что тебе понятно? — спросил он в выплеснувшемся раздражении. — Что понятно?

Они были недовольны друг другом. Вадим взялся за ручку двери.

— Вы помиритесь? С чем я уеду обратно?

Задохнувшись в неожиданно возникшей пустоте, Антон ничего не смог ему ответить. И потом, когда Вадим ушел, он все никак не мог успокоиться, ругая себя на чем свет стоит за собственную глупость, какое-то нелепое мальчишество, за то,

что попусту тратил время и ломал комедию, вместо того, чтобы... Но что — что он мог бы предложить взамен добровольно выбранного фиглярства, почти клоунады, словесной эквилибристики этими самыми собачками, подбрасываемыми в воздухе так и этак? Надо признать, он не был готов к разговору. Он был растерян, но разве это может ему послужить оправданием? Однако какую правду он мог рассказать сыну, если он сам не знает, в чем она?

Больше всего Антона задело то, как Вадим сказал ему: «Все понятно». С каким еще окончательным выводом в голосе, с каким неотменяемым приговором! Ему все понятно — вот как... И что ему понятно? Почему он так сказал? Вершитель судеб, оракул хренов...

Он еще долго мог бы себя так распалять, но запиликал свою нетерпеливую мелодию вызова мобильник, и безжалостные тени самоедства на время отступили.

— Алло, это Антон?

— Да, это он.

— Ой, Антон, здравствуй! Ты сейчас занят? Надо бы встретиться, если ты можешь, конечно.

Его досада была так велика, что он не сразу сообразил, с кем говорит и чего от него хотят. Сразу переключиться на другое стоило усилий. Голос был женский, и этот голос оказался знакомым. Бойкий, неугомонный. Заполoshная Галка Обойдина — вот кто тараторил ему в ухо. Теперь бы только сообразить, к чему все это.

— А номер мне твой Аркадий дал. Это ничего, что я тебе звоню? Я тебе не помешала? Столько всего накопилось за эти дни, ну столько, что просто слов нет, такие перемены, такие... Ну кто бы мог подумать, а?

Было сложно так вот сразу уяснить, что с ней случилось, однако то, что она нуждается в какой-то помощи, было ясно. Но что он может сделать? И почему она обращается именно к нему? Он слушал ее уверенный голос, накатывающий на него несокрушимой волной, и уже готов был поверить в то, что знает ее много лет. Иначе, с чего бы это она за него так рьяно взялась?

— Между прочим, я сейчас в центре. Погода хорошая, дождя нет, вот я и решила...

Наверное, она за него уже все решила. Наверное, он был подавлен, — неудачный исход встречи с сыном его тяготил. Там отступление, тут небывалый напор. Он был так расстроен и ослаблен, что неожиданно подчинился.

— Да, я знаю это место, на Комиссаржевской. Через полчаса где-то. Мне тут недалеко.

Он вышел из дома в каком-то раздвоенном состоянии: одна его часть готова была топтаться на кухне в поисках оправданий, а другая, чтобы освободиться от навязчивых мыслей, поплелась по маршруту, заданному ему Галкой Обойдиной. Он, конечно, удивился тому, что делает, но не так все же, как удивился бы раньше, оказавшись в подобной ситуации. Это было принуждение — выпала ему такая минута.

Утром Антон слышал по радио, что обещают туман, но теперь светило солнце осени, находящейся в стадии последних теплых деньков, и кого-то оно, безусловно, радовало, но только не его. Теперь ему было стыдно. Он не смог нормально поговорить с сыном. Кого-то из себя корчил. Он же выглядел полным идиотом! Как его так угораздило... Чертовы собачки. Теперь самое главное — это чай. Вот тебе испытание. А ты еще на что-то надеялся. Да ни на что я не надеялся! Я дурак, конечно, это надо признать. Так дураком и останешься, это неисправимо. Вот куда сейчас идешь? Зачем? За тебя все придумали. Рупольдинг — и все дела... К нему обратились с вопросом: «Вы не подскажете, как пройти...?» Он даже не увидел, кто это был. Он шарахнулся в сторону. Я тут ничего не знаю, ищите знатоков, краеведов. Улица имени такого-то. Никогда не обращал внимания, как они назы-

ваются. Ориентируюсь исключительно по памяти, знакам и предметам. Неожиданный «фольксваген» из Рупольдинга. Издалека приехал. Похороны. Ритуал. Он забыл посмотреть, когда выходил из подъезда, стояла ли там машина?.. Вот и проиграл. С каким счетом?

Да, он пропустил что-то важное, откладывая на потом, и даже неожиданно оказался в проигрыше там, где думал, если уж не одержать победу, то хотя бы сыграть вничью.

Антон замедлил шаг. Ему стало жарко. Картина мира в его глазах потускнела, словно подготавливался какой-то природный катаклизм, и по определенным меткам уже можно было сообразить, что случится, — неожиданно потемневшее небо придалось к земле, смолкли птицы, близкие голоса отдалились и, наоборот, отдаленные звуки приблизились, зазвучали отчетливей, громче — машина впереди, у перекрестка, с рокотом промчалась у его ног, смех на другой стороне улицы зазвенел у его уха, мальчик у киоска, который он миновал несколько минут назад, наконец-то сделал выбор и сказал своему папе: «Нет, я такое мороженое не буду. Мне в вафельном стаканчике, белое».

Антон замер. Теперь ему стало холодно. Все вокруг каким-то странным образом сузилось до картинки размером с открытку, с ладонь, и картинка эта в его неожиданно обеспокоенном сознании словно присела, замерев на какой-то карликовый, напряженный миг. Наступили сумерки, все перспективы исказились. Но на самом деле жизнь продолжалась в прежнем режиме и в прежних пропорциях — птицы продолжали щебетать, солнце светить, машины обыкновенно ехать, люди обыкновенно идти мимо него и обыкновенно разговаривать.

Он понял, что что-то действительно случилось — с ним, а не с миром вокруг. Он захотел к кому-нибудь обратиться, чтобы уточнить детали происходящего, услышать знакомые слова, но почему-то растерялся. Буквально рядом с ним оставались два парня, затеяв разговор, но он ничего не слышал, — неразборчивые звуки отдельно от них дрожали где-то у стены ближнего магазина.

«Что это со мной?» — подумал Антон. Он ничего не узнавал вокруг. Как я здесь оказался? Он был готов заплакать от отчаяния. От кого ему ждать помощи? Его зрение испортилось, стало серым и тяжелым. В голове ничего не умещалось. Он двинулся куда-то наугад, но вовремя остановился. «Это же «Вина Фанагории», угол моего дома. Вот это дал я крюк, в другом районе оказался. Сдавай назад и во двор. Что обо мне подумает Вера, если я ей такое расскажу?» Его немного пошатывало, он был как пьяный. Идти надо было по возможности быстро, потому что ему становилось все хуже. Добраться бы скорее до квартиры и сразу упасть на диван, закрыв глаза. Чайник уже закипел, возмущенно свистит, неужели Вера этого не слышит? Темно-багровое солнце окрасило небо в цвета неминуемой катастрофы — будет либо страшный ливень, либо ураган. Окна... окна она закрыла? Рупольдинг наконец убрался, его не было видно поблизости. Где-то в сторонке дети играли в мяч. Как им легко и весело жить. Мяч звонко бился об асфальт. Это было просто невыносимо. Но, кажется, я прошел свой подъезд, решил он, и как мне теперь вернуться?

Ничего не получается. Он присел на лавочку, чтобы перевести дух. Ему только краешек и нужен был, чтобы зацепиться. Он закрыл глаза, время закончилось, и сразу стало как-то спокойнее. А когда Антон их открыл, он увидел Галку Обойдину.

— Антон? — окликнула его она, словно не узнавая и не доверяя себе. — Что ты здесь делаешь?

— Я? — Он посмотрел на нее угнетенным взглядом. Что это было с ним? Он начал приходить в себя.

— Надо же, я иду на встречу с тобой, а ты тут...

— Значит, не дошел. — Он огляделся по сторонам и увидел себя сидящим в сквере. словно легкая контузия, восстановление цветности, объема. Рядом «Макдональдс», Дом офицеров. И никаких тебе выкрутасов на небе — солнце застенчиво отвечало ему тихим осенним светом.

— Если хочешь, можем здесь поговорить, хотя...

— Я вообще ничего не хочу, — не сдержался он. Все вернулось. Пока что обошлось, но звоночек ему прозвенел. Будь осторожнее.

— Ну ладно, — согласилась она, и ему показалось, что она посмотрела на него совершенно незнакомым взглядом, в котором открылась безумная нежность. Галка вообще очень сильно изменилась. Она подобрала вверх волосы и неожиданно превратилась в женщину с картины Густава Климта. Ее лицо посветлело, и на этом светлом лице, с которого окончательно сошло лето, он увидел большие глаза. В их темных глубинах отражались любопытство, удивление и еще какие-то новости для него. Так сразу справиться со всем этим ему было не по силам, он просто не был готов. Надо отдышаться, спокойно войти в день.

— Ты похожа на невесту байкера, — неожиданно признался Антон; теперь он мог ее разглядеть, он вернулся.

— Чем же? — удивилась Галка, довольная произведенным эффектом. На ней было длинное и пестрое платье, стилизованное под зажигательный цыганский праздник, а еще джинсовая жилетка с блестящими камешками и бахромой.

— Готова в дорогу навстречу приключениям.

— Это да, хоть сейчас могу ехать, — согласилась она, и все же озаботилась: — Как-то нелепо мы тут сидим. Скоро нам по головам начнут ходить. — Она имела в виду розовощекого и бесшабашного карапуза с игрушечным ведерком в руке, который отчаянно ковырялся лопаткой в земле и уже совсем близко подобрался к ней. — Надо мотать отсюда.

— Не знаю, — пожал плечами Антон, по крайней мере, он начал осознавать нелепость происходящего. Он уже сожалел, что поддался на уговоры. Что ему эта встреча? Зачем? Ему вообще не нравились такие активистки-говоруньи, как Галка. Если в какой-то компании, с музыкой и выпивкой, еще куда ни шло, но вот чтобы именно с ней разговаривать — о чем? Это какая-то странность. Он решил, что она хочет ему что-то рассказать о Вере. А может, она хочет их помирить? Почему нет? Даже это теперь не казалось ему нелепым. От Галки можно было ожидать чего угодно. Да, она была ему непонятна или, наоборот, слишком понятна своей поразительной простотой.

— А впрочем... — протянул он, обнаружив, что внутри у него теплится надежда. — Подожди, я сейчас, — добавил он и неожиданно наклонился.

— Что случилось? — опасливо спросила Галка, отвлекаясь от производства грунтовых работ у своих ног.

— У меня шнурок развязался.

Через несколько минут они сидели в кафе. На уступе рядом со столиком потерян — пылилась? блестела? — старая швейная машинка; на стене висела картина с обнаженной до пояса девушкой, грациозно поднявшей клетку с попугаем. Все располагало к душевному разговору, если бы вместо Антона был кто-то другой, не такой оглушенный случившимся с ним затмением. Ей бы подружка какая-нибудь сгодилась вместо меня, подумал Антон, и угадал.

— Уютно здесь, — отметила Галка. — Я пару раз с Олей Бесединой была. Она совершенно замечательный человек.

— Я это успел заметить, — сказал Антон.

— Правда? Она такая вся воздушная, увлеченная искусством. На музыке просто помешана. Всякие тусовки, ночные клубы — это ее стихия. Ну оно и понятно, Егор-то диджей. Куда иголка, туда и нитка. Фестивали всякие, концерты —

сплошная музыкальная история. Всегда в тонусе, хотя выглядит такой расслабленной. Как не устает только? Во всех направлениях разбирается и стилях, все группы знает...

«Ну нет, это просто невозможно, — сокрушенно подумал Антон. — Что я здесь делаю?»

— Я не настолько искушен, — признался он. — Наверное, сейчас мне придется восполнить пробелы?

— Почему «придется»? — засмеялась Галка. — Лекции не будет. Лекции — это не по моей части. Это надо к Егору обращаться — вот кто любитель вещать о модных течениях и тенденциях... Или к Игорю Истомину, бойфренду Аллы — вот еще один знаток...

— Знаток? — удивился Антон. — Он мне показался молчуном.

— Молчун-то он молчун. Но если вдруг заведется, то попробуй его остановить. Я вот так однажды попала, думала, не выживу. И всего-то решила задать вопрос... Зачем? Поинтересовалась по глупости...

«А я, похоже, сейчас попал», — подумал Антон, сдерживая зевок, это была слабость, последствие затмения, а вслух спросил:

— И в чем же он знаток?

— Крупный специалист по аквариумным рыбкам.

— Вот как? Никогда бы не подумал...

— А то!

— Я бы скорее предположил, что он... ну, не знаю... коллекционирует холодное оружие, — принялся рассуждать Антон, — или там еще чем-нибудь посущественнее занимается... Вид у него соответствующий. Я знаю, у него есть одна странная идея, но это к делу не относится. А тут вдруг какие-то рыбки... Как-то слабо...

— Они у него не какие-то, — возразила Галка. — Только попробуй ему такое скажи.

— Зарежет? — улыбнулся Антон.

— Ага. Он и Аркадия подбил на то, чтобы тот завел у себя аквариум.

— Ах, вот оно что... Теперь понятно. Видел я этот бассейн для ихтиандров. Ну что сказать: впечатляет.

— Еще бы! — подхватила Галка. — А сколько денег он в эту затею вбухал — страшное дело!

— Не сомневаюсь. Такой океанариум действительно будет денег стоить. Так ведь за ним еще и ухаживать надо?

— А как же! Следить, чистить и все такое прочее. Аркадий сам заниматься этим, естественно, не будет, да у него и времени свободного на это нет. Для этого как раз и существует Игорь Истомин.

— В смысле, сам предложил, сам и...

— Конечно. Он же специалист.

— Логично, — согласился Антон. — И как же это выглядит?

— Обыкновенно. Приходит в определенные дни и делает все, что надо. Аркадий ему платит за это.

— Как бы садовник, в общем... Смотритель аквапарка, — поправился Антон.

— Просто Игорь таким образом реализует свою мечту. У него и условий домашних для такого большого аквариума нет, и тем более денег для его содержания. Там очень дорогие рыбки имеются, коллекционные экземпляры, некоторые прямо крокодилы какие-то — их специально откуда-то выписывали...

В Галке обнаружилась взволнованность. Антон вдруг поймал себя на том, что сумел отвлечься. Что-то довлело над ним и словно заводило в тупик — должно

быть, память об испытанном страхе. В нем еще держался страх от возможности повтора, нового затмения, он боялся в него провалиться, однако теперь это чувство, связанное с болезненным равнодушием, отступало.

Золотые рыбки, крокодилы. Все это выглядело почти невероятно и не имело никакого отношения к Антону. Не мешало бы внести немного ясности в эту захватывающую историю.

— Я от подобной экзотики далек. У меня вообще никакой живности дома нет, да и не было никогда. Даже не представляю, какая тут может быть мечта, если в детстве только...

Однако он споткнулся об одно теплое слово и тут же обреченно подумал: «Да и дома теперь у меня нет».

Галка сразу нашла, за что ей ухватиться. Она как будто и ждала момента, чтобы наконец ей выступить.

— Господи, о чем мы только ни мечтали! Я, например, хотела быть балериной, выступать на сцене Большого театра, а сейчас самой это кажется странным. Потом я хотела выучить несколько языков... для начала английский, итальянский, французский... и ездить по разным странам, быть переводчиком... А Света Друганова хотела стать учительницей младших классов. Была бы сейчас, наверное, классной руководительницей. Очень она хотела детей учить. Мне бы такое скажи, я бы ни за что, мне моих школьных лет хватило, а у нее вот такая была мечта... Но все это в прошлом, конечно...

— Да, — неопределенно высказался Антон.

— Нам бы справиться с настоящим, — продолжила Галка, — с тем, что у нас есть, что вышло, но, однако, это не мешает нам продолжать мечтать и воплощать мечты в жизнь. Без обновления нет жизни, но мы часто боимся этой новой жизни, избегаем ее. Мы просто боимся перемен, все новое нас пугает.

Она замолчала; в наступившей паузе Антон сообразил, что все это она проговорила, глядя в стол; он и сам уперся взглядом в его середину, в пустую чашку из-под кофе и тарелку с половинкой пирожного, а теперь Галка подняла глаза, и он следом за ней увидел в них отражение какой-то прежде спрятанной просьбы, в которой еще можно было распознать грустную доброту и желание примирения. Выглядело это довольно неожиданно.

— Я так много хотела сказать, — наконец призналась она, — но что-то растеялась. Я все не о том говорила, не знаю даже...

Он замер; было такое чувство, что ему сейчас ничего не надо говорить, лучше помолчать, чтобы не мешать ей.

— Тебе надо встретиться с ней.

Эти слова она произнесла легко, без видимого усилия, — что-то в ней отпустило, преграда была преодолена.

«Ну, наконец-то! — вспыхнуло у него в голове подтверждение того, о чем он уже должен был догадаться. — Вот к чему она вела, вот зачем нужна эта встреча!»

— Я думал об этом. — Он старался быть взвешенным и ровным. — Но как это сделать?

— А разве есть какие-то сложности? — Она вернулась в разговор, освободившись от недомолвок и ненужных реверансов, — теперь каждое слово было по делу.

— А как же... Я не знаю, что она думает по этому поводу.

— Она думает положительно. Она осталась одна.

— Это я понимаю, но примет ли она меня?

— Не может быть никаких сомнений.

— Вот как... — нервно вздохнул Антон; у него забилось сердце в предвкушении неожиданно счастливого разрешения, казалось бы, незыблемой беды. «Все ясно, она берется это устроить. Посредник в мирных переговорах. Окончательное

примирение. Праздничный салют. Как все, оказывается, просто, а я мучился... А она?» — задумался он.

— Надо всего лишь увидеться с ней, — повторила Галка с таким убеждением, что не верить ей было уже невозможно.

— Это она тебя послала?

— Ну... — замаялась она. — Я бы не могла так сказать. Я с ней говорила, и я знаю, что она испытывает в душе. Ей сейчас очень тяжело. Вся эта неожиданная история больно ударила по ней. Она в депрессии.

— Я виноват, конечно.

— Не надо себя винить, надо жить дальше.

— Нет-нет, я признаю, что вел себя, как... — Он не смог подобрать нужного определения. — Даже не знаю, что на меня тогда нашло. Злость была.

— Для нее это такое потрясение.

— Еще бы. Я дурак.

— Решиться сделать всего один шаг, и все наладится.

— Я, конечно, хотел вернуться, но... Вера действительно меня ждет?

— Вера? — переспросила Галка; искреннее удивление на ее лице заставило очнуться обоих. Они каждый говорили о своем, не общем и не слышали друг друга. Разом все выяснилось: эти заклинания, призывы, признания и бормотание не имели никакого отношения к реальному положению вещей.

— Наши поезда, оказывается, направлялись в разные стороны? — спросил Антон; он почувствовал себя обманутым из-за какой-то несостоящей внимания ерунды.

— Какие поезда? — растерялась Галка; ей, кажется, было еще хуже.

— Так ты мне все это время не про Веру говорила? И вся эта встреча была затеяна не из-за нее? А для кого же ты тогда старалась?

— Я... Я про Свету говорила, — пролепетала она.

— Какую Свету? — раздражение в нем нарастало; ситуация, в которую он попал, была настолько глупой и нелепой, что он уже готов был закричать.

— Свету Друганову.

— А она-то тут причем? — спросил он и осекся. — Ты что себе придумала? С тобой все в порядке? Куда ты лезешь?

— А как же тогда вся эта история на даче? — попыталась она протестовать. — Максим ведь ее бросил, она теперь одна.

— Кто тебя послал?

— Я не понимаю... Никто меня не посылал. Аркадий рассказал о том, что...

— Аркадий? А я-то как попался... — Антон невесело усмехнулся. Нет, он не дурак, он просто идиот. Он видел перед собой растерянное и насквозь глупое лицо, в котором еще что-то оставалось от придуманных благих намерений, и именно из-за этих жалких остатков хотелось сказать ей что-нибудь обидное, какую-нибудь такую гадость, чтобы сразу отыграться за все постигшие его неудачи. Иногда он пользовался готовыми злыми ярлыками, чтобы дать определение человеку, — так легче было пережить возможные провалы в отношениях. «Какое радушное говно», думал он про одного скрытого мерзавца, «искрометный дегенерат» — доставалось от него другому отличнику хамства и скудоумия, «примандевшая примандонна» — припечатывал он нагловатую стерву. А как быть с Галкой? Как назвать ее? Оставить «невестой байкера»?

Он совсем не слушал ее сбивчивых оправданий. «Надо жить дальше»... Как учительница или добродетельная бабулька меня уговаривала. Просто комедия».

— Ты дура?

Она вспыхнула, упав дыханием на полуслове, в глазах блеснули слезы.

— Нет, я просто интересуюсь, — решил он немного покуражиться в отместку. — С какой стати ты все это выдумала? Тебе какая награда за это?

— Это не я...

— А я уже было поверил, что смогу вернуться к Вере. Я прямо-таки воодушевился.

— Но тебе и правда некуда возвращаться, — собралась с духом обиженная Галка. — У нее новые отношения.

— Новые отношения? — удивился Антон. — Это с кем же? Даже не рискну предположить. Я сейчас услышу очередную фантастическую историю?

— Ничего подобного. Она нашла себе замену и встречается со Светой Другановой. Они теперь подруги.

— Что за чушь ты мне тут несешь? — не сдержался Антон. «Она же сумасшедшая, — мелькнула у него догадка, — точно сумасшедшая!»

— Да об этом уже все знают! — выдала вдруг Галка с каким-то непонятным вызовом, и Антону показалось, что сейчас он заработает воспаление мозга. Это было нечто большее, чем простое недоразумение. Что она хотела этим сказать? Что «знают» да еще и «все»? Просто голова кругом. «Решиться сделать всего один шаг, и все наладится». Все окончательно разладилось, стало бредом. Он отказывался что-либо понимать.

Глава четырнадцатая

КАК ТОЛЬКО, ТАК СРАЗУ

В сущности, все лежит на поверхности, и надо только уметь вовремя увидеть скрытое. Эта готовая формула вполне могла бы ему помочь, но тут был совсем другой случай, — он ничего не знал, ему не за что было зацепиться. У него не было ни малейшего повода, ни единого проблеска на этот счет. Вера и Света, Света и Вера. Эта пара была для него совершенно неожиданной. Что тут правда? И что вообще случилось, когда он выпал из круга общения? Он оторван от друзей и знакомых. У него нет никаких сведений о том, что происходит вне его бессмысленных шатаний и стенаний. Ему совершенно не на чем гадать. Вот утром по радио объявили туман, и теперь, вечером, он состоялся. Все совпало, никакого обмана. Но тут... Вместе бегают в парке, прямо группа здоровья. К чему это? Как объяснить?

Зернистый, желтый туман пеленал тускло освещенную улицу умиротворенно свисавшими нитями влажного воздуха. Антон Лепетов напряженно шагал домой, пробивая себе путь среди вороха опавших листьев, и судорожно думал о накрывшем его облаке проблем. Решение пришло быстро. Ну, конечно, как же он сразу не сообразил? Это не викторина, не игра, однако звонок другу должен выручить, когда в чем-то сомневаешься или вовсе не знаешь. Аркадий Зулусов ответил после третьего гудка, но не дал вставить Антону хотя бы слово. «Я сейчас в Москве, — весело сообщил Аркадий, — по делам, на днях приеду, а сейчас занят, извини, не могу говорить. Я потом перезвоню!» Обещание прорвалось уже почти криком, подтверждавшим удаленность. Его поддержал визгливый женский смех и громкая музыка.

Ну ладно, продолжал размышлять Антон, пытаюсь зайти с другой стороны. Что мне Галка напела? У нее же концы с концами не сходятся. Она запуталась в показаниях. Сначала мне Свету Друганову придельывала, а потом вдруг объявила ее и Веру подругами. Каково? А еще «замена» — как это прозвучало... Ну и самое, конечно, сногшибательное — это «новые отношения». Это, вообще, из какой оперы? О чем? Дура просто потрясающая!

Тут мимо него стремительно пронеслись две вечерние бегуни в спортивных костюмах — и он отшатнулся.

«Какая же я дура!» — в очередной раз сказала себе Галка Обойдина. Ей было

Невыносимо стыдно, она раскаивалась. Что я сказала? Зачем? Она сама не понимала, как так вышло. Она ведь хотела сказать совсем о другом, но у нее ничего не получилось, да и не могло получиться, духу не хватило. Ее сбил с толку Аркадий. Вернувшись из кафе домой, она попыталась вспомнить, как он направил ее по этому пути. Конечно, она ему поддалась, даже не заметила как. Ну да, она рассказала, что видела Веру и Свету в парке. Конечно, это событие после того, что произошло на даче. Неожиданный поворот: они выглядели давними беззаботными подругами. Разумеется, это вызвало удивление. Помнится, дошло даже до недвусмысленных намеков; диджей Егор Коновалов с усмешкой предположил: а может быть, у них того, любовь? Это ведь теперь так модно. Однако модно это было где-то далеко отсюда или, в крайнем случае, по телевизору, в кино или новостях. А тут такой моды все же до сих пор не знали, и потому эта оригинальная версия, после еще двух-трех комических реплик, отпала сама собой. Предположительно оздоровительный бег, затеянный для борьбы с лишними калориями (а чего еще ради?), воспринимался как анекдот — но это на короткой дистанции. Прошло еще какое-то время, и неожиданно тема вернулась, но уже не в юмористическом преломлении, а почти драматическом.

«Там пахнет любовью, разве нет?» — спросил Зулусов. На самом деле, он ни к кому не обращался, ничего не спрашивал. Его предположение, сделанное вслух, прозвучало как утверждение. Он словно чуткими ноздрями уловил некий разлитый в отдалении, вне понимания и логики, эфир. Действительно, никто не брался объяснить внезапное сближение Веры и Светы, а в исполнении Зулусова это получилось так убедительно и весомо, что Галка, уточняя координаты происшествия, невпопад спросила: «У кого?» Она почувствовала, что у Аркадия есть свое представление на этот счет, и оно ничего общего не имеет со случайными хаханьками. Он уже своим вопросом-ответом, произнесенным серьезным тоном, все объяснил.

Так она попалась. Ей и прежде приходилось очень часто обманываться — и в светлых помыслах, и на всякой ерунде. Да, пожалуй, она обманывалась всегда, уже с самого детства. Ей очень нравилось слово «подарки»: повторив его несколько раз про себя, можно было поверить в то, что жизнь прекрасна. Ее наивность никак не была связана с возрастом, она сохранила в себе основы познания мира на самом незамутненном уровне.

Она жила вместе со старыми родителями, которым уже было хорошо за семьдесят. Ее мать, скромная и трудолюбивая женщина, и после выхода на пенсию проработавшая еще несколько лет в трамвайном депо, говорила: «Галя у нас сущий ребенок». Отец, бывший военный, был немногословен, он вообще редко разговаривал и по старой армейской закалке держал все в себе. Но однажды и он не выдержал. Ситуация была самая обыденная: в дверь квартиры позвонили, и Галя вышла в коридор, чтобы узнать, кто бы это мог быть. Буквально через несколько секунд она вернулась обратно, оставив распахнутой настежь дверь, нет, она вбежала в комнату с какой-то большой коробкой на руках, взволнованная, вся сияющая от невообразимого счастья, и выпалила, стремясь поделиться радостью: «Это нам подарок! Рекламная акция, набор столовых приборов!»

Родители смотрели телевизор. Мать непонимающе улыбнулась, уже готовая подхватить восторг дочери, а отец все понял сразу, его провести такими уловками было невозможно. Он поднялся с дивана, выхватил из рук Галки коробку, прошагал к ожидавшему в подъезде молодому продавцу-агенту, всучил ему обратно его подарок и со словами «Нам ничего не надо» хлопнул дверью, после чего настал черед разобраться с Галкой. «У тебя совсем, что ли, соображения нет? — упрекнул он ее в сердцах. — Ты ведь за этот подарок сполна заплатишь, еще и больше, чем он стоит!» Мать попыталась заступиться: «Ну ладно, не кипятись, ничего страшного не случилось». Однако ее примирительная улыбка вызвала новую ти-

раду отца, с еще худшим для Галки итогом: «Страшное потом случится, когда нас не будет. Кого она в дом пустит? Всю квартиру обнесут! Вырастили дочь — настоящий подарок!»

Она тогда обиделась, но ей еще не раз приходилось обижаться и тут же забывать про обиды. Она была отходчива, ее спасал добрый нрав. Парня у нее не было. Наверное, ей не везло; были какие-то мимолетные встречи и скоротечные истории, которые ничем не заканчивались. Почему? Она об этом не задумывалась. Если бы она на этом застряла, она бы совсем пропала. Галка все же была натурой деятельной и к тому же восторженной — даже чересчур, что, должно быть, отпугивало возможных кандидатов. Еще в школе она решила, что ей завидуют, — так можно было с достоинством переносить любые насмешки. Потом, правда, она об этом забыла, но достоинство осталось при ней, изменилась лишь форма самооощущения, позволившая ей и дальше сохранять душевное равновесие, насколько это было возможно. И если соседи по дому иной раз пытались поставить ее в тупик своими неожиданными вопросами, то ей удавалось не показывать им своей растерянности или, того хуже, раздражения. Ну и как было реагировать на такие, к примеру, слова, сказанные ей сухонькой и востроглазой старушкой, любопытной на всякий случай по всякому случаю и день-деньской проводящей на лавочке у подъезда: «Что-то отца твоего давно не видно, на улицу совсем не выходит, не заболел ли? А то я его видела как-то у магазина: идет еле-еле, весь согнулся, с палочкой...» Или когда ее соратница по бессрочным дворовым бдениям, «подружка», как они говорят между собой, безобразно толстая и неопрятная женщина непонятного, потерянного возраста, с надутым детским лицом, спрашивает: «Это не твой парень вчера у лифта блевал? Ну просто невозможно — весь кафель уделал! Шатаются всякие пьяные...» В другой раз соседка, а по совместительству еще одна «подружка», в неизменном халате ядовитой расцветки, остановила ее на лестнице и отчитала: «Вы бутылки пустые из-под вина и пива у мусоропровода не оставляйте, пожалуйста. Что за моду такую взяли — почти каждый день... Неужели нельзя за собой убрать?!» И все это так запросто, бесцеремонно, с внимательным, цепким взглядом в ожидании ответа. Ну и что им Галке ответить, когда нет никакой палочки, никто не согнулся, и парня у нее нет, тем более пьяного, нет и бутылки? Ей надо оправдываться? Сказать, что они что-то напутали? Так ведь они и так все это прекрасно знают. Хотят ее как-то поддеть, уколоть? Ну, это им много чести будет, если так о них думать. Они чувствуют в ней какую-то слабость, раз уж себе позволяют такое, если обращаются именно к ней, а не к тому, к кому бы следовало. И она нашла выход из положения, чтобы не замечать их выходок. Она ведь совершенно напрасно решила, что ее спрашивают с каким-то умыслом, на деле все эти люди, конечно же, были с придурью и прибабахом.

Да, она повелась не в ту сторону, теперь она отчетливо это понимала. Но как Аркадий смачно произнес это слово, «любовь», как сладко при этом повел губами, словно ему довелось отведать дорогого коллекционного вина. Наверное, она растерялась. Она же хотела как лучше, а вышло... И зачем она призывала Антона вернуться к Свете, если сама же потом сообщила ему о «новых отношениях»? Какая нелепость...

«Я хотела как лучше».

Туман рассеянно копошился вокруг нее, съедая свет и тьму, оседая неумолимым серым облаком, влажно дышал ей в лицо. Наступало безутешное время откровенных признаний. Но Галка не хотела ничего нового узнавать о себе. Она была готова расплакаться, так ей было стыдно. С ней давно такого не случалось. Она даже не помнила, как добралась до своего дома, — ее голова работала в режиме аварийной ситуации. Но потом, когда она уже оказалась в квартире, в знакомой обстановке, услышала работающий телевизор, представила себе сидящих перед

ним родителей (заглядывать к ним не стала), она вдруг очнулась, перестала нагнетать страсти и решила, что все поправимо, — это недоразумение с Антоном не будет иметь для нее серьезных последствий. Да, все образуется. Она вспомнила, какие бешеные были у него глаза. Как исказилось его лицо. Как он вскочил из-за стола... Казалось, еще немного, и он ударит ее. Он был прекрасен.

Туман двигался вровень с Антоном — прогулочным шагом. Пора было успокоиться. Слепой ночной десант на город удался вполне. Захваченные окрестности покорно капитулировали, погружаясь в немоту казенного единообразия. В этом командантском часе нашлось что-то ободряющее и для Антона. Он вдруг вспомнил, или ему показалось, что Аркадий по телефону, в самом конце, когда уже его отрезала от связи волна музыки и смеха, успел еще раз... да, подтвердить, что непременно, когда вернется из Москвы домой, то обязательно с ним встретится... ну, разумеется, о чем разговор, как только, так сразу... И почему-то Антон за это ухватился, словно нащупал какую-то нить, способную дать ему разгадку, вывести на свет истины. Он снова поверил в Аркадия, в его осведомленность, в его возможности, в то, что именно к нему сходятся в итоге все нити, вот он и поможет распутать клубок, во всяком случае, объяснит, что происходит за его, Антона, спиной. А что же Галка? Он совсем забыл про Галку, она напрочь вылетела у него из головы, исчезла в непроглядной тьме.

Нарезанные колесами машин слои живой, смачной грязи, превосходящей любовь пластилин, заставили Максима Друганова остановиться. Он не хотел увязнуть.

Осень в тумане зажгла свои тусклые огоньки. Кажется, он оказался на месте. Вот и зеленые металлические ворота с детскими рисунками: самолет, парашют, забавные рожицы, еще что-то — он подошел поближе, чтобы разглядеть. Конечная остановка. Ну, примерно так Галка и рассказывала, она была в курсе. Такси все равно уехало — значит, сюда, больше некуда.

Максим напился — и как-то безобразно это у него вышло, с неожиданной тоской в финале. Надо разобраться. И решил — просто надо. Не со Светой. С ней-то все понятно, пошла бы она куда подальше... И уже пошла, ему теперь до нее нет дела. А с Антоном надо бы встретиться, хорошо так поговорить, как мужчина с мужчиной, ведь это же никто не поймет, если он все так оставит без ответа. Тут уж ничего не поделаешь — таковы правила...

«Вот сука!» — процедил Максим сквозь зубы. Он уже все знал про нее. Пошатываясь, подергал калитку. Ну как тут... Закрылись, значит. Пнул ногой. Что дальше? Еще раз пнул, подергал, ударил. «Я еще увижу твою наглую морду, чтобы взглянуть тебе в глаза». От одной этой мысли он воодушевился. И неожиданно сорвался, заорав мокрым, пьяным голосом:

— Эй, ты, герой-любовник! Что прячешься? Выходи, поговорить надо!

А теперь еще и забарабанил кулаком по воротам, отозвавшимся гаражным грохотом.

— Ну что, испугался меня? Покажись, если не баба!

В окружающей тишине, насыщенной далеким, застоявшимся гулом, пониженным до шороха, и монотонно сочившейся капельками влаги, холодок которой Максим ощущал открытым затылком, ему вдруг стало зябко. Он почувствовал, что продрог, словно отдав вместе с криком последнее тепло в неотзывчивую и враждебную пустоту.

Угадываемая впереди, на траектории крика, темная громада дома покачнулась. Движение приоткрыло узенькую полоску света, сумеречные ветви, нависшие над забором, и что-то похожее на строй ящиков, накрытых брезентом. Скорые шаги

по дорожке прелезували так четко, что Максим, закрыв свой глаз, увидел человека в пляжных шлепках, надетых на босу ногу; каждый свой шаг он бойко отщелкивал резиновыми шлепанцами. Максим поежился и подтянул воротник куртки; тут его ожидаемо стошнило — он успел повернуться к ближним кустам. Над воротами показалась всклокоченная голова.

— Кто тут не баба?

Голос был бодрый и даже с оттенком веселости, какую взрослый при других обстоятельствах может снисходительно выказать в отношении шалуна-ребенка. Максим закашлялся и сплюнул.

— Это ты тут кричал? Кого потерял?

Максим стоял согнувшись и упершись ладонями в колени. Куртка налезла ему на голову. Он никак не мог отдышаться.

С чугунным, противным звуком отворилась калитка.

— Э-э, да ты в беде, — протянул все тот же голос.

— Я к Антону, — наконец выдохнул Максим. — Антон где?

— К кому? — удивился вроде бы Геннадий Семенович (а это был, конечно же, он) и тут же сообразил. — Ты его друг, что ли?

Эта любознательность была похожа на допрос, но отвечать Максиму не пришлось.

— А он звонил вот только недавно, завтра хочет приехать, так что повезло тебе. Идти сможешь?

— Смогу.

— Ну, давай тогда, прямо по курсу.

Добродушный Геннадий Семенович сообразил, что гостю надо прилечь; он посторонился, запуская его в провал калитки по заданному направлению, и Максим как был, не разгибаясь, с курткой, застрявшей на голове, ринулся вперед, ограниченным зрением цепляясь за гравий дорожки. Слева и справа от него что-то потревоженно задвигалось, а в спину ему участливо несло:

— Вот так, на свет... Там ступенька, смотри... Лежанка сразу за дверью. А туалет, если что, уж извини, на улице... справа, не ошибешься...

Радужное поведение Геннадия Семеновича, пустившего в дом на ночь глядя незнакомого человека, объяснялось просто: он еще днем успел основательно расслабиться, отобедав с «двумя рюмочками водки», означавшими усвоенную им норму и вместе с тем основание для повышенных обязательств. В объявившемся госте он признал родственную душу, ему было знакомо его состояние.

Ночь прошла спокойно, без опасений и судорог. Утро встретили за немногословным чаепитием на веранде. Рюмочки хватило одной и только для Геннадия Семеновича, гость отказался. Атмосфера была сдержанно-выжидательная. Странным образом в Геннадии Семеновиче поселилось неожиданное чувство вины, и он даже не смог бы себе объяснить, за что; в общем, он был несколько смущен, и даже малой толики этого смущения вполне хватало для того, чтобы впасть в некое подобие душевного оцепенения. Он даже покашливал в кулачок. Гость всем своим сумрачным видом внушал Геннадию Семеновичу что-то вроде почтения. Что он там вчера кричал у ворот?

Неизвестно, что уж он там себе успел вообразить, пребывая в похмелье, выходя из похмелья, однако по-настоящему проникнуться бессмысленностью ситуации Геннадию Семеновичу не довелось. Помешал, или, наоборот, все выправил приход соседа, Владимира Петровича.

— Кто-то тут ночью орал истошно, вот я и зашел проведать, все ли живы?

Он, конечно же, отметил присутствие в доме нового человека.

— Да нормально все, — пришлось объясняться Геннадию Семеновичу. — Это от избытка чувств... Вот знакомый Антона приехал. Э-э...

Но представить его он не успел, да и как бы он сумел это сделать, не зная имени ночного гостя?

— Максим, — смущенно представился Друганов; он рассчитывал на скорое разрешение конфликта, на стремительный натиск, отнимающий у его противника всякую уверенность, на то, что поставит его в безвыходное положение, загонит в тупик, и теперь сам оказался в тупике, возбуждение прошло, и решимости в нем при свете дня значительно поубавилось. Он вообще не мог вспомнить, как здесь оказался и что за люди его окружают. Он заполнил своим покаянным смущением всю веранду, так что Владимир Петрович даже вынужден был поинтересоваться у Геннадия Семеновича:

— Можно мне присесть?

Наступившее следом молчание было такого рода свойства, что вынести его мог разве что какой-нибудь безоглядный герой, устремленный к свершению нового подвига и не обращающий внимания на разные житейские мелочи и условности.

Первым не выдержал Геннадий Семенович.

— А вот... — начал было он.

И тут же, почти одновременно с ним, вступил Владимир Петрович:

— Тут вчера...

Их слова столкнулись и застряли в воздухе. Геннадий Семенович кашлянул и жестом показал, что уступает. Владимир Петрович, поерзав на скрипучем стуле, продолжил:

— Да, тут вчера такая беда случилась... Степан-то Кириллович наш взял да и умер. И не болел вроде бы. Я его на прошлой неделе видел, — заходил ко мне в гости...

— Это какой Степан Кириллович? — встрепенулся Геннадий Семенович.

— Ну, Степан Кириллович, ты его знаешь. Это который мотоцикл с коляской чинил. Рябой, у него еще шрам на переносице.

— Да-да.

— На Земляничной живет. А мне соседка сказала, она за молоком ходила и узнала...

— Так ему уж лет-то хорошо было...

— Восемьдесят шесть.

— Я думал, что все девяносто. Почетный возраст.

— А как же, — вздохнул Владимир Петрович. — Возраст почетный, конечно, но смерть все же выше любого почета.

Им приходилось общаться между собой, что называется, через голову. Между ними находился Максим, он вроде бы и не мешал, его почти не было, если только смущал немного, как неизвестный предмет, случайно попавший в обжитое и проверенное пространство, — он, уже не зная, что ему делать дальше, продолжал упрямо сидеть, костенея в молчании. «Нет, я все же дождусь и увижу твою рожу, — с новой силой сопротивления вспыхнуло у него в неуспокоенной голове, — не может быть, чтобы я этого не дождался». А Владимир Петрович, между тем, продолжая разговор, нет-нет да и поглядывал на него (все же на всякий случай настороже надо быть, памятью о ночном крике), признавая в нем объект, годный для изучения, сопоставления и последующей классификации, несмотря на скудость предоставленной информации. Но, конечно, так долго тянуться это не могло. Избавление для всех наступило тогда, когда наконец-то объявился Антон; у него получилось бесшумно, незамеченным пройти по тропинке к дому.

— А тут тебя Максим дожидается, — сообщил ему Геннадий Семенович с явным облегчением.

Казалось, что Антон, увидев Максима, нисколько не смутился. Он был заведен и поглощен совсем другими обстоятельствами.

— Вы, я смотрю, познакомились.

Возможно, в лице Антона проявилась какая-то строгость, однако в голосе можно было уловить еще и нотки снисходительности и даже безразличия, которые любому, а внезапно сникшему Максиму так тем более, рассказали бы о заново обретенном достоинстве, весьма внушительном по весу.

Геннадий Семенович тут же встал, как бы извиняясь за то, что не дождался его разрешения на общение, Владимир Петрович, теперь уже не таясь, откровенно уставился на Максима, ожидая от него хоть какого-нибудь (вряд ли действительно) оправдания ночного шума, а сам Максим оказался в постыдном замешательстве, растеряв последние крохи былого воодушевления; но что-то в нем все же щелкнуло спустя мгновение, и он с запоздалым вызовом спросил:

— Не думал меня здесь встретить?

— Я о тебе вообще не думал, — ответил Антон.

— Вот как... — протянул Максим, поглаживая руками колени; видимых причин для того, чтобы быть ему дураком, у него не было, а больше он ничего не мог придумать.

— У тебя тоже другие мысли появятся... Но ты, наверное, еще не все знаешь?

— Да я, наверное, вообще ничего не знаю и не понимаю!

Попытка Максима сострить не удалась, да и вряд ли она была уместной в данной ситуации, даже если бы сошла за сарказм, — Антон пропустил его выпад мимо ушей.

— Ты Свету когда видел?

— И это он меня спрашивает! — усмехнулся Максим и повел по сторонам взглядом, как бы не веря тому, что услышал, и словно призывая в свидетели Геннадия Семеновича вместе с соседом; его губы готовы были прошептать «неслыханно!» или «какая наглость!», но об этом и так можно было догадаться, и лишь один Антон не поддавался никаким знакам.

— Ты зубами не скрипи, это теперь без толку. Я с тобой не собираюсь выяснять отношения.

— Зато я собираюсь, — заявил неожиданно вернувшийся в прежнее расположение духа Максим; он даже привстал из-за стола, чтобы обозначить свое недовольство.

— Эй, подождите! — вскочил Геннадий Семенович, справедливо полагая, что дело примет скверный оборот.

— Вы извините, конечно, что я вмешиваюсь, — подал свой вкрадчивый голос и уже достаточно знакомый Антону пенсионер-индиго; он, собственно, и обращался исключительно к Антону, — но мне кажется, вы не с того начали.

— Да-да, — вмешался Геннадий Семенович, — непонятно вообще, о чем тут спор.

— А никакого спора нет, — пожал плечами Антон. — Я ему встречу не назначал.

— Еще бы! — усмехнулся Максим. — Тебя ведь из дома поперли? Не до этого?

— Я сам ушел.

— Просто признаться не хочешь.

— Ты ошибаешься.

— Ну, конечно, а это теперь твоя штаб-квартира? Нашел здесь временное прибежище?

— Тебя это не касается.

— Сам ушел, точно. Я подтверждаю, — встрял в разговор Геннадий Семенович.

— И остаться не предложили... А как же твоя новая любовь? Где она? — Максим игривым скоморохом согнулся и приподнял край клеенки для наглядности поиска. — Куда подевалась?

— Тебе станет еще веселей, когда ты узнаешь, с кем теперь твоя жена проводит время, — перенаправил его Антон.

— Моя жена? Нет, только не мне. Я не знаю, кому... — но он внезапно прервался, порывисто выбрался из-за стола — раскрасневшийся от переизбытка эмоций — и кинулся пожимать руку оторопевшему Антону. — Нет-нет, я, правда, благодарен, хотя и неожиданно, конечно. И даже дико, наверное. Все к тому шло — я просто не успел, она меня опередила. Вернее, ты опередил. — Максим продолжал трясти руку. — Можно даже сказать, помог. Помог — ускорил процесс, разрешил ситуацию, ведь зрело, все зрело и случилось бы, но потом, когда-нибудь, а тут — как подарок, просто вывел меня из-под огня и потока женских слез... Нет, правда, спасибо — вот как есть, так есть. Вот совпало... В общем, предвосхитил, разом от многого спас, на себя взял...

Его сбивчивая речь произвела сильное впечатление — примерно такого же порядка, как стремительное крушение товарного поезда, груженного бревнами, на железнодорожном мосту через полноводную реку. По крайней мере, Геннадий Семенович и его сосед, пенсионер-индиго, ощутили себя причастными к какому-то из ряда вон выходящему событию. Совершенно случайно они стали свидетелями чего-то важного и незабываемого — еще немного подождать, и все окончательно проявится и разъяснится.

Абсурдность ситуации заворожила их настолько, что они не проронили ни звука. Антон довольно быстро совладал с «заново открывшимися обстоятельствами» и пришел в себя. Он отдернул ладонь и сказал:

— Не надо меня благодарить — за что? Это пошло и глупо.

— Нет, это не глупо, — продолжил настаивать на своем Максим. — Я только сейчас, тут, это понял. Еще пять минут назад не знал, что пойму.

— Как-то это все... даже не знаю.

— А что тут знать? Все очень просто, я бы даже сказал, примитивно, и понять это не составляет труда.

Кажется, наконец-то, что-то понял и Геннадий Семенович.

— Я за рюмками, — ни к кому не обращаясь, сообщил он и поднялся со своего места.

— А я чайник поставлю, — увязался за ним сообразительный пенсионер-индиго и запричитал уже за дверью затихающим, робким голосом: — Все же помянуть надо Степана Кирилловича... хороший был человек, царствие ему небесное... отзывчивый, без дури всякой напрасной...

Они там еще говорили о чем-то самом простом, отделенные от чужих проблем прикрытой дверью, производили необходимые сборы, а когда вернулись обратно, то обнаружили перемены — веранда преобразилась, она стала светлее, это из-за туч выглянуло солнце, и сразу вся атмосфера перестала быть сумрачной, и лица наглядно посветлели и, кажется, отношения перестали быть натянутыми...

— До сих пор не пойму, как это все вышло, — каялся Антон. — А потом покапало — не остановишь...

— Я морду тебе хотел набить, — признался Максим. — Прямо руки чесались.

— Да я сам себе хотел морду набить после всего этого, — вздохнул Антон.

— Однако холодновато уже становится вот так сидеть на веранде, — заметил пенсионер-индиго. — Не лето все же.

— Терпимо еще, бодрит, — возразил Геннадий Семенович и простовато предложил гостям: — Разбавим беды?

У него, по обыкновению, было припасено. Никакие обыски и внезапные рейды, предпринимаемые женой Ритой, не могли загнать его в угол.

— А ты еще в отпуске? — удивился Антон.

— Ага, гуляю на полную катушку. А потом, глядишь, завод еще отпустит, если заказов не наберут. Будет тогда бессрочный отпуск.

— Рита не донимает?

— Да нет, у нас перемирие. Мы сейчас друг другу не мешаем. Это ведь моя законная территория, родительская дача. Тут у нее особо командовать не получится, не у себя дома... Ну так, иногда с инспекцией заявляется, но не в полную силу, без агрессии, для вида только, у меня тут не разгуляешься...

Геннадий Семенович говорил весомо, как бы со знанием дела, каждым словом, чтобы никто не сомневался, утверждая свою значимость и положение безграничного хозяина — вот в этом самом месте так уж точно. Должно быть, в продолжение этих хозяйских мыслей, свивших в его голове уютное и безопасное гнездышко, он совершенно последовательно спросил у Антона:

— А ты что сегодня хотел?

Он, конечно же, всего лишь поинтересовался «для чего, с какой целью приехал?» — в самой мягкой, расслабленной форме, не имея в виду какого-либо упрека или пренебрежения. Умысла не было, а потому отторжения не произошло.

— Я? — переспросил Антон; его застали врасплох, впору было ему призадуматься: действительно, зачем? А ведь еще и спешил, просто рвался сюда, на дачу соседа, которого прежде едва замечал и который теперь стал для него... но кем, кем он стал? И отвечая на вопрос, а вернее, пытаясь объяснить самому себе и в самый последний момент, наконец-то, понимая, откровенно выдал: — Не хотел оставаться один. Просто не знаю, что мне делать.

— А сейчас знаешь? — съехидничал Максим.

— И сейчас не знаю. Как-то пусто все...

— Вы извините, конечно, — неожиданно заговорил Владимир Петрович, терпеливо молчавший до этой минуты. — Я в ваши невзгоды не лезу, как говорится, боже упаси, но это в вас (он теперь обращался исключительно к Максиму) уязвленное самолюбие выиграло, когда вы со злости руку ему пожимали. Я угадал?

— Да, со злости, — нахмурился Максим. — А вам-то что?

— Мне ничего, — невозмутимо заметил Владимир Петрович. — Мое дело сторуна.

— Ну, так и не лезьте, если никакого понятия не имеет! Мне еще обниматься с ним прикажете, что ли?

— Да ладно, — сказал Геннадий Семенович, а пенсионер-индиго, сделав наивные глаза, прижал к груди руки:

— Ну что вы... Я вовсе не хотел вас обидеть! Я всего лишь собирался помянуть, а тут...

— Вот и поминайте себе потихоньку, — перебил его Максим. — Я-то не буду, не знаю, о ком речь, а просто так изображать участие — это не для меня. Я для собственного удовлетворения выпью... Водка? — спросил он Геннадия Семеновича, заметив, что тот выставляет на стол рюмки.

— Она самая.

— Да кто же против? — не сдавался Владимир Петрович. — Как говорится, что я еще могу сказать?

Антон засмеялся.

— А может, не надо ничего говорить? — предложил Геннадий Семенович, закончив накрывать на стол.

— Обожди, не хочу остаться непонятым... Я ведь ничего такого не имел в виду, просто в глаза бросается, как это неестественно у вас получилось. У вас словно игра какая-то между собой, вы притворяетесь, что ли...

В вопросительном выражении лица неуступчивого пенсионера-индиго отразился неподдельный интерес; его потертая фуфайка, привыкшая к ладному телу дачника, дышала застоявшимся домашним теплом, напоминающим о конечности человеческого существования, — это был запах возраста, обладающий такой силой убеждения, которой нечего было возразить.

— Однако, — процедил сквозь зубы Геннадий Семенович, а Антон неожиданно продекламировал:

— И кто-то мне сказал, что завтра будет поздно, что надо сделать все сейчас. — И после паузы добавил: — Но он упрямством снаряжен, его он носит как доспехи.

— Ну вот, пожалуйста, опять, — развел руками Владимир Петрович. — Какая-то репетиция. А жить когда собираетесь?

— А вы чем-то помочь хотели? На дуэль между нами надеялись? — в раздражении бросил Максим.

— Даже так? — удивился Геннадий Семенович.

— Помилуйте, — еще больше удивился Владимир Петрович, — какая дуэль? Я ведь ничего не знаю, на самом деле, а только догадываюсь.

— А мне все равно, если честно, что там у вас, — заявил Геннадий Семенович, налил себе в рюмку водки и выпил. — Сами разберетесь.

— Это просто упражнение и ничего больше, — взялся объяснить свою декламацию Антон. — Чтобы обрести равновесие. Привычка из прошлого.

— Ну и как, получилось? — спросил Максим.

— Почти.

— А я знаю, что вам мешает, — снова не удержался от замечания Владимир Петрович. — Я ведь вижу — что-то не так. Вы словно задом наперед говорите. Между вами какая-то ссора произошла, и теперь вам обоим неудобно. — Было видно, что ему не терпится узнать, из-за чего приключился весь этот сыр-бор, и он вернулся к самому началу, счастливо пропущенному Антоном. — Ночью ведь тревожно было. Я о худом подумал после такого крика.

— Вот еще, — поморщился Геннадий Семенович, — ерунда все это. Не надо нагнетать, Петрович, без нас обойдутся. — И потянулся к городским гостям открытым жестом дачного гостеприимства — с бутылкой водки в руке. — За мир и дружбу?

— Да, конечно, — неуверенно ответил Антон. — Кажется, все разъяснилось.

— Еще бы, — подтвердил Максим, пристально на него глядя.

— Ну и хорошо, — недовольно выдохнул Владимир Петрович, несколько досадуя на то, что ничего покамест не удалось ему выведать, и принимая от Геннадия Семеновича наполненную рюмку. — Я только Степана Кирилловича помянуть, чисто символически — и все на этом...

И все выпили — и каждый о своем, имея разные поводы (и менее всего озабоченным тут был Геннадий Семенович), а то и вовсе без повода, окунаясь в возникшую паузу, как в необходимое отвлечение. Словно с этой же целью неожиданно пошел снег — первый в этом сезоне, мелкий, по виду колючий, похожий на крупу, как бы стремящийся побыстрее просыпаться. Все замерли, глядя во двор. Поднявшийся ветер отогнал за тучи солнце, на землю широким крылом сумерек легла тень. Погода решила немного позлиться, и это сейчас было важнее всего; могло показаться, что само время внезапно поменялось, стерев прошлое, и они застыли между событиями, которые им заново предстояло пережить. Или же на их глазах покой должен был встретиться с красотой, перелистнув еще одну незначительную страницу всеобщей летописи жизни, куда были вписаны и их скромные имена. А вернее тут было бы сказать о совпадении и случае, когда от падающей с неба тишины повеяло холодом иных величин и отношений. Наконец Геннадий Семенович кашлянул, и это выглядело почти признанием.

— А ты говоришь, бодрит, — заметил Владимир Петрович.

— Надо же, снег пошел, — опоздав сразу на все возможные рейсы и начала сеансов, сообщил Геннадий Семенович.

— Рановато, — сказал Антон, подняв воротник куртки.

— А что вы хотите, уже конец октября, ноябрь скоро, — разговорился Максим, — обычное дело, первая ласточка, зима на носу, растает.

— Прямо затмение, — нашел еще что добавить Геннадий Семенович.

В оконной створке веранды стало видно, как пространство двора насыщается невесомыми хлопьями; в сквозящем неуютно по-прежнему голой земли воздух зримо потяжелел.

— Вот у меня затмение было... — Антон старался подобрать слова. — Непонятно, что приключилось. Прямо на улице так прихватило, думал, что конец. Голова как не своя была, ничего вокруг не узнавал, и время как будто куда-то провалилось.

— А пил что? — простодушно поинтересовался Геннадий Семенович.

— Да в том-то и дело, что ничего, никакого алкоголя. Вообще не мог сообразить, где я и что я. Как в ступор какой-то впал.

— Такое от сильных переживаний может быть, — предположил Владимир Петрович. — Вы поосторожнее, так и insult можно заработать.

— Да запросто, — подхватил Геннадий Семенович. — У нас на работе одного мужика шибануло: он вроде бы с женой своей собрался развестись и уйти к новой бабе в общагу. Так его любовь забрала, что свадьбу хотел сыграть. А тут вдруг удар — прямо в квартире у жены, когда там имущество какое-то делили. Живой остался, да что толку — на кровати лежит парализованный, как полено, уход за ним требуется, все свадебные планы рухнули. Но это еще не вся история, главное было потом: та баба новая, несостоявшаяся невеста, взяла да и выкрала своего жениха, можно сказать, прямо со смертного одра к себе в общагу. Вот где страсти шекспировские!

— Почти древнегреческая трагедия, — обронил Максим.

— Это ты сочиняешь, — не поверил Владимир Петрович. — Зачем он ей нужен в таком виде, да еще и в общаге?

— А вот и загадка! — торжественно объявил Геннадий Семенович. — Поди, пойми, что там у женщины в голове.

— И чем же все это кончилось?

— Не знаю. Кто-то из наших сначала ходил его проведывать, а потом... Знаю только, что борьба там у них из-за него разгорелась нешуточная.

— Я теперь во что угодно могу поверить, — поддержал Геннадия Семеновича Максим. — Почему бы такому не быть?

— Я тоже, — сказал Антон. — Но у меня что-то другое было, я уверен.

— Опасное состояние. Надо бы к врачу обратиться.

— Надо бы, конечно... Но подожди, как ты меня нашел? Откуда узнал, где я?

— Галка Обойдина подсказала.

— Галка? А она-то тут при чем?

— Она меня на эту дачу навела.

— Откуда же она про нее знает?

— Ты ей сам, наверное, все рассказал.

— Я?! Когда?

— У нее и спроси, когда. Когда виделись, наверное. Она мне все точно описала — даже как ворота выглядят. Я ей позвонил, и она мне все выложила.

Антон действительно был удивлен. «Даже ворота». Он не мог припомнить, что-бы хоть как-то в разговоре с Галкой касался дачи Геннадия Семеновича. Ничего этого не было и быть не могло. Опять эта Галка. Но каким образом? С чего бы это он так с ней разоткровенничался? Затмение, самое настоящее затмение. Не помнил. Неужели с ним все так плохо?

— Похоже, что Галка вообще в курсе всех событий и мимо нее ничего не проскользнет.

— У меня такое же мнение сложилось.

— Ну да, ты же ее больше меня знаешь... А еще она тебе ничего не рассказала?

— О чем?

— О Свете и Вере. О том, что они теперь подруги и даже вместе бегают по утрам.

— Куда бегают? — тупо переспросил Максим; он не мог так сразу переварить то, что услышал.

— Значит, не знал, — вздохнул Антон. — Странно, что она тебе ничего об этом не рассказала... Просто бегают. По утрам. Небольшая группа здоровья.

— Подруги? — Максим попытался сообразить, что означает это слово применительно к Свете и Вере после происшествия на дне рождения Зулусова, но у него ничего не получилось.

— И даже более того. Мне эта самая Галка-всезнайка вообще недвусмысленно дала понять, что у этих «подруг», — Антон намеренно, с некоторой издевкой в голосе, выделил «подруг», подчеркнув свое негативное отношение к новости, которой делился. — Вообще у них обнаружили чувства, и они состоят в отношениях.

Максим ничего не смог сказать в ответ. Для него это стало полной неожиданностью. Антон говорил с ним таким непререкаемым тоном, что ему не пришлось в голову обратить все это в шутку. Раньше бы и пришлось, наверное, но не теперь.

Уже и солнце снова показалось, раздвинув тучи и прогнав ненастье, осенним благодарным светом озарив окрестности, от недавнего снега не осталось и следа, а Максим неожиданно помрачнел. Его словно насильно втягивали в какую-то неприятную историю, еще более неприятную, чем он мог бы предположить. Он вдруг почувствовал себя обманутым. Вот только сейчас, по-настоящему, ощутил это в полной мере. Уже и непонятно было, чем теперь считалось то, что совсем недавно вызывало у него раздражение. Подходящих, единственно верных слов у него припасено не было, и все же он сказал наудачу, как выдохнул:

— Да ерунда это какая-то. Ты их видел?

— Галка и видела. Об этом уже всем известно.

Так, с нажимом, для Антона было спокойнее, он уже не хотел сомневаться. Станным образом, это отвлекало и оправдывало — вот так вот думать.

— Поверить не могу. Какие «отношения»? С чего бы это?

— Можем вместе посмеяться над тем, как они нас сделали...

— Ага, теперь кое-что проясняется, — вступил в разговор Геннадий Семенович. — Кинули вас? Вы, значит, пострадавшие?

— В какой-то степени да, — признался Антон.

— У наших бывших, говорят, теперь любовь между собой, — пояснил Максим.

— Вы какие-то странные вещи говорите, — скривился Владимир Петрович.

— Почему же «странные»? — неожиданно возразил Максим. — Вы вообще вокруг посмотрите — сколько всего странного происходит, но только никто этого уже не замечает, потому что привыкли. Любые странности запросто могут обернуться привычкой, а тут всего лишь частный случай или недоразумение.

— Ну да, и этот случай, это недоразумение почему-то происходит с нами, — сказал Антон.

— Ты преувеличиваешь, это происходит не с нами, а после нас, — поправил его Максим.

— Какая разница!.. А сколько я в нее вложил труда, сколько было разговоров — и что же, все впустую...

— А я... Я вообще не хочу больше говорить на эту тему.

— И чем теперь кончилось? Бредом каким-то...

Оба пострадавших замолчали, сообразив неловкость и бессвязность своих неожиданных стенаний. Каждый ведь говорил о своем, утерянном. Случайное, минутное мужское братство произвело впечатление на Владимира Петровича. Ему тоже было что сообщить:

— С женщиной нельзя много разговаривать — она от этого портится.

Должно быть, он высказал какую-то свою, приложенную к его опыту, правду. Продолжения в сущности нерешаемой женской темы не последовало. Геннадий Семенович встал из-за стола, налил всем водки и провозгласил:

— С первым снегом нас! А то забыли совсем — за снег надо обязательно выпить.

Глава пятнадцатая

СЮРПРИЗЫ НОЯБРЯ, или СНЕЖНАЯ БАБА

Внизу кто-то вышел из подъезда, и дверь, медленно закрываясь, издала протяжный тоскливый звук, возвещавший об отплытии в дальние страны. Именно здесь, на кухне, его очень хорошо было слышно. Этот печальный сигнал прощания неожиданно вызвал у Веры сомнения: ну что же ей делать? Она подошла к окну и попыталась оценить обстановку на улице. По поджавшимся фигуркам прохожих можно было понять, что там холодно. Мелкий снег, только что просыпавшийся колючей крупой, отбарабанившей по подоконнику, поднявшийся ветер закружил в поземку — ее белые нити, похожие на худые и длинные руки-плети, безвольно вытягивались по обледенелому асфальту, игриво меняли направление, обрывались...

Картина была безрадостная. Вере не хотелось звонить и отменять встречу, и выходить не хотелось. Теперь просто надо было решить, чего ей, на самом деле, хотелось больше. Суббота, утро. Разумно заняться чем-нибудь еще.

Снова прощание с берегом, отплытие — на самой высокой ноте отчаяния. Нет, это невыносимо. И как не пойти, ведь договаривались несмотря ни на что, в любую погоду.

Телефонный звонок вышел каким-то напористым и резким. Редкий случай — звонил домашний. Вера сняла трубку, подумав, что ее настроение совпало с настроением Светы, и та звонит, чтобы ее предупредить.

— Привет, подружка! Чем занимаешься? Какие на сегодня планы?

Но нет, это была не Света. Бодрый голос Лиды Камнепад нельзя было спутать ни с каким другим. Вера успела подумать, что уже по звонку можно было бы догадаться, кого ей предстоит услышать, — от робких и неуверенных в себе людей даже звонки получаются робкими, а сильные, несомневающиеся заявляют о себе иначе.

— Я? Еще не знаю.

Несмазанная дверь подъезда снова запела о расставании и потерях. Однако, как часто люди входят и выходят, — раньше Вера этого не замечала.

— Тогда, может, встретимся?

Она хочет меня увидеть. Что это будет? Ей необходимо со мной поделиться, но чем?

— Пройдемся по магазинам...

Ну вот, это очень странно, но именно сегодня ей этого почему-то не хочется. В любое другое время, но не сейчас. Вера вдруг заупрямилась.

— Хорошо бы, конечно...

Она чуть не сказала «заманчиво». А еще она хотела сказать: я занята, у меня есть обязанности.

— Но тут одно дело...

Она что-то проговорила вдогонку несуществующему препятствию, поддержав его значительность туманными намеками, — не станет же она, в самом деле, объяснять Лиде, что ее ждет пробежка в парке? Она ведь тогда утонет во встречном потоке слов. Разговор благополучно скомкался. Вера несколько раз повторила: «Я тебе обязательно перезвоню», радуясь, что существует такое заклинание, кото-

рым можно с удовольствием воспользоваться практически в любой ситуации. И на этом все: чмоки-чмоки, пока-пока, ариведерчи, Рома, отбой.

Вера представила себе Свету в заснеженном парке, и все ее сомнения отпали. Пора собираться. Спортивная сумка, темно-синяя ветровка, кроссовки... Вжик молний, готовность номер один. Несомненно, это обязанности. Как условились, так и...

На лестнице, у почтовых ящиков, непредвиденная задержка: соседка Рита сортирует корреспонденцию, которая, как обычно, состоит из квитанций об оплате и рекламных листовок.

— Давно не виделись... У тебя теперь времени на меня совсем нет. Вижу, спортом занимаешься. Бегаешь, что ли? — поинтересовалась Рита, помещая в свой револьверный вопрос что-то вроде шутливой обиды.

— Да нет, это я в бассейн, — зачем-то соврала Вера. Вот еще она должна отчитываться; ей показалось, что Рита как-то округлилась, стала приземистее, и въедливой цепкости в глазах у нее прибавилось.

— Я так и подумала, — ощупывая ее зарумянившееся лицо внимательным взглядом, сказала Рита. — Мне, что ли, тоже записаться для пользы дела?.. Хотя нет, мне некогда этим заниматься.

Вера уже собралась было сказать обязательное «еще увидимся», чтобы пройти дальше, как Рита одной только фразой преградила ей путь:

— Видела недавно твоего.

И губы поджалась в усмешке. Вера застыла на месте: это в каком смысле? «Какого моего?» — едва не вывалось у нее. Она же не делилась с Ритой тем, что произошло... Зачем бы она это сделала? «Твоего-моего, — быстро прокрутилось у нее в голове. — Нет такого...» Или все же поделилась. Когда? Все вдруг спуталось, стало угрожать подвохом. Скрывала-скрывала — и вдруг вылезло, все равно не скрешь.

Оценив ее замешательство как любопытство, Рита продолжила:

— У моего на даче зачем-то оказался — вот неожиданность, никогда ведь не общались, а тут вдруг почти друзья. Непонятно, с чего бы это? Антон ведь не пьет, насколько я знаю. Что у них может быть общего?

Она принялась рассуждать про «субутильников», про то, что у ее Геннадия Семеновича только одна пагубная страсть в жизни, и он никак не может соскочить с края граненого стакана, а Вера, продолжая испытывать чувство неловкости, могла успокоиться в главном: Рита ничего до сих пор не знает, ложная тревога. И тут же, следом, словно обвинение в слабости, ей пришло в голову: «А какая мне, в сущности, разница?» Что и зачем ей надо прятать, и сколько еще надо это делать? Разве она на что-то надеется?

Она отвечала Рите и не слышала себя; эти слова, поддерживающие разговор, не имели для нее никакого значения, они обозначали пустоту, и теперь она, сосредоточившись на лице Риты, хранившем четкие и убедительные следы летнего загара, совершала открытия, обнаруживая в нем то, чего прежде никогда не замечала (а ведь «он» ей всегда говорил об этом, «он» все равно еще сидел в ней, хотя ему и было отказано в имени): нос у нее действительно кривой, смотрит набок. И только об этом «он» говорил Вере, ниспровергая ее подругу, насмехаясь над любовными приключениями, которые той якобы выпадали, остальное она увидела сама: как темно-каштановые волосы завитками напалзают ей на глаза, когда она морщит лоб и поднимает в удивлении брови, как расширяются у нее зрачки, когда она, в свою очередь, вглядывается в лицо Веры, как она шевелит губами, словно повторяя ее слова, копирует все ее движения, чтобы запомнить и впитать ее в себя до последней капельки. «Она мне не верит, — подумала Вера, — она хочет вытянуть у меня все». Этот сеанс психологического дав-

ления был отомительным, и закончилось все, к явному неудовольствию Риты и, наоборот, к явному облегчению Веры, признанием взаимной усталости и необходимости продолжения в более удобное время до какого-то подходящего для обоих результата.

На улице было не так безрадостно, как представлялось. Сырость слегка подморозило, воздух посвежел, дышалось легко. Снег пока еще был похож на сиротливую случайность, и Вера решила, что ничто не сможет помешать их бегу; она прибавила шагу: Света уже, наверное, ее ждет на остановке.

Неприятный осадок от общения с Ритой давал о себе знать. «Вот стерва какая, — не сдержалась Вера. — Обязательно ей надо меня зацепить». Однако долго негодовать ей не пришлось: едва она перешла у светофора дорогу, отделяющую ее от парка, как из подъехавшего автобуса появилась Света. Стало ясно, что они обе опоздали.

Глядя на Свету, на то, как улыбкой навстречу тронулись ее губы, Вера неожиданно подумала: «Нашла же себе занятие». Именно сейчас это почему-то удивило ее, словно она совершила неприятное открытие, должное, наконец-то, ее отрезвить. Ну да, заниматься со Светой. Такая вот ноша. Очевидно, еще и нянчиться с ней придется.

Пестрая игривая шапочка с помпоном на голове, пятнистая, болотного цвета куртка в камуфляжном, милитаристском стиле, какие-то бодрые и дразнящие сиреневые лосины, кислотные кроссовки в ядовитых, желто-зеленых тонах — похоже на то, что Света находилась в приподнятом настроении. Она и выпрыгнула из автобуса резвым сосокном, открывая в этом природном движении радость жизни. Какая беспечность! Вере пришлось время это замечать и даже раздражаться.

— Уже зима?

Голос подтвердил предположение Веры, а дыхание вопроса обдало ее почти детским предвкушением морозных чудес.

— Растает. Да уже растаяло.

Остатки снега комковато ютились у подножия сосен, цепляясь за покрытую хвоей землю, и кое-где побито и хрустко блестели остекленевшей коркой. Больше не говоря друг другу ни слова, Вера и Света выбежали по боковой тропинке к центральной аллее. Впереди виднелся только женский силуэт с детской коляской, путь был свободен. Ноги в механическом ритме совершали свою привычную работу, а голова думала.

У Веры вдруг зародилось слабое подозрение, что бегают они не просто так, а как бы с другой, не совсем очевидной целью, словно они должны обязательно досадить кому-то и удивить. Прежде она этого не сознавала. Ну да, они были словно принуждены кем-то играть роль, и теперь это стало надоедать.

Они всегда разговаривали о каких-то мелочах, о том, что происходит сейчас, никогда не возвращаясь к прошлому. И если называли знакомые имена, то делали это весьма осторожно, чтобы не попасть в ловушку неприятных и неудобных воспоминаний. Вера вообще никого не видела, Свете удавалось больше, и она упоминала кого-то, делая это вполне обтекаемо, не забредая в дебри подробностей и надолго не привязываясь к какой-нибудь одной персоне, в общем, знала меру.

Сипло и протуженно каркая, словно выплевывая из себя противный застрявший звук, пролетела ворона. Потерянный звук над головой, вестник неудачи, поражения. Это пасмурное карканье, пронзившее задрожавший воздух, заряжало и подстегивало. Маленькие, искривленные зеркальца лужиц на асфальтированной дорожке сморщенно и темно смотрели в холодное и бесстрастное небо, в них отражались бессилие и немота.

Сегодня что-то складывалось не так, мешало чувствовать себя уверенной. Вере захотелось оторваться от Светы, желание было нестерпимое. Вот так рвануть с

ходу вперед, резко, без предупреждения, оставляя за спиной удивленный возглас «ты куда?» и расставаясь со всеми иллюзиями и принуждениями сразу.

Наверное, она взяла слишком быстрый темп.

— Передохнем? — предложила Света; она запыхалась.

Вера кивнула, сопя похолодевшим носом, и они перешли на шаг.

Снег внезапно просыпался крупными хлопьями — небо прорвало вертикальным усилием, широким, кружащимся фронтом. Белые хлопья мокро целовали в лицо и холодно жалили, таяли, не долетая до земли. Это была атака числом, а не уменьем. Расчет на внезапность. Небо ошеломляло своим сумасбродным величием — бездонное, безжизненно белое и абсолютно чужое в этот момент.

А Света увлеченно рассказывала про свои домашние дела, перечисляла то и это и довольно скоро выбравшись к самому близкому для нее — к кулинарным рецептам, «такой пирог замечательный получился — просто прелесть, а мама мне говорит: и охота тебе с ним возиться? А я ей говорю: знаешь, мама, мне это очень нравится. Если бы не нравилось, так не бралась бы, понятно же, и кто бы меня мог заставить?» Вот и мама у нее есть, думала Вера, заботится о ней... действительно, и охота вот ей?.. И еще Вера подумала, что могла бы сейчас вместе с Лидой Камнепад бродить по торговому центру, примерять какие-то вещи, глазеть по сторонам, пить кофе, есть пиццу и беззаботно болтать о всякой всячине, как и положено в выходной, а вместо этого она выполняет какую-то важную миссию, на которую давно уже существуют законные владельцы и исполнители. «Словно она мне беспутная дочь, о которой я не должна забывать, это вполне бы могло быть, но этого совсем немного осталось, — воспаленно думалось ей, — я же старше, у нас какая разница в возрасте?» Она не знала этого точно, а теперь совсем расхотела узнавать. Присутствие Светы ее тормозило и утяжеляло. Две фигуры уже не в парке, а в заброшенном лесу.

— Как подумаешь, что скоро Новый год... — мечтательно произнесла Света, и Вера увидела в ней вчерашнюю школьницу, быстро нашедшую себе утешение, да и было ли, на самом деле, о чем необходимо горевать?

«Как подумаешь, что скоро...» Эти слова прозвучали зачином необъятной и ожидаемой праздничной темы. Света принялась делиться своими восторгами: как она любит наряжать елку, какие у нее игрушки — и уже глаза у нее заблестели, жаром занялась речь, она увлеклась и сообщила, что Алла Альховская собирается встречать Новый год в Хельсинки или даже в Лапландии, Егор Коновалов будет диджействовать в очередном ночном клубе приглашенным гостем и, конечно же, Оля Беседина будет с ним рядом, а Игорь Истомин сопроводит Аллу в Финляндию... Она мысленно забежала вперед, только поспевай за ней, если есть такая необходимость. Возможно, Вера могла бы спросить ее, что означает «сопроводит» в отношении Игоря Истомина, какая в этом степень его участия, насколько она значима и придает веса Игорю, как оправдывает его, но сейчас она подумала: «Света хочет узнать, где и как я буду встречать Новый год».

— А я не жду и не хочу никакого Нового года, — неожиданно вырвалось у нее; прозвучало, возможно, слишком решительно, но было понятно, что она имеет в виду.

— Почему? — совершенно искренно удивилась Света, словно ее принудили расстаться с любимым очарованием детства. Она хотела сказать что-то еще, но Вера ее перебила:

— Знаешь, мне не очень-то интересно все это слушать, я не разделяю твоих восторгов.

Как это здорово оказалось — взять и сказать то, что думаешь. Света не смогла второй раз подряд спросить «почему?», да Вера и не дала бы ей этого сделать.

— Мне бы не хотелось никого видеть, а хотелось бы просто отдохнуть. Да, по-

быть одной, чтобы никого не было рядом. Я вообще не люблю никаких сборищ, суеты, шума, предпраздничного ажиотажа... Какое разочарование наступает потом, когда все заканчивается...

Света оказалась беззащитной перед этим признанием. Она услышала главное: «мне бы не хотелось никого видеть», а значит, ее тоже. Следующим движением она попыталась убежать от того, что ей неприятно было услышать. Это была инстинктивная, самая непосредственная и по-детски наивная реакция, и она действительно побежала.

— Ты куда? — крикнула ей в спину Вера; она растерялась: неужели ее слова были восприняты так серьезно? — Подожди!

Света убежала с внезапной резвостью и прытью. Она вложила в свое отчаяние все имевшиеся у нее силы. Остановить ее было невозможно. Вера опустила руки и судорожно вздохнула, испытывая одновременно чувство вины и раздражения: «Как глупо все вышло... Ну какая же она ненормальная!»

Антон открыл глаза, и снег растаял. Вот только снег и задержался у него в памяти — больше ничего, остальное скрылось в провале сна, теперь не вспомнить, разве что осталось смутное ощущение какого-то скандала. Осадок был минутным, уходящим. Он уже растворился, когда Антон встал и подошел к окну. Все вытеснила открывшаяся перед ним картина.

За ночь пространство двора покрылось снегом. Он и сейчас продолжал идти — отвесно падал густыми царственными хлопьями, безостановочно утверждая свое величие на земле и асфальте, захватывая все новые территории и поверхности сиротливых лавок, сумрачных мусорных баков, брошенных машин, задерживаясь на сохранивших до последнего серую, пожухлую листву тополях и других деревьях. Это был парад зимы, захватившей ночью город без малейшего сопротивления.

Ноябрь — время испытаний, скуки ожидания, неотменяемых перемен, нудной подготовки к долгой спячке. Сон словно продолжался, он выбрался из темных глубин забвения и перебрался на белоснежные просторы, включив Антону сигнальную лампочку памяти, она вспыхнула, осветила самые потайные места, и он сразу все вспомнил, в самых нелепых и необъяснимых подробностях.

А было так в той неведомой, запретной и бездонной глубине: уже настоящая зима с основательным снежным покровом, и как будто бы загородный дом Зулусова где-то в горах, еще лучше, чем на Еманче, едва ли не поместье с угожьями, все такое призрачное, почти волшебное, но с явными признаками достоверности. Снег — изысканный, девственный. Высокие, опущенные ели. За границами зрения угадывается необъятный простор, который подтверждается широкими ступенями, ведущими к входу в дом. Тут же вылепленный снеговик, какая-то потешная возня, в которой участвуют Егор Коновалов, Алла Альховская и Геннадий Семенович, непонятно как здесь оказавшийся. Впрочем, Антон не успевает этому удивиться, потому что обращает внимание на Веру, Свету и Кристину; они где-то в стороне, как бы оторваны от общей картины, на заснеженном склоне, сидя в шезлонгах, принимают солнечные ванны: темные очки, белозубые, переговаривающиеся друг с другом рты. Они лениво заняты исключительно собой, своим горнолыжным отдыхом; похоже, что их совсем не интересует происходящее вокруг.

Вдруг распахиваются двери и из дома выскакивают, продолжая шутивную борьбу уже на ступенях, Зулусов и Галка Обойдина. У нее забавное и глупое лицо, разгоряченный Аркадий настойчив: он обхватил Галку сзади и резко задрал ее кофточку кверху. Сисечки выскочили наружу как два розовых поросенка. Галка отчаянно завизжала, отпихнула от себя Зулусова и, продолжая смеяться, скрылась

за угол дома. Довольный Аркадий расхохотался ей вслед и только теперь заметил Антона.

«Здорово!» — развязно сказал он так, как никогда в жизни не говорил. Он был хозяином дома и положения, он был пьян.

Пошатываясь и в то же время довольно уверенно, он спустился к Антону, положил ему руку на плечо и спросил:

«Ну что с тобой происходит? Брось, не стоит. Вот слепим тебе из снега бабу, и все у тебя станет хорошо!»

Антон сначала отпрянул, а потом, сжав кулаки, кинулся на Аркадия. Разнималь их подскочивший Геннадий Семенович и подоспевший вовремя Коновалов, прекративший барахтаться с Альховской в снегу. Зулусов, кажется, обиделся еще больше Антона — помрачнел, надулся; он отряхивался и говорил: «Ты что, шуток не понимаешь?»

Геннадий Семенович тоже решил не отстать в проявлении своих потревоженных чувств. Его участливое рвение носило совсем уж абсурдный характер и более походило на пьяный бред, чем на свидетельство разумного человека, имеющего отношение к действительному положению вещей. С некой соболезнающей укоризной он высказался Антону сразу на пухлый том ребусов и загадок, подступиться к которым не смог бы самый умудренный корифей: «Я тебя понимаю, он тебя бросил. Ты такое пережил. Как теперь тебе доверять мужчинам?»

От расправы Геннадия Семеновича спасло лишь то, что у Антона от возмущения перехватило дыхание и на него просыпался снег с еловых веток, удачно подставленных расторопным случаем и чьей-то неопознанной фантазией для более-менее безболезненного и даже достойного завершения этого несуразного представления...

Но все это Антон сообразил потом, когда окончательно проснулся и взялся за объяснение посетивших его видений. Его попытки были тщетны, они тыкались слепой мордой в плотную стену тумана. Он запомнил свою ярость и то, как хотел убить Геннадия Семеновича за его слова. Это его поразило. Ему почему-то не хотелось шутить, тяжесть сна была очевидна. Какое-то гаденькое чувство поселилось в нем, и сил справиться с ним у него не было. Он подозревал себя всеми обманутым. Какая насмешка!

Чтобы убедиться в том, что он не прав, он решил позвонить Геннадию Семеновичу. Это вообще был первый звонок ему. Вышло не совсем ловко, с нескрываемой и неуместной взволнованностью, которая запросто могла бы вызвать недоумение, если бы Геннадий Семенович не был так толстокож.

— Ну, ты как там? — начал Антон с самой высокой фальшивой ноты, соответствующей одновременно небывалой бодрости и растерянности, и как только услышал ответный голос, неожиданно понял, что ему совершенно не о чем говорить дальше и счастьем будет, если Геннадий Семенович придет ему на помощь и он сумеет зацепиться за его слова.

— У нас тут снегопад сильный. А вас не засыпало?

— Да вроде бы — белым все стало вокруг.

— А тут прямо настоящая зима пожаловала, — радостно продолжал Геннадий Семенович. — Основательно снег улегся, по-деревенски. Бабу снежную смело можно лепить, в снежки играть...

Антон совсем упал духом, однако Геннадий Семенович, сам того не ведая, выручил его.

— А ты чего хотел-то? Приехать ко мне? Ну так давай — моя еще вчера, до снегопада, домой смылась, так что никто нас не побеспокоит. Ты ее там, случайно, не видел?

— Ее? — плохо соображая, переспросил Антон. — Нет.

— Лопату тебе новую выдам.

— Лопату? Зачем?

— А как же — снег чистить. Да шучу я. Так приедешь?

Антон и сам не знал, чего он хочет. Вот позвонил зачем-то, в какой-то судорожной спешке, и получилось, что напросился в гости. Очевидно, в гости к другу. Ну да, к другу. Как это быстро произошло. Он уже, наверное, сделал это открытие раньше, но еще одно напоминание стало для него неожиданным.

Его самого удивила легкость, с которой он, как по приказу, засуетился, стал собираться... Хотя чего уж там ему собираться — только в мыслях спешил, обгоняя себя заторможенного, бездеятельного и удрученного. Должна же быть какая-то надежда? Пусть на час-два, если больше, так и лучше, убедительнее. А движение — это и есть надежда, уже выход.

В некотором, достаточно скромном, воодушевлении, больше похожем на игру в кошки-мышки со временем, он спустился на улицу, подготовленный к зиме, как к устоявшемуся ненастью, в теплой куртке с отороченным мехом капюшоном, в перчатках и сапогах под снежные заносы и бескрайние, степные метели. Свежесть воздуха, еще не задавленная городскими выхлопами, его приободрила. Смена времен года наглядно возбуждала дыхание — бойкие облачка пара изо рта придавали его скорым шагам дополнительный ритм и обязательность. Растворившаяся повсюду сырость — и даже в подмороженном клеточке птиц, пролетающих где-то над головой, сидящих на мокрых ветках деревьев и проводах, — намекала на суровые и неизбежные перемены. Все вокруг словно в стихийном порыве отмечало потерю прежнего уюта и приноравливалось к новым условиям.

На углу Плехановской и Пушкинской Антон остановился у светофора. Он бросил взгляд на противоположную сторону улицы и вдруг заметил знакомую фигуру. Это был Игорь Истомин; он ростом выделялся среди прочих ожидающих пешеходов и выглядел, как представилось Антону, несколько странно одетым, не по погоде: на нем была совсем легкая ветровка, с плеча свисал беспечный рюкзак, на ногах стоптанные кроссовки, безоглядно месившие снежную городскую грязь. Антон замешкался на смене красного на зеленый, уткнувшись в непроходимую крепкую спину женщины с двумя сумками, обойти которую у него не получилось ни с первого, ни со второго раза, и вот уже перед ним оказался сам Игорь Истомин — невозмутимое, без тени малейшего удивления лицо в обычном состоянии, весь ровный, прямой, какой-то даже каменный.

Антон споткнулся о свои же слова, потому что, разумеется, он первым должен был что-то сказать такому необычному человеку, во всяком случае, показавшему себя таким.

— Вот так встреча... — Он так и не перешел на ту сторону, оставшись стоять на месте. — А ты что тут делаешь?

— Я? — В глазах Истомина все же промелькнуло что-то похожее на недоумение и тут же погасло. — Я здесь живу.

Антон, конечно, сообразил, что сморозил глупость. Если он хотел отчета, то ошибся, и вместо него получил заявление. Но он не хотел никакого отчета — просто так неудачно получилось. Что называется, ляпнул невпопад. Он, наверное, еще продолжал бы испытывать чувство досады, если бы Игорь решительно не зачеркнул его сомнения:

— А сейчас от Аркадия иду.

— Как? Он уже приехал?

— Третий день дома.

— А что же он мне не позвонил? — продолжил удивляться Антон и тут же спохватился, прервав свои размышления вслух.

— Еще позвонит, когда в себя придет.

— Что-то случилось?

— Это точно, случилось, — сказал Игорь и отвлекся: — Меня вот пригласил.

Он поправил рюкзак, висевший на плече, и Антон понял, что он имеет в виду: ихтиандр, аквариум, золотые рыбки.

Возможно, они еще какое-то время продолжили бы вот так переминаться с ноги на ногу у многолюдного перекрестка, не зная, как им достойно разойтись (у Игоря, конечно, с этим никаких сложностей быть не могло), но им помешал большой «унитаз» вишневого цвета. Пошатываясь, он двигался по улице осторожной, куцей походкой замурованного в темницу рекламной кампании узника и протягивал спешившим прохожим листовки, которые никто не брал. Им пришлось посторониться. А затем «унитаз» своим упрямым коммерческим маршрутом и вовсе отделил их друг от друга. Игорь молча, воспользовавшись моментом, пошел дальше по Пушкинской, а Антон, зачем-то взяв предложенный ему «унитазом» флаер и, кажется, совсем позабыв, куда до этого направлялся, развернулся в его сторону и последовал за ним следом.

— Так что там случилось с Аркадием? — повысив голос, спросил он, глядя Игорю в спину. Тот остановился, подождав пока Антон поравняется с ним, и сказал:

— Скандальная история. Катастрофа.

Удивление, отразившееся в лице Антона, заставило его выдать еще несколько слов:

— Вот так в Москву съездил.

Он снова пошел своей дорогой, а Антон засеменял рядом, стараясь принорваться к его шагу. Непонятное поведение Игоря, говорившего загадками, начинало его раздражать: «Что он там еще насочинял? Наверняка ведь чушь какая-нибудь, не стоящая внимания, а как мнит из себя, какую тайну напускает...» И он уже решил открыто посмеяться над ним:

— А я вообще ни разу в жизни в Москве не был, даже признаться неловко — вот какие дела.

Однако этот номер у него не прошел: Игорь, казалось, ничего не услышал, будучи сосредоточен на какой-то важной для него мысли; этого «человека с идеей» ничем нельзя было задеть, его лицо по-прежнему было посторонним, не для откровений или любого другого участия. И что бы ни сказал Антон, каких бы только слов ни наговорил, а все равно вышло бы так, как если бы он произносил их в пустоту.

Но что-то вдруг произошло: в отлаженном механизме совершенного и гармоничного бесчувствия щелкнула пружина или еще какая деталь застопорилась, и Игорь Истомина остановился, смерил Антона Лепетова прямым, без околичностей и тумана, оценивающим взглядом, как бы проверяя, насколько можно ему доверять, и, наконец-то, сделал настоящее заявление, а не то, что шутки им дурацкие шутить про «что ты здесь делаешь» или «я здесь живу».

— Кристина уходит от Зулусова. Они, наверное, разведутся.

— Что за ерунда? Вот еще новости... Из-за чего?

Все это Антон разом выпалил и выдохнул, оттолкнул от себя и ни на йоту не поверил. Несусветная глупость, неудачная имитация, эпидемия, повторение — эти выражения придут к нему позже. Сейчас надо было разобраться... но с чем же?... с реальностью, вымыслом, интонацией, временем, погодой, чувствами, снами и каждым словом в отдельности.

— ...встретился с ней каким-то образом, а потом снова в Москву поехал, теперь уже именно к ней. Старая любовь не ржавеет. Я даже толком не знаю, кто это такая, Лиза Эль Греко...

Игорь говорил ровным, бесстрастным тоном, сообщал факты. Оказалось, что Антон его не слышал, и вот только сейчас выхватил самое главное и знакомое ему.

— Лиза Эль Греко?

— Да, певица какая-то попсовая. Я этим не интересуюсь.

— Подожди, так он два раза в Москву ездил?

— Да, приехал, потом опять.

— А я-то думаю, почему он так долго там... Он же сказал, что как вернется, так сразу мне позвонит. Вот, оказывается, какие повороты... Да неужели это правда?

— Еще какая. Кристина узнала про то, с кем он там развлекается, в Москве, и — понятное дело — произошло выяснение отношений...

Да нет же, все равно Антону было непонятно. Какая Лиза Эль Греко? Какие могут быть с ней шуры-муры, когда есть Кристина? Зулусов совсем спятил? Сколько этой Эль Греке лет?

— Любовь, — еще раз повторил Игорь; прозвучало как приговор.

— Да какая к черту любовь? — возмутился Антон. — Напился, наверное, до самой низости, а она тут как тут подставилась по старой памяти. Ну, конечно, отставная поп-дива. Кто ее помнит? Да точно, я ему когда звонил, в трубке музыку слышал и женский смех, гулянка какая-то веселая была до визга.

— И второй раз тоже напился, — подсказал Игорь.

— Какой второй? Ах, да...

Нет-нет, ничего в голове у Антона не складывалось. Ему это было непонятно — как это так все разом случилось, резко... Но должно же быть какое-то разумное объяснение. Зулусов второй раз поехал в Москву и именно к ней, к этой размалеванной губастой дуре из клипа с чудовищными ресницами-опалами. Вот что это? Так нестерпимо стало? Что там могло в душе Зулусова проснуться?

— Да ладно уже, — как бы сам с собой не соглашался Антон. — Разве можно во все это поверить? Это же полный абсурд!

Игорь пожал плечами. У него был такой соболезнующий вид, словно он никого и ни в чем не собирался убеждать; ему только было непонятно, с чего это Антон вдруг стал так горячиться. «Попался мне на дороге, теперь вот разбирайся с ним. А мне это надо? Сообщил, называется, новость, словно дернул меня кто». Крупное скульптурное лицо Игоря потяжелело с досады на его почти детскую непонятливость.

— Вот охота мне сочинять. Можно сходить к нему и самому во всем убедиться.

— Я так и сделаю, — горячо подхватил Антон. — Обязательно пойду.

— Только это лучше сейчас сделать, по горячим следам, не откладывая на потом, — посоветовал Игорь и уже сделал шаг, чтобы, наконец, продолжить свой путь; было заметно, что он хочет освободиться от Антона, которому уделил достаточно времени.

— Конечно, ведь он мне не позвонил, мы и так должны были встретиться, — взялся опять за свое Антон; он наладился исполнять эту однообразную песню, потому что вся сущность его, не принимая услышанного, заставляла топтаться на месте.

— Вот и отлично, — выдохнул Игорь, как если бы он был тренером юношеской команды и напутствовал одного из своих подопечных, самого неуверенного в себе и немного туповатого ученика, вселяя в него надежду на удачный исход состязаний. Его спортивная фигура обрела прежнее вневременное, олимпийское равновесие и плавно, выверенными и смазанным механизмом, двинулась прочь от всяческих житейских сомнений и неурядиц.

Антон почувствовал себя обманутым: ему ничего не обещали, но все же... Была какая-то недосказанность в этом семейном происшествии. Разумеется, ему надо было выманить у Игоря Истомина как можно больше сведений, необходимых для уяснения всей картины произведенных разрушений.

— Подожди! — сообразил он окликнуть Игоря. Тот уже отмахал приличное расстояние, и Антон даже запыхался, нагоняя его.

— Наверное, мы не настолько хорошо знакомы, чтобы разговаривать обо всем этом.

Игорь остановился, так как счел нужным ответить:

— Есть какие-то сложности?

— Есть.

Ему стало интересно, к чему он клонит.

— Наверное, я не догадаюсь.

— А тут и догадываться не о чем. Вопрос самый простой: а каким образом Кристина узнала о том, что Аркадий ей изменил?

— Как узнала?

— Да, откуда она узнала? Кто ей сообщил? Не сам же Аркадий рассказал?

— Конечно, не сам, — согласился Игорь. — На подобный подвиг вряд ли кто способен. Это я ей сообщил.

Он был по-прежнему невозмутим, тогда как Антон от такого неожиданного признания вспыхнул:

— Что? — Он едва не отшатнулся от Игоря; во всяком случае, дернулся, словно получил электрический разряд. — Да зачем же?

— Зачем? — повторил его вопрос Игорь, взвешивая на невидимых весах наиболее подходящий вариант объяснения. — Мне было любопытно посмотреть, что из всего этого получится. — И заметив недоумение в глазах Антона, продолжил: — А вообще-то это долгая история, но у нее есть краткое содержание, которое можно изложить хоть прямо сейчас. Интерес имеется?

Было видно, что он вдруг решил на откровенный разговор и уже никуда не спешит. Антон, застигнутый врасплох, словно висел на волоске, все могло сорваться и исчезнуть за секунду.

— Конечно.

Зулусов. Знакомство. Объявление. Аквариум. Игорь брал из морозного воздуха разные слова и составлял из них предложения. Получалась складная история, вернее, предыстория решительных действий и последствий — и у всего была своя логика.

— Я познакомился с Зулусовым через объявление в газете.

— Это как?

— Очень просто. Я давал объявление о том, что предоставляю услуги по очистке аквариумов. Это у меня увлечение такое и еще работа была, пока на другую не устроился. Однажды он мне позвонил, вот мы и познакомились. Было это год с небольшим назад. С тех пор как-то незаметно подружились. Подружились, наверное, не совсем то слово, вернее, стали общаться. Инициатором выступил он — приглашал, звал в гости...

— Ну, это понятно, — перебил его Антон, — он ведь всегда любил принимать гостей.

— Вот, собственно, в общих чертах почти все.

— Как — все? А Эль Греко? Кристина?

— Это финал истории, самая малость, что оставалась. Я тут не действующее лицо. Я наблюдатель. Может быть, тоже хочу некоторым образом позабавиться, но все же только Зулусову забавляться? У него своя постановка, у меня — своя.

— Меня это нисколько не забавляет, — нахмурился Антон.

— А его твоя ситуация — очень даже... Он у себя дома посиделки устраивает по этому поводу.

— С Галкой Обойдиной? — догадался Антон.

— И не только с ней. Что-то вроде всенародного обсуждения, — сказал Игорь безо всякой иронии в голосе и в лице. — Есть тема, есть о чем посплетничать. Обычное дело: кто с кем и как...

«Об этом уже все знают», — вспомянул Антон, и ему стало противно. Обычное дело. Он снова стал заводиться. Ну, конечно, для них это обычное дело — перемывать кому-нибудь косточки. Теперь его охватило негодование. И этот тихоня еще подоспел, «я не действующее лицо, я — наблюдатель», тоже кашу заваривает, ему-то какой в этом интерес — только позабавиться?!.. Он едва сдерживался.

Наверное, предположить душевные метания Антона было совсем несложно, потому что Игорь вдруг сам стал отвечать на незаданные вопросы.

— Зулусов — режиссер по жизни. Чтобы это увидеть, достаточно побывать у него в гостях. Он этой должности никому не уступит. Привык повелевать, назначать всем роли. У него, разумеется, самая выгодная и удобная. Можно манипулировать людьми, распускать слухи или изобретать несуществующие связи. И еще при этом делать вид, что переживаешь, сочувствуешь или даже завидуешь «чужому счастью», — в этом месте голос Игоря на какой-то миг сменил свою бесстрастную тональность на более непосредственную, и даже с легким оттенком язвительного комментария, — хотя никакого счастья там и в помине нет, все мыльный пузырь, надутый для балагана. Таким образом, вырастает история любви и страсти Антона Лепетова и Светы Другановой...

Он произнес уже это с такой непреложной серьезностью, что Антон наконец возмутился:

— Какой любви?! С ума, что ли, все походили?

Игорь не обратил внимания на его протестующий возглас и продолжил:

— История отношений Светы Другановой и Веры Лепетовой...

— Ну, конечно, — усмехнулся Антон; у него были свои соображения на этот счет, и теперь они, по всей видимости, подтверждались. — Совсем за дурака меня держат? Этот бред вообще откуда взялся? Сорока Галка разнесла?

— Из болезненных фантазий Аркадия Зулусова. — Игорь как бы отвлекся от монотонного чтения лекции большой аудитории и обратился напрямую к несмышленому студенту.

— Да зачем ему это?

— Чтобы соответствовать модным веяниям.

— Ты о чем? Я о том, что они подружками стали, по лесу бегают, меня Галка убеждала... А ты о чем?

— Я? Ни о чем.

Игорь не стал углубляться в тему, было вполне достаточно того, что он сказал. «Не стоит его лишний раз травмировать, он и так на взводе». Теперь надо было перейти к завершению этой неожиданной встречи — объяснение неоправданно затянулось.

— И вот я подумал: а не слишком ли хорошо и гладко живет Аркадий Зулусов? Может быть, ему надо помочь, чтобы он не заблуждался, а иначе он так и будет заблуждаться до бесконечности...

«А ты сам-то не заблуждаешься? — хотел было спросить Антон, но вовремя прикусил язык: весьма пригодную для колкой шпильки Аллу Альховскую, одержимую Финляндией и имевшую под рукой верного пажа Истомина, опрокидывало то соображение, что Антон по известным причинам тоже был несостоятелен.

— Не все же ему сидеть за шахматной доской и передвигать вместо фигур людей, — рассказывал Игорь. — Пусть сам поместится на доску и станет одной из фигур. Ему будет полезно узнать на собственном опыте, что это такое. Но как это сделать? Очень просто. На помощь приходит случай. Самый обыкновенный глянецовый журнал. На витрине киоска яркой обложкой прямо в глаза тычет. Но я никакого внимания не обратил, если бы случайно взглядом не выхватил заголовок одного из анонсов: «К Лизе Эль Греко вернулась старая любовь?» И там фото еще, на котором нельзя не узнать Аркадия Зулусова. Щека к щеке с ней в пьяном

умилении. Ну как такое не купить, пройти мимо? Интересно же узнать, тем более что ничего об этом не знаю. И вот читаю целый репортаж с места событий — звездной вечеринки, в которой все столичные тусовщики присутствуют, и среди них наш Аркадий.

— Ну, так это все сплетни и слухи, — осторожно заметил Антон. — Мало ли что можно насочинять.

— Конечно, сплетни и слухи — это в его духе. Да еще с подборкой красноречивых фотографий. И клад, и компромат. А дальше совсем просто: так как часто бываю в гостях у Зулусова, знаю, что в почтовый ящик заглядывает только Кристина, ошибиться мне невозможно, остается только подкинуть ей этот журналчик и ждать, как станут развиваться события.

— Но во имя чего? — никак не мог понять Антон.

— Должно быть, я совершенно напрасно все это рассказывал, — заявил Игорь, внешне несколько не сожалея, что у него не получается втолковать очевидные истины. — Я знаю, так бывает, что жертва не хочет принимать правду о себе... Еще раз: теперь он тоже в игре, но не как игрок, а как одна из фигур. Не он играет, а им играют. Кажется, я все объяснил?

«У него, оказывается, не одна идея, а целых две, — подумал Антон. — А потом, может, еще что-нибудь такое откроется, что ахнешь».

— Похоже на донос, — размышлял он вслух. — Как-то выглядит не очень.

— У Зулусова это выглядит еще хуже. Методы его, не мои. Как говорится, с кем поведешься...

— Так просто мне все это выложил, — перебил его Антон. — Зачем?

— Ты сам этого хотел. А еще для того, чтобы ты не сообщил об этом Зулусову.

Антон в недоумении поджал губы, а когда разжал их, с тем чтобы выяснить, что означают его странные слова, Игорь еще более странным образом пресек его поползновения:

— У меня все слова кончились. Мне надо идти.

Он отвернулся от Антона, перешел дорогу и зашагал в сторону улицы 9 Января. Аквариумных дел мастер, бывший боксер, а ныне куратор, транспортный логистик Игорь Истомина.

Это было так неожиданно, что Антон застыл на месте, — ему надо было осознать то, что он сегодня услышал. «А я ведь еще хотел у него про американскую тюрьму спросить, раз такой случай представился», — вдруг вспомнил он. После таких ответов неизбежно возникали новые вопросы. Груз был настолько тяжелым, что Антон стал понимать еще меньше. На деле же он вообще ничего не понимал. Ему мерещился заговор. Любое слово, которое было обращено к нему и касалось его, оказывалось у него на подозрении. Но как такое могло случиться? Ответ надо было искать у Зулусова, теперь только он мог предоставить ему необходимые объяснения. При этом у Антона начисто вылетело из головы, что он собирался в гости к Геннадию Семеновичу.

Глава шестнадцатая

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

Резкий звук словно застыл в воздухе и тут же прорвался выхлопом: визг тормозов — там, в конце аллеи, за мокрыми соснами. Звук тоже был мокрым, скользким, а еще болезненным, вывернутым к небу. Вера потом вспоминала, что ей почему-то представилось запрокинутое лицо Светы — рот потерянно полуоткрыт, в глазах застывшая обида... Наверное, потому, что каких-то пять минут назад они так глупо расстались. Вера думала: «Я была слишком резкой с ней, это моя вина».

Или же после всего случившегося она так стала думать, когда уже иначе думать было нельзя?

Она ничего не могла предугадать и не смогла бы предупредить. Это было за пределами ее сознания — она продолжала находиться в парке, на аллее; она хотела остановить ту Свету, которой рядом с ней уже не было. У нее ничего не получалось. Она не могла совместить реальность со своим представлением о молочном небе, тех же соснах и свежести воздуха, похожего на неожиданное и искреннее признание.

Она вышла из кустов, спустилась к дороге и тут увидела — у светофора, рядом с остановкой — столпившихся вокруг машины людей. Она хотела пройти мимо — прямо по пешеходному переходу на ту сторону улицы, и вдруг заметила желто-зеленые кроссовки в просвете между ног. И это было как-то странно. Там прятался уцелевший снег, яркий цвет кроссовок резал глаза.

У Веры перехватило дыхание: так вот к чему был этот визг тормозов, расколовший безмятежный день. Она побежала, поскользываясь на ошметках снега, застрявшего на склоне. Она раздвигала руками ставшее вдруг тяжелым пространство, стараясь протиснуться сквозь толпу. «Пропустите! Пропустите меня, я — врач!» В этом не было никакой необходимости, все охотно расступились. Какая-то старушка в вязаном оранжевом берете рассказывала: «Высочила, как угорелая, и прямо под машину».

Странность обнаружилась вот в чем: кроссовки упали на землю вместе с ногами, они не стояли на ней, одна нога была неестественно вывернута. Света лежала лицом вниз, прислонившись щекой к асфальту, а руками упиралась в его поверхность, словно пытаясь за нее зацепиться, чтобы не соскользнуть. Спина горбатилась собравшимися складками. Время остановилось. Как это правильно называется? Случайность? Неизбежность? По другую сторону машины (кажется, китайская, впрочем, Вера в этом не очень-то разбиралась) стоял бледный водитель без шапки — совсем молодой еще парень. Волосы на его голове обреченно топорщились. Он был приговорен к ожиданию. Стало слышно, как издалека нарастает вой сирены «скорой помощи».

У Веры не получилось избавиться от чувства вины. Она была уверена, что все случилось на ее глазах. Единственное, что она проморгала, это ее эгоизм. Теперь надо было срочно исправлять ошибки.

Свете повезло: она была жива, у нее был перелом левой ноги, две-три царапины на лице. Потом даже можно будет сказать, что она легко отделалась. А пока что тянется лечебная рутина: долгая дорога к выздоровлению проходит через больничную палату на девятом этаже. Лифт забирает пять человек, среди них Вера: на ней белый медицинский халат, в руке пакет с обязательным набором для посещения больного, который состоит из фруктов, сока, печенья, шоколада, йогурта и пакетиков чая.

Она входит в палату, здоровается (кроме Светы там лежат еще три женщины: одна в очках читает книгу, две другие спят на боку), подходит к окну, открывает его для проветривания и возвращается к потерпевшей бегунье, незаслуженно притихшей в левом от входа углу.

— Душно у вас, — сообщает ей Вера и выкладывает на прикроватную тумбочку апельсины, яблоки и бананы. — Как наши дела?

Один апельсин падает с глухим стуком. Вера укрощает его бегство вовремя подставленной ногой.

— Вчера мама ко мне приходила, — отвечает Света.

Вера одновременно, конечно же, доктор и как бы участливая соседка по подъезду — эту роль она и сама для себя так понимает, тут уж ничего не поделаешь, с этим приходится согласиться.

— Вот и замечательно. А сегодня я тебя навещаю. Так и будем попеременно.

— Ты меня уговариваешь, как маленького ребенка. Еще спроси: съела ли я кашку на завтрак?

— С чего ты взяла?

— Я же все вижу.

— Что — все?

— Как ты ко мне относишься.

«Это нервы», — решила Вера.

— Тебе просто надо успокоиться и дождаться полного выздоровления.

— Ты меня терпишь.

— Не знаю, о чем ты...

— И не надо мне говорить о моем состоянии.

— Я и не говорю.

— Нет, говоришь, ты специально даешь мне понять.

— Ладно, я окно закрою, уже достаточно, — сказала Вера.

Она еще не успела взять стул, чтобы сесть рядом с кроватью Светы, а уже услышала столько нового и неожиданного. «Какая вдруг в ней проснулась непримиримость! — удивилась Вера. — Что-то случилось, только я не знаю что?» Она немного задержалась у подоконника, чтобы обрести прежнюю решимость. Панорама за окном растягивалась в мгновенную копию целого мира — город обнажал свои закоулки, показывал перекрестки, склады и торговые центры. Сверху это смотрелось как представление неспешной жизни по заданному маршруту. «Мне надо выработать четкую линию поведения и не отступать от нее. Нельзя потакать ее капризам». Девочка с черной собакой долго переходила дорогу, собака забавно семеняла лапами, а все равно казалось, что она топчется на месте. Вера со стулом в руках вернулась на свое место дежурной по чужому несчастью сиделки. Терпеть — что ей еще оставалось?

— Как нога?

— Ты мне простить не можешь тот день рождения у Зулусова...

— Рентген делали?

— Я же не дура.

— А я думаю, что дура. Ну, похнычь еще немного.

— Как будто я виновата. Как будто я все это придумала.

Света отвернулась к стене, а ее большая белая нога в гипсе продолжала с укором смотреть на Веру. Вере некуда было глаза девать, — неподвижная тяжелая нога словно преследовала ее своим тяжелым положением. «Еще мне этого не хватало, — подумала Вера. — Я так с ума сойду».

— Тебе апельсин очистить?

— Не хочу я твоих апельсинов, — сказала Света в стену, похоже, тоже приняв участие в заговоре против назойливой посетительницы, и тут же, следом, блеснули ее серые глаза, показались сердитые, надутые губки. — Я яблоко буду или банан.

Вера выбрала банан. Она сняла с него до половины кожуру и теперь наблюдала за тем, как Света приходит в себя, превращаясь из посылного едока в энергичного.

— Я очень страшная? — неожиданно спросила Света, перестав жевать.

— Да нет, выглядишь нормально. Разве у тебя нет зеркала? Хочешь убедиться?

— Не хочу. Я страшная. Я ужасная. Я ужасно глупая. — Она шмыгнула носом.

— Перестань, — сказала Вера. — Это пройдет.

— Что пройдет? — вздохнула Света. — Как это может пройти?

Дубина левой ноги неизбежно упиралась в вечность, но Вера понимала, что сейчас Света говорит о другом.

— В жизни есть много вещей, которые нам кажутся невыносимыми...

— Не надо меня лечить, — прервала ее Света.

— Я, между прочим, тоже врач.

— Да, доктор. А доктор сам никогда не болеет? Ему не бывает плохо?

— Бывает, — согласилась Вера; она старалась по возможности быть мягкой.

— А сейчас доктору хорошо, ему нравится его собственное благородство, без этого доктор никак не может, ему без благородства никак нельзя, ему им надо наслаждаться, унижая других, а еще он чувствует...

— Света!

Наверное, Вера излишне повысила голос, потому что читающая книгу женщина в очках кашлянула, а одна из спящих перевернулась на другой бок.

— Ты что от меня хочешь? — Теперь Вера, наклоняясь к постели, яростно зашептала. Она больше не могла сдерживаться. — Что я тебе сделала? Это я виновата?

— Вот! — расширила глаза Света. — Вот и я об этом!

— Тебе недостаточно того, что ты...

И Вера вдруг остановилась.

— Ну? — У Светы хватало азарта на продолжение, на то, чтобы довести все до крайней точки. — Что же ты замолчала?

«Боже мой, во что я вляпалась, — подумала Вера. — Мне еще надо оправдываться?»

— Ты его видела? — с нажимом спросила Света.

— Кого? — выронила свой куцый ответ Вера.

Света хмыкнула, а она нахмурилась.

— Нет, да это и невозможно теперь.

— Я тоже не видела, — вздохнула Света и сразу внесла поправку. — Я потом пыталась звонить Максиму, но он не отвечал. Наверное, внес меня в «черный список». Но сам-то тоже хорош... Как будто я ничего не знала о его похождениях. Я глаза закрывала, потому что любила, а он красовался...

— Может, не будем об этом? — скованно предложила Вера.

Ей был неприятен этот разговор. Зачем им мучить друг друга? Ее терпение иссякало, она была на грани. А теперь еще стала неприятна и больничная палата. Зашевелилась, закашлялась и проснулась спящая на одном и том же боку. Отложила книгу, чтобы высморкаться, женщина в очках. Противно заскрипела кровать еще под одной, и она что-то запрочитала сквозь сон... Нездоровье ползло по стенам, пряталось под столом у окна, дышало за незакрытой дверью туалета. Больничный дух может свести с ума и умертвить кого угодно. Вере даже ее белый медицинский халат показался грязным, ей захотелось его немедленно снять и вымыть руки, чтобы не заразиться унынием.

— Я, наверное, пойду, мне еще сегодня в поликлинику во вторую смену.

Она поднялась, неловко сложив книзу руки. Вышла какая-то заминка в ее поспешном движении, и вместе со словами все выглядело как оправдание бегства.

— Ну да, в поликлинику, — отозвалась Света; она казалась безучастной.

— Послезавтра приду, если получится.

Прощальный скорый взгляд по сторонам — обследование местности на всякий случай: я ничего не забыла?

— Вот еще что, — вдруг очнулась Света, — мне вчера Галка Обойдина позволила.

— Вот видишь, как о тебе заботятся, — вытянула уходящим голосом довольную и спасительную ноту Вера; да, с явным удовлетворением от проделанной работы или исполненного долга. — Как она?

— Она нормально. У Зулусовых проблемы.

— Проблемы? Какие же?

Нет, ей это было совсем неинтересно. Похоже на то, что так просто уйти не получится.

— Аркадий вляпался в историю с какой-то певичкой... как ее... Лизой Эль Греко. Знаешь такую?

— Как это ни странно, знаю.

— А я нет. В общем, по уши. Застукали. Она старше Кристины, представляешь?

— А Кристина что?

— Ну как что? Кристина узнала... кто-то добрый ей подсказал... а теперь вроде к разводу дело идет.

— Так сразу?

— Тебя это удивляет?

Неужели в ней прорвалось удивление? Вера осеклась. Это, конечно же, выглядело неуместно, если не сказать нелепо. Надо быть сдержаннее.

— Я не то хотела сказать.

— В общем, старая любовница у него обнаружилась, — продолжила Света. — Даже не знаю, смешно это или нет.

«Да что же тут смешного?» — хотела ее спросить Вера, но на этот раз сдержалась.

— Мне действительно надо идти.

Для вящей убедительности ей, наверно, надо было бы еще раз подняться, но было уже некуда. Света приподнялась на локтях и немного отодвинулась назад, к продавленной подушке.

— Если получится, — напомнила она и воспаленно улыбнулась.

«Вот так новость я услышала», — подумала Вера, оказавшись на улице. Она прошла мимо больничной часовни; еще мгновение, и свежий морозный воздух вместе с гулом машин на кольцевой дороге, что поднималась за оградой, ее несколько отрезвили. «А впрочем, как это меня касается? Какое мне дело? У меня своих забот хватает». В круг этих забот, очевидно, попадала и Света, потому что Вера снова мысленно вернулась к ней. Минула неделя ее пребывания в больнице. «Это просто усталость», — решила Вера. И как иначе можно было объяснить ее вздорное поведение? Но Вере было еще о чем поспорить с собой и в чем себя убедить. «Мне нужно начать только с ложечки еде кормить, чтобы потом получить хорошего пинка под зад. Наверное, я этого достойна».

У Веры еще оставалось немного свободного времени, и она подумала, что успеет до работы заглянуть на Юго-Западный рынок. Она сделала всего несколько шагов в его сторону и попала на новую встречу.

Зулусов нисколько не удивился появлению Антона. Открыв дверь, только спросил вяло: «А чего не позвонил?» и зашаркал тапками, оставляя его за спиной, — в зеленом, расписанном золотом халате, похожем на восточный, а сразу еще и на парадный мундир, — так что Антон не нашелся, что ответить. Самым лучшим в этом случае было помолчать и оглядеться по сторонам.

Ничего необычного он не обнаружил. Естественным образом его внимание привлек аквариум, как если бы что-то в нем могло приоткрыть завесу неожиданной тайны, которая неприятно задевала Антона, отныне посчитавшего себя одураченным и обманутым, но аквариум был непроницаем для разгадок и нем, как рыбы, зависшие в его водном окоеме, да и не было там, конечно же, никакой тайны.

Между тем, в обжитом пространстве чего-то не хватало, оно было обделено участием, присутствием и духом, лишено привычного смысла и воплощения, что, несомненно, отразилось на Зулусове, обнаружившем несколько удрученный вид,

особенно в сочетании с верным домашним диваном, принявшим его в свои обширные пределы и дополнившим тем самым общую картину вынужденного смирения. Антон уже хотел было приступить к зачитыванию созревших и обязательных вопросов, но Аркадий его опередил:

— Голова болит. Видно, погода меняется.

У Антона голова не болела, он не знал, что такое перепады давления, у него, как выразилась бы некая чувствительная натура, «болела душа». Правда, внешне это у него никак не проявлялось. Зато Аркадий, не таясь, демонстрировал, насколько он утомился бороться с осаждавшими его демонами нездоровья. Он был одновременно бледный и красный. Это была поверхностная бледность, бледность тонкого слоя, впавшая в смущение из-за чрезмерно красного цвета лица. Болезненно привалившись к углу дивана, обложенного подушками, и подперев голову рукой, Аркадий принял позу жуликоватой растерянности, основанной на расчете, — в общем, это была игра на зрителя, коим Антон в данный момент и являлся.

— Да я недавно вообще чуть концы не отдал, — сообщил он с вызовом.

— Правда? — Похоже, его слова не произвели на Аркадия ни малейшего впечатления, потому что буквально следом он спросил: — Как там погода на улице?

— Нормальная, по времени года... А как там в Москве?

— Да что в Москве... — вздохнул Зулусов. — В Москве жить — по-волчьи выть. Вот парадокс: именно в Москве понимаешь, насколько изношена Россия.

— Поэтому ты мне не позвонил? Ты же говорил, что позвонишь, когда вернешься? Забыл?

Зулусов обхватил ладонью лоб, касаясь опущенным мизинцем прикрытого левого глаза, и как бы впал в мгновенный спасительный сон, однако тут же встрепенулся, поморщившись, и сказал:

— А что ты стоишь? Ты не мог бы сесть, а то мне даже смотреть на тебя больно.

Антон подчинился, но сел не на диван, а на стул, который взял рядом с аквариумом. Он успел подумать, что на этом стуле совсем недавно сидел Игорь Истомин и налаживал рыбкам Зулусова плавную и правильную жизнь, а еще он понял, что появления Кристины ему не дожидаться.

— Ты Галку случайно не встретил? — неожиданно спросил Аркадий.

— Галку? — удивился Антон.

— Ну да, Галку Обойдину?

— Нет, а где я должен был ее встретить?

— Буквально перед твоим приходом пулей отсюда вылетела, — пояснил Зулусов. — Вот я и подумал, что ты мог бы ее встретить в подъезде или перед домом.

Возможно. Теперь Антон вспомнил, что действительно видел какую-то девушку. Он только подходил к жилищу Зулусова, а она уже свернула на улицу, показав ему свою спину. Но была ли это Галка Обойдина? Он мельком силуэт отметил и все, даже одежду ее не смог бы описать. Не о ней он думал, когда шел к Зулусову. Он ведь не знал, что должен встретить перед его домом Галку, а потому и не вглядывался; она же его, наверное, и вовсе не заметила. Да, но что она тут делала?

— А почему «пулей»? — спросил Антон.

— Ты не видел ее слез, — вздохнул Зулусов.

— А что с ней такое?

— Просто море отчаяния, бездна.

— Вот даже как... — Антон знал, что за Аркадием водится склонность к мелодраматическим эффектам, и подыграл ему: — Ты, что ли, довел бедную девушку?

— Да, конечно, я, — поморщился Зулусов, — больше ведь некому. Ты ничего за ней не замечал?

— А что я должен был заметить? — настороженно спросил Антон; он уже не был так благодушен, — как если бы стал догадываться, к чему может склоняться Зулусов, — и проговорился. — Глупости какие-то несла, у нее явно не все дома.

— Это не глупости, — заметил Зулусов, вытягиваясь лицом. — Совсем не глупости.

Голос его как бы утверждался в добровольно взваленной на себя озабоченности по поводу чужого несчастья, а рука продолжала обхватывать лоб, то место, где сосредоточилась никак не отступавшая боль.

— Она страдает, — сообщил он изумленному Антону. — Ты разве ничего не знал? Я не поверю в это.

Неприятный, гаденкий холодок перехватил Антону дыхание и опустился в желудок. Вот оно что. Так вот откуда все это идет... Антон смотрел в лицо Зулусову и не видел его глаз. Тот уставился невидящим взглядом куда-то в сторону, собирая на лбу артистически выверенные морщины, подчеркивающие его мучения, — у меня, мол, своих проблем хватает, а тут еще с твоими приходится разбираться. Да, у Антона настолько перехватило дыхание, что он не смог возмутиться. У него только глаза налились примерочным гневом (как уже это все его достало!), а естественная в этом случае фраза «ты что, издеваешься?», готовая сорваться у него с языка, просто-напросто застряла в горле, и в результате он всего лишь закаплялся — как-то неловко, словно был застигнут врасплох и даже пойман с поличным.

Зулусов и ухом не повел, благосклонно принимая его слабость за признание как бы уже доказанной вины (а как же иначе ему было к этому отнестись?), чем еще больше возбудил негодование Антона. Это уже не был намек, Зулусов словно говорил Антону открытым текстом: «Она тебя любит, а ты мне тут ваньку валяешь!» Нет, это что он себе придумал? И почему она выскочила в слезах?

— Что здесь произошло? — наконец-то выдавил из себя Антон.

— Пока ничего страшного, — сообщил ему Зулусов. — Я ее утешал, как мог, но...

— Что? — Антон больше не мог выдерживать эту комедию, он встал. — Ты о чем сейчас говоришь?

— Я рассказываю о чувствах Галки к тебе, — невозмутимо продолжил Зулусов, убрав руку со лба и показав свои терпеливые, несколько мутноватые глаза, — в общем, просвещаю тебя, и если ты живой человек, а не робот, если ты можешь чувствовать, то тебе это будет совсем просто понять, тут не надо совершать сверхъестественных усилий, — это не высшая математика, не какая-то заоблачная философия, это самая обыкновенная жизнь.

Если бы Антону Сергеевичу Лепетову прямо сейчас пришлось увидеть перед собой живого Будду или хотя бы знаменитого и неуловимого математика Перельмана, это не произвело бы на него такого неожиданно сильного впечатления, какое произвела эта речь, а ведь это была уже самая настоящая речь, а не просто слова. Его состоянию, если бы вдруг возникла нужда его описать, выражение «он опешил» не подошло бы вовсе, — оно было бы слишком мягким, расслабленным и не улавливало сути происходящего. Его настоящему состоянию вообще нельзя было подобрать никаких слов. Его ударило, вдарило, он застыл, закаменел... Нет, все не то. Но и не сказать, что он был поражен, тоже нельзя. Он еще как был поражен. Его поразила наглость Зулусова.

— Это какой-то розыгрыш? — Он еще не потерял надежды, что получит разумное объяснение и вся эта нелепая ситуация наконец-то разрешится самым заурядным и естественным образом, и они потом вместе еще и посмеются над тем, как он легко купился на очевидную глупость. Однако Антон просчитался, и вышло иначе.

— Я вижу, ты хочешь уйти от разговора? — спросил Зулусов.

Нет-нет, он явно не шутил. Он был удручающе и невыносимо серьезен. Он словно тупо преследовал подстреленную птицу с тем, чтобы окончательно ее добить. Вяло обороняться, бездействовать для Антона стало невозможно, пора было переходить в наступление, хотя ему, безусловно, стало грустно от вывертов Зулусова. Он даже забыл, для чего к нему пришел. Зулусов его сразу перебил, направив разговор по ложному пути, и он совсем забыл про Кристину; она начисто вылетела у него из головы. Но, как оказалось, временно. Случайный и разочарованный взгляд к окну, в поисках точки опоры, разумеется; потом на столик с безделушками рядом, у стены, а там фотография в рамке. Вот и вспомнилось, и стало на место: Кристина. Портрет в голубом. Спасение. Подмога.

— А тебе хочется поиграть со мной, но с какой целью? — Антон заговорил увереннее. — И не только со мной. Можно было бы раньше догадаться. Ты что-то затеял...

— Я на подозрении, — усмехнулся Зулусов, — прямо детектив какой-то.

— Нет, это не детектив. Это драма.

— Ты думаешь?

— А тут и думать нечего. — Антон ненадолго задержался на сытом и нагловатом лице Зулусова, подернутом фантомными хворьями, оценил его задрапированное коричнево-желтым покрывалом лежбище, одолевшее принципиальную строгость дивана в продолжение болезненного и скрипучего состояния его хозяина, и устался в розовое и слишком живое, крупное, бесстыдное колено, выглянувшее из-за складок тяжелого байского халата.

— Ты говоришь загадками, — сказал Зулусов и заворочался, чтобы придать своему телу более удобное положение.

— Зачем ты распускаешь эти дурацкие слухи? — Уже не сдерживаясь более, Антон вскочил со стула.

— Я распускаю? — вполне искренне удивился Зулусов. — Какие слухи?

— Обо мне, о Галке, о... — Антон хотел сказать «о моей жене», но вовремя опомнился и добавил: — Об остальных.

— Ты еще скажи, что я плету паутину, — невозмутимо парировал его сбивчивые обвинения Зулусов. — А что не так? А чем неправда? Или ты не веришь в чувства Галки к тебе? Ситуация самая простая: ты теперь одинок, она тем более одинока, вот я и подумал...

— Да кто тебя просил вмешиваться в мою жизнь?

— Ты. Ты и просил.

— Когда?

— Сядь, пожалуйста, — снова сказал Зулусов, — мне тяжело на тебя смотреть.

— Нет, ты скажи: когда я тебя просил? — настаивал Антон.

— Да сядь ты, наконец! — едва не крикнул Аркадий, и Антон опустился на свое место гостя. — В ресторане это было, когда мы с Пашей встречались. Когда ты напился.

— Я тебя просил? Что за бред! Не помню такого.

— Всем своим видом просил. Еще бы ты помнил. Ты же бесился в своем одиночестве, мы тебя никак унять не могли. Я ведь понимаю, что на Свете ты сорвался... не знаю, какая причина ваших раздоров, что вы там с Верой не поделили, не мое это дело... — Он так уверенно произнес имя Вера, словно имел больше прав на него, чем Антон, и больше него понимал и чувствовал. — А Света — это не тот случай, да и не нужна она тебе, эта восторженная идиотка, влюбленная в мифический светлый образ Максима Друганова... Она, кстати, и ему не нужна, ей вообще с такой головой ничего не поможет. Таких Свет... Да что говорить, мы же все соображаем, а вот Галка...

— Причем тут твоя Галка? Ты, конечно, можешь ею вертеть, как угодно, но мной?

— Я так и знал, что ты ее обидишь, — вздохнул Зулусов. — Я ей сказал сегодня, что все ее усилия бесполезны, вот и слезы...

— Это ведь ты внушил ей эту дурацкую мысль? — упорствовал Антон. — Ты ей подсказал то, чего на самом деле нет? Решил поиздеваться над ней? Не знаю, как это называется, но это подлость.

— Как громко сказано... — Зулусов поморщился. — Сейчас просто нет таких слов, их отменили. В общем, думай, что хочешь, а я хотел только лучшего.

— Как же здорово ты говоришь! — не выдержал Антон. — Как рассуждаешь, но главное, что не про себя. А теперь скажи мне, что с Кристиной случилось, где она?

— Ты Истомина встретил? — недоверчиво поинтересовался Зулусов.

— Нет, — соврал Антон. — Он-то здесь каким боком?

— Ну, мало ли... Я просто хочу тебя предупредить насчет него на будущее. Истомин еще та крыса, будь с ним осторожнее...

«Нет, ну как ловко он выворачивается, — подумал Антон. — Как у него это естественно получается. Однако, у него чутье. Неужели раскусил Истомина? Вряд ли, он бы тогда не так говорил, совсем иначе. Это он о другом, но очень близко и резко».

— Кристина от меня ушла, — неожиданно признался Зулусов.

Антон снова встал.

Она вовсе не ждала этой встречи, и если бы кто-нибудь попытался убедить ее в обратном, она бы протестовала. Это было неправдой. Зачем ей себя обманывать? Вера сначала узнала его машину (надо же было как-то ее обойти!), а потом она увидела его. И тут она вздохнула, — он оказался настойчив. Но и предупредителен тоже. Он приветливо улыбнулся, она не смогла себе этого позволить. Теперь ей стало ясно: так просто он не отстанет.

Это началось на прошлой неделе. Находясь в центре, на Куколкина, она вызвала такси: ей надо было успеть проведать Свету и не опоздать во вторую смену на работу. Уже через минуту размеренный, не лишенный приятности, женский голос с заученной механической старательностью сообщил ей в ухо: «Вам назначена белая Хендэ Солярис, номер девять восемь один»; особенно хорошо у девушки получились цифры, она неожиданно и таинственно понизила голос и произнесла их раздельно. Тут же следом подъехала и машина.

Водитель сразу показался Вере странным: зачем-то вышел, едва она приблизилась, открыл ей дверцу рядом с собой, сказал: «Прошу» и пригласил жестом — как бы с почетом. Словно у него имелось ее описание, и он заранее знал, как она выглядит. Ну, мало ли, подумала она тогда, может, у него с ручкой какая-то неисправность, вот он и вышел, чтобы предупредить возможные проблемы, чтобы она не мучилась, доламывая дверь, а сзади, в салоне, для нее места нет, там прячется какой-нибудь ящик, накрытый одеялом, или крупногабаритная сумка с тряпьем — почему бы нет? — Вера уже привыкла ничему не удивляться, общаясь с таксистами.

Она успела отметить его спокойное, несуетливое лицо, темные, почти черные, несколько ершистые волосы, как бы впившиеся ему в голову, уверенный, правильный подбородок и такой же нос, тонкие подвижные губы — лет тридцать пять-сорок, не больше.

Она села на переднее сиденье, повторив про себя как заклинание или пароль «девять восемь один» с теми же рассудительными паузами между цифрами, и они поехали.

Теперь его глаза — что можно сказать о них? Глаза, по делу, занятые, но и мечтательные, с карим блеском. В салоне звучала музыка, явно не радио. Вот еще

одна странность — музыка удивительная для такси. Что-то очень знакомое. Ну, конечно: Иоганн Себастьян Бах, орган. Вот так девять восемь один. Вера не выдержала и сказала:

— Музыка у вас необычная.

— Почему? — Он, кажется, удивился больше, чем она.

— Чтобы в такси Бах звучал... — Она подбирала слова. — Обычно какой-нибудь блатной шансон. — Она вспомнила часто досаждавшую ей в поездках задушевную пошлость под топорную гитарку — что-то вроде бесконечной «моей любимой женщины», горящих в ночи глаз у свечи и облетевшего к осени листьями клена.

Водитель одновременно поморщился и улыбнулся, не отводя, впрочем, взгляда от дороги:

— Нет, это не мое.

— А почему Бах? Любите классическую музыку?

— Необязательно. Друзья посоветовали. Как-то успокаивает.

— Приходится нервничать? — спросила Вера и запоздало одернула себя: «Что у к нему привязалась? Обычно таксисты разговор заводят, а тут вдруг я полезла...»

— А кому сейчас не приходится нервничать? У меня работа такая... В такси я подрабатываю, а так инженером на заводе, который никак не развалится... — Он помолчал, потом спросил: — Вам музыка не мешает, не громко?

— Нет, что вы, нормально.

Звук органа расставлял все по местам, устанавливал необходимые пропорции, запирал раздражение, опережавшее течение времени, в надежную клетку и уже не выпускал. Прямо перед глазами жизнь вырастала в новое измерение, все обретало один-единственный смысл, и становилось даже непонятно, как можно было не узнать этого раньше? Вот дорога, дома, люди, вывески, машины, перекрестки, пересечения чьих-то желаний и судеб, и над всем этим необозримо плывет такая высказанная истина, которую отрицать никак невозможно. Всю суету, потуги, ошибки, обманчивые достижения накрывает музыка неба, она же всех без исключения и уравнивает в правах. Покой, брэнность, вечность — эта музыка сравнима только с тишиной.

Начал накрапывать дождь, и водитель включил дворники; у светофора машина повернула направо. Наверное, что-то близкое по настроению мелькнуло у него в голове, и он спросил:

— Вы не замечали, что поворот направо тосклив, а в левом повороте больше надежды?

— Я об этом вообще не думала, — в очередной раз удивившись, ответила Вера.

— Не за рулем?

— Нет, это не мое.

— Ясно, — улыбнулся он. — Поворот направо как-то предрешен, он словно просится, чтобы его сделали, он домашний. В левом больше выбора, ты как бы не знаешь, что тебя ждет.

Вера поняла, что попала на не такой уж редкий тип водителя-философа, только не бытового, приземленного, заурядного любителя порассуждать на тему, сколько раньше стоил бензин и вообще какие раньше были цены, какой раньше был порядок и какой теперь беспорядок вокруг, а весьма оригинального, до поры до времени растворенного в неприметности жизни. Ей легко было его слушать, пока они ехали, и это тоже было странно. Она была, по обыкновению, насторожена, не особенно-то и разговорчива, а тут случайный таксист разворачивал перед ней панораму своих взглядов и делился подробностями состоявшихся личных событий. Его звали Сергеем, он был не женат, что можно было вывести из некоторых озвученных им деталей, любил спокойную музыку, неспешность во всем и одиноче-

ство, целостную силу которого ему почему-то надо было обязательно доказать еще в нескольких пущенных на поддержку словах. Наверное, ему просто надо было выговориться, решила Вера.

Когда она вышла из больницы, он ждал ее у машины.

— Я подумал, вам ведь обратно возвращаться.

И никакой наглости в этом не было, напротив, Вере показалось, что Сергей даже несколько смущен. Впрочем, по имени она его не называла, для нее он так и остался человеком с паролем «девять восемь один».

Вера сказала, что у нее больше нет денег на такси. Он объяснил, что это совершенно не важно, ему все равно по пути, ведь он уже закончил смену. Его непосредственность обезоруживала, и она почему-то не возразила. И только когда села в машину, и они уже выехали к рынку, и он спросил, куда ей надо, она вдруг сообразила, что ему с ней, скорее всего, не по пути. Она назвала адрес, еще не вполне отдавая себе отчета в том, что делает, и он улыбнулся:

— Да, я там часто проезжаю.

Случайность стремилась к закономерности, к постоянству. Еще раз она наткнулась на него у светофора: дали зеленый, она стала переходить улицу, но слева ей посигналили, она резко повернула голову, успев подумать, что или делает что-то не так, или ей грозит опасность, и увидела его, «девять восемь один», за рулем «соляриса». Он улыбнулся ей, кивнул и уже высунулся из окна:

— Садитесь, я подвезу!

«Следит он за мной, что ли?» — подумала она тогда. Хотя могло быть и совпадение. Действительно, центр города, переход у «Луча», на Кольцовской. Столько здесь всегда народа...

Были какие-то разговоры с проступавшим смыслом и ожиданиями. Слова словно раскрывались в воздухе, подталкиваемые желанием, и тут же прятались, не найдя опоры. Опять же в основном говорил он; она слушала, очевидно, подавленная его... напором? Нет, тут было что-то другое, скорее мягкая настойчивость, обволакивающая волна прибоем в повторяющемся шепоте, эскиз головокружения и слабости; а получалось, что согласно молчала, поощряя его на дальнейшие попытки стать ближе. Но она не была готова к этому. Вера не хотела к нему привыкнуть, и она уже стала к нему привыкать! Но, наверное, всего лишь к его появлению?

Она решила обратиться за советом к Лиде Камнепад — к кому же еще, кроме нее? Вера не сомневалась в ее богатом опыте, уж Лида-то всегда слыла искушенной в подобных вопросах. Но в этот раз Лида принесла только разочарование.

— Ну, мужик-то нормальный, как я понимаю? — как-то сразу забубнила она. — Чего тебе еще надо? Или своего ждешь? Так это тебе никак не помешает, не упускай... Тебе надо развеяться. Что же теперь, жизнь закончилась?

«Какого «своего»? — в раздражении подумала Вера. — Что «не помешает»?»

Она была разочарована — еще и тем, что так попусту ей открылась. Изложенная история оборачивалась другой стороной; с непричастной позиции слушательницы и советчицы вся ситуация предстала перед глазами Веры такой несерьезной и приземленной, что ей становилось за себя неловко. И даже за него, «девять восемь один», за предмет ее сомнений ей становилось немного обидно. Уж если ее слова были истолкованы Лидой в пользу какого-то абстрактного «мужика», эдакого хваткого и умеющего жить типа, мастеровитого умельца, то что толку ей вообще было рассказывать совсем о другом человеке, как она его видела и понимала?

Но чего же она хотела услышать от Лиды? У нее не было ответа на этот вопрос. Лида не заметила ее неудовлетворенности. Она попросту решила, что никакой проблемы не существует, а если и была, то теперь решена, и в обычной своей бес-

печной и немного грубоватой манере заговорила о всякой всячине, в которой для Веры не нашлось ни малейшего зазора.

Так как же ей быть? Симпатичный, внимательный, добрый, осторожный. Да, такой ни за что не отстанет. И всего-то неделя прошла, а кажется, вечность.

— Мимо ехал и вас увидел.

Какая-то доверчивая простота разлилась по его лицу, как если бы Вера его обманывала, а он не хотел в это верить. «Ну нет, это уже слишком», — подумала она, стараясь выглядеть построже; для этого ей надо было просто надуться, изобразив недовольство. Да, она ведь впала в это смиренное и безропотное состояние из-за слабости. Пора было с ним расстаться. «Я не готова, мне этого не надо».

У нее в руках была сумка, а еще полный пакет.

— Разрешите? — Он потянулся к ним.

Вера отпрянула и завела руки за спину — только так, иначе этому конца не будет.

— Снегу сколько напало, — сказал он как ни в чем не бывало. На самом деле, снега было мало, еще вчера он таял. — Скоро на лыжи можно будет встать. Вы на лыжах зимой не катаетесь?

— Сергей, — она впервые назвала его по имени, — давайте оставим все как есть...

Она хотела сказать «прекратим», но не решилась. Кажется, он ее не понял.

— Хорошо, если спорт нам не походит, мы могли бы...

— Не могли бы.

Вера выглядела стерильно серьезной, и непонятно было, из чего вдруг выросла эта серьезность.

— Почему? — спросил он. Вязаная шапка, от недоумения съехавшая набок колпаком. Вытянувшееся лицо явно подмерзло в ожидании.

— Я не хочу ничего объяснять, — ответила она, и тут же следом в голове у нее промелькнуло: я уже должна перед ним отчитываться? Ей показалось это нелепым.

— Что-то не так?

— Все не так. Просто не хочу.

— Вера, я...

— Нет.

Все рассыпалось — хрупкие отношения рушились, слова застревали на легком морозце и пропадали в немоте. Вера еще что-то поспешно и скомканно выдохнула, что-то похожее на сожаление, и, не поднимая глаз, чтобы не выдать себя и остаться твердой, зашагала прочь. «Девять восемь один», — посчитала она про себя в последний раз, чтобы успокоиться, и не оглянулась.

